

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1'2026

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

* * *

WWW.DARIAL-ONLINE.RU

В Л А Д И К А В К А З
2 0 2 6

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
РЕСПУБЛИКА СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

* * *

ВЫХОДИТ С 1991 ГОДА

16+

Главный редактор

А. И. ЦХУРБАЕВ

Зам. главного редактора

О. Э. ТОТРОВА

Редакционный совет:

И. Г. ГУРЖИБЕКОВА

М. С. ДЗАСОХОВ

В. О. КОЛИЕВ

Т. А. САЛАМОВ

И. А. ТАБОЛОВА

Ф. С. ХАБАЛОВА

Б. Р. ХОЗИЕВ

А. Л. ЧИБИРОВ

В. Т. ЧШИЕВ

Адрес редакции:

362040, г. Владикавказ, ул. Маркуса, 1

Телефоны: (8672) 53-60-30

(8672) 53-58-10

(8672) 54-38-04

e-mail: darial@darial-online.ru

http: www.darial-online.ru

Свидетельство

о регистрации средства массовой информации

ПИ №ТУ 15-00144 от 22.05.2017

Выдано Управлением Федеральной

службы по надзору в сфере связи,

информационных технологий

и массовых коммуникаций

по Республике Северная Осетия-Алания

Учредитель и издатель:

Комитет по делам печати и массовых

коммуникаций Республики Северная

Осетия-Алания

Адрес: 362040, Республика

Северная Осетия-Алания,

г. Владикавказ, ул. Димитрова, 2, офис 102

Телефон: (8672) 33-33-69

Рукописи не возвращаются

и не рецензируются

Мнение редакции не всегда

совпадает с мнением авторов

Выход в свет 27.02.2026

Формат бумаги 60 x 90^{1/16}

Бум. офсетная

Гарнитура шрифта MyriadPro

Печать офсетная

Усл. п. л. 15 + 1 п. л. цветная вклейка

на мелованной бумаге

Заказ № 68

Тираж 600 экземпляров

АО «Осетия-Полиграфсервис»

362015, г. Владикавказ,

проспект Коста, 11

Телефон: (8672) 25-97-94

Цена свободная

1'2026 (192)

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

© ДАРЬЯЛ № 1'2026

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ		129	АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ
4 Сергей ХУГАЕВ На теплом осеннем солнце. <i>Рассказ</i>			Чидик ТИЧБОРН Элегия, написанная в ночь перед казнью. <i>Перевод А. Золоева</i>
14 Владислав УРТАЕВ «Я иду по траншеям лет». <i>Стихи</i>			ВПЕРВЫЕ В «ДАРЬЯЛЕ»
20 Тамерлан ТАДТАЕВ На помощь Гамату. <i>Рассказы</i>		130	Ада БОЛАТОВА Норвежская рыба. <i>Повесть</i>
48 Ольга РЕЗНИК Испуганный бог. <i>Стихи</i>			ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ
ИЗ БАЛКАРСКОЙ ПОЭЗИИ		176	Казбек МАМУКАЕВ. Последний перегон. <i>Стихи</i>
54 Муталип БЕППАЕВ Читая лица. <i>Стихи</i>			ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ПИСЬМА
ИЗ ЧЕРКЕССКОЙ ПРОЗЫ		182	Письма друзей и коллег Тотырбека Джатиева. <i>Из семейного архива писателя</i>
60 Зураб БЕМУРЗОВ Пять с половиной яблок. <i>Рассказы</i>			ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КРИТИКА
ГОСТЕВАЯ КНИГА		206	Никита КРИВЦОВ Глядя на Терек, вспоминали Север
86 Михаил ФРИДМАН «Горы глядят на меня». <i>Стихи</i>		216	Тамерлан САЛБИЕВ Юные герои в поэзии Коста Хетагурова: мотив пробуждения
ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ		228	Дзерасса ХЕТАГУРОВА «Мы все в сточной канаве...»: мотив путеводной/ судьбоносной звезды в осетинской поэзии начала XX века (Д. А. Гатуев, Г. Г. Малиев)
92 Владимир ЧШИЕВ Песня Светланы Медоевой. <i>Рассказ</i>			238 АВТОРЫ НОМЕРА
100 Вилен УАРЗИАТИ Осетинская кукла как предмет традиционного быта. <i>Из книги</i> «Народные игры и развлечения осетин»			
НАШИ ПЕРЕВОДЫ			
122 «Твои уста в плену у новой фразы». <i>Из немецкой и австрийской поэзии. Перевод А. Золоева</i>			

ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА

Александр ИСАЕВ. Художественная ковка

Алимбек ТАРЧОКОВ. Живопись

Сергей ХУГАЕВ

НА ТЕПЛОМ ОСЕННЕМ СОЛНЦЕ

РАССКАЗ

В оформлении использована картина В. Пухаева «Семья»

Здесь раньше не было магазина, и, наверное, старуха прошла бы мимо, если бы не та девушка. Девушка стояла у входа в легком цветистом платье; она была так мила, что старуха на мгновение на нее засмотрелась. Решив, что такой милой девушке можно задать вопрос, старуха обратилась к ней тихим и как будто заискивающим голосом:

— Скажи мне, милая, нет ли в вашем магазине халатов?.. Из тех, какой бы и мне подошел?

Девушка не ответила, но едва заметным движением обнаженной до локтя руки указала ей на скамью, что стояла у стены с другой стороны от входа.

— Благослови тебя Бог, дочка.

«Наверное, видно по мне, как я устала, — подумала она, — усталость, как и скорбь, трудно скрыть». Посидев немного, старуха вздохнула и продолжила свою мысль вслух:

— Устаю, это верно; как не уставать? Осенью в сельском доме забот немало. А при усталости для старых костей лучше солнца ничего нет. Вот и посижу немножко на этом теплом осеннем солнце.

Она положила руки на колени, снова вздохнула, глядя на руки, и вдруг почувствовала желание говорить. К тому же ей показалось, что девушка, оставшись на месте, выражает готовность выслушать ее; она подумала, что было бы нехорошо обмануть ее ожидания, не рассказать ей о своей усталости и скорби. Старуха медленно покачала головой из стороны в сторону.

— Ох-х, пусть из жалости к моему дому никогда не взойдет солнце над их домами — тех, кто принес на базар ту бомбу!.. Я еще слишком крепкая оказалась: как я еще встаю по утрам? Как я еще дышу, на солнце греюсь? О, радость моя, утром огонь разжигающая, вечером постель стелющая!.. — она положила ладонь на щеку, закрыла глаза и затихла.

Вниз по улице шла высокая крепкая женщина с косынкой на плечах. В руке у нее была небольшая корзина, плетенная из тонких белых прутьев, которую она широко, просто от хорошего настроения, раскачивала на ходу. Увидев у магазина старуху, она остановилась и, немного над ней склонившись, спросила:

— Болит у тебя что-нибудь, ма мадыхай¹?

Старуха открыла глаза и немного смешалась, глядя на незнакомку.

— Пусть у твоих недоброжелателей болит то, что у меня болит! Но я здесь не из-за боли присела, а от усталости.

— Я подумала: может, тебе помощь нужна.

— Ангелы да помогают тебе, душа моя. Мне в этот магазин надо, но решила сначала на солнышке посидеть.

Женщина ушла. Старуха взглянула на стоявшую у дверей магазина девушку и тут же отвела взгляд. Она не смела долго смотреть на нее, на такую милую и чью-то невесту. Но она все равно заметила, что девушка внимательно ее слушает. Это было видно и по ее спокойной позе, и по ее кроткому молчанию. И старуха снова заговорила:

— По утрам она первым делом сладкий чай мне в комнату приносила; его пар, такой ароматный, белым облачком над стаканом клубился. «Ты, — говорила она, — чаю пока попей, а мы тем временем по хозяйству похлопочем». Я было с ними спорить принималась: вы что, дескать, раньше времени из меня старуху-то делаете? Я пока и корову подою не хуже других, и двор не хуже других подмету. А вы-то совсем еще молодые, а молодым всегда поспать охота! Нет: и за порог меня не пускали. Мой мальчик, на нее глядя, и сам полюбил по хозяйству хлопотать. Ведь прежде он никогда не рвался ни двор мести, ни за скотиной ходить! Со скотиной, бывало, управятся, во дворе приберутся, а потом заходят в дом: оба улыбку унять не могут. Видно, чему-то смеялись там, на дворе, да не высмеяли до конца смех свой, и у невесты на щеках румянец — и от радости, и от смущения. Когда я видела их такими веселыми, такими согласными, я спрашивала себя: есть ли кто на этом свете счастливей меня?! Потом она принималась за мелкие работы в доме: все углы обойдет, все узлы развяжет — не дом, а святилище! К тому времени и я допивала свой чай и поднималась с кровати. Сын, перекусив, отправлялся на работу. Он и тогда лесничим работал, в Алагире на лесничего выучился. Лес он всегда любил, без него сам не свой был...

¹ Мæ мадыхай (осет.) — досл. «частица моей матери»; почтительное обращение к пожилой женщине.

Тут старуха увидела краем глаза — или ей так показалось, — что девушка пошевелилась. Может быть, ее удивили последние слова — удивило, что в наше время кто-то может любить лес?..

Конечно: что может знать о лесе, о его чудесах и тайнах, избалованная городская девушка! Тот, кто вблизи увидит вековые деревья, их толстые стволы, так мощно упершиеся в землю, их крепкие ветви, которые тянутся к солнцу и которыми они так дружески переплетаются одно с другим, тот и сам будет крепче стоять на земле и любить этот мир. А как она, эта девушка, думала?.. Деревья... Они способны вернуть человека к жизни, какие бы несчастья ни выпали на его долю.

— Если мой мальчик еще на ногах держится, так это благодаря своей работе, — продолжала старуха. — Любит он лес. Лес дал ему все, чего я ему желала. Да будут вечно чтимы его духи! До того черного дня он каждый вечер, придя с работы, рассказывал нам о своем лесе. И как рассказывал! — так, словно побывал в каком-то дивном храме, в далеком волшебном царстве. И мы с невесткой всегда с нетерпением ждали его возвращения. А потом обрушилось на нас небо, и мрак объял наши души...

Старуха вынула из рукава кофты платок, развернула его и, держа двумя руками, подняла и приложила его к глазам... И снова взвыли недра того мрака, о котором она говорила, взвыли как будто оттого, что были так темны, взорвали твердь земли и подняли ее до небес. Когда же ее бесформенные комья упали вниз, земля уже была другой: она была сплошь покрыта окровавленными кусками человеческой плоти. А над землей стоял человеческий вопль. Весь мир был наполнен воплем...

Из магазина вышли две женщины. То, что их было двое и что это были именно женщины, старуха поняла по звуку их шагов. Женщины обычно идут рядом, теснясь друг к другу, не как мужчины, между которыми всегда может пройти другой человек; кроме того, их шаг более звонок и част. Когда они проходили мимо, их шаг замедлился; наверное, они тоже хотели остановиться: что, дескать, забыла здесь эта сельская старуха и что с ней стряслось, что она замерла в такой странной позе, закрыв глаза платком? Но они не остановились, и это было хорошо. Сейчас ей никто не был нужен, кроме этой милой и доброй девушки. Она умеет слушать. Не задает, подобно сверстницам, легкомысленных вопросов. И нет в ней никакого лицемерия, совсем нет.

Старуха отняла от лица платок, посмотрела на девушку. Та продолжала стоять, задумчиво глядя на противоположную сторону улицы, и старуха пожалела ее, что она так долго стоит на месте, и

ей стало неловко перед этой незнакомой доброй девушкой, чьей-то невестой. Ведь она так терпелива только из уважения к ней, к ее скорби и усталости; легко ли так стоять! Может быть, предложить ей присесть?.. А как она присядет? — будто ей досуг сидеть со старухой! Или, может быть, поблагодарить ее и отпустить?.. Но старухе очень хотелось говорить о своей усталости и скорби, сидя на этом ласковом осеннем солнце...

— Предки учили: дорога, ведущая к несчастью, медом намазана. Да сидеть им в раю! — каждое их слово будто на весах взвешено, острием кинжала отмерено. Не пускали мы ее. Мой мальчик, помню, тайком от меня увещевал ее: не смей и говорить об этом! И я на своем стояла, как могла упиралась: не пушу, да и только. Халат, говорит, хочу тебе купить, домашний халат; теплый, мягкий. А Коцора — сапоги. Его сапоги, говорит, совсем износились, промокают. А о главной причине сказать стеснялась. Глупая старая моя голова! Ее платья стали ей тесны, хотела новое себе купить. Это я только потом поняла. Но если я это потом поняла, то почему я этого раньше не поняла, почему молчало мое сердце, да разорвется оно в клочья!

Старуха сложила ладони ковшиком и, наклонившись к ним, опустила в них лицо, будто умывалась. С минуту она молчала и не двигалась. Потом, не отнимая рук от лица, она заговорила как бы сама с собой.

— Любая невестка, когда она ребенка ждет, красивее становится. Красивее и обаятельнее. Но как моей невестке было к лицу ее положение, так — никому. Еще бы: высокая, стройная, тонкая; вот как ты... и как бы ей было не к лицу! Тем более что она стеснялась своего положения, своего растущего живота. Хлопотала все время, чтобы незаметно было. Но можно ли живот спрятать! И то и дело ее щеки заливались краской смущения.

Она села прямо и подняла невидящий взгляд.

— Когда сын на работу ушел, она возьми и снова ко мне подступи. Скоро, говорит, обернусь, к обеду дома буду. Тебе, говорит, халат куплю, Коцора — сапоги и — сразу назад. Коцора — так она моего мальчика называла, за его кучерявые волосы. Теперь у него на голове вовсе волос нет: облез. От горя. От горечи... Что с этой девушкой? — спрашиваю себя снова и снова. Глупая старая моя голова! Как я могла не понять, зачем ей так срочно в город понадобилось? Ведь она всегда послушна была: скажи ей «нет» — и смирялась, не споря. А тут — пусти да пусти, я тебе, говорит, и конфет с медом куплю, какие ты любишь. Пока меня уговаривала, руки ломая, про живот забыла; я на ее живот украдкой посматри-

ваю — и сердце мое вздрагивает от радости. Так он красиво округлился под ее старым платьем, что я сказала себе: ах, теперь бы, забыв приличия, опуститься перед своей невесткой на колени да обнять этот живот!.. Она заметила, куда я смотрю. Схватила руками полы вязаного жакетика, что на ней был, потянула их, запахнулась, и стоит, вся раскрасневшись, красавица моя!

Старуха замолчала, посмотрела тяжелым взглядом по сторонам и, не удержав его, опустила в землю, к ногам. Тут она увидела свои туфли и немного склонила голову набок, будто они ее чем-то удивили. Она потянулась к ним руками, попробовала шнурки: если узлы ослабли, то сейчас, пока она сидит, самое время их подтянуть. Узлы держались хорошо, и, оставив их, она снова заговорила — теперь уже совсем тихим и каким-то неожиданно низким голосом, будто говорила со своими туфлями:

— Когда я выходила куда-нибудь из дому — хотя зачем мне было и выходить, если не по случаю поминок или похорон в нашем селе, — она ставила передо мной начищенные туфли, стоя рядом, дожидалась, пока я вдену в них ноги, и, быстро присев, подтягивала и завязывала мне шнурки — такой аккуратной, ладной бабочкой. Потом, бывало, встанет и улыбнется, а мне-то — мне-то самой плакать хочется от радости!.. С того дня я ни разу в городе не была. Да я бы и теперь не поехала, если бы не засела эта мысль в моей голове, в моей старой глупой голове. Ни на минуту покоя мне не давала. Придумала я купить себе халат. Такой, какой мне моя невестка хотела купить. И носить его в память о ней. Или даже не носить, а так, хранить его. Потому и поехала. Пусть у меня будет халат. Так, будто она сама мне его привезла в тот день. Буду его и надевать иногда. Надену, на обновку порадуюсь, с невесткой поговорю, поблагодарю ее, потом сниму и аккуратно на место положу. До другого раза. Ничего лучше не придумала, ну и пусть...

Старуха подвинулась на месте, будто хотела встать, но не встала, а, немного повернувшись, взглянула на окна магазина. За стеклами ближнего окна стояли две девушки; они смотрели на улицу, опершись руками в подоконник. Ей показалось, что девушки как-то очень грустны, и это ее неприятно удивило: «Им-то о чем грустить? — возмутилась она про себя. — Ведь еще, слава богу, ни одной щербинки нет на их счастье, и обeix оно ожидает в целости и сохранности. Пусть они найдут его, счастье свое. Вот как мы свое нашли. Правда, нам оно впрок не пошло. Единожды на нас замахнулась судьба — а ударила дважды!.. О, крошка моя, дитя мое, и увидеть-то мне тебя не довелось! Один бы раз склонить голову над твоей колыбелью — а потом бы и в землю лечь».

Посидев немного молча, старуха решила было обратиться к своей молчаливой собеседнице. Поблагодарить ее, пожелать ей всех благ и отпустить: пусть идет. Долго она там стоит; небось, ноги уже затекли. Но старуха засомневалась: девушка такая милая, хорошая; опустеет без нее улица. Пусть потерпит еще чуть-чуть. Пока она сама здесь сидит, пусть постоит и девушка. Недолго уже: она уже и сама собирается встать; сколько можно сидеть на чужой улице, у чужого магазина, на чужой скамейке!.. И старуха сама не заметила, как снова заговорила.

— Колыбель — святыня в твоём доме. Погоди, поймешь. Дай тебе Бог понять. Пусть тот дом, который ты для себя выберешь, скоро будет освящен криком младенца! В нашем доме уже давно его не слышно... — Здесь старуха села прямо и продолжала с напряжением и твердостью: — У-у, да прольется на них кровавый дождь, черный кровавый дождь! Одно дело, когда кто-нибудь причинил тебе боль или оскорбил тебя — и ты отомстил: чего не бывает! Но принести свою бомбу к людям, о которых ты не знаешь, ни чем они хороши, ни чем они плохи! Почему их молния не поразила, почему их лавина не погребла?! Как мой мальчик в себе закрылся, от мира ушел, так и они пусть услышат свое сердце! Иногда, бывает, соберусь с духом и напускаюсь на него с упреками, корю и совещу его, на такие слова решаюсь, что самой совестно. Нет: ничто его не пронимает. Уже несколько дней тому, как я снова преградила ему дорогу, когда он на работу уходил: было бы столько же радостей в моем доме, сколько есть людей, более несчастных, чем мы! И неужели они все заживо себя хоронят? Как бы не так! Так почему бы нам не походить на них? Не я тебя, а ты должен меня утешить и вразумить, дать мне надежду! Потому что ты — мужчина!.. Его браню, а сама еле себя сдерживаю, чтобы не разрыдаться. Стоит и — ни слова. Тогда и я его не пощадила: а как же, говорю, афсарм², предков наших порядок? Ведь мы все еще осетины, а у осетин над гробом жены и плакать было не принято: стыдно, стыдно тебе!.. Постоял еще чуть, потом, согнувшись, отвернулся. Наверное, слезы прятал... В Баку у них, у фамилии мальчика моего, родственник живет. Они от одного предка, от одного очага пошли. Человек уже взрослый, бывалый. Попросила его приехать. Две недели у нас пробыл. И в лес с ним ходил, и на улице с ним стоял, и в доме с ним сидел. Ни на минуту его не оставлял и — никакого толку. Мне, говорит, жизнь опостылела. Уже никто не заставит меня снова ее вкус ощутить. А жить с кем-нибудь просто потому, что все так живут, я не смогу. Эти его слова родственник мне передал. И сам при

² Афсарм (*осет.*) — совесть, честь, скромность, приличие, деликатность.

этом попросил меня: оставь, говорит, его пока; его раны разве что время вылечит, а мы ему ничем не поможем.

Старуха снова бросила взгляд на окна магазина, заметила давешних девушек, но, уже не обратив на них внимания, отвернулась и сказала как будто с угрозой:

— Вредители завелись в человечестве, отравили жизнь, подточили корень ее, пожирают ее зеленые побеги. Вот как если бы враг явился в твоё святилище и надругался над всем, что тебе свято. К ним бы к кому-нибудь прийти — и глаз его забрать, и зуб его забрать! Вот как надо бы!.. Что же теперь? Между людьми, которые, сколько себя помнят, бок о бок жили, бездны разверзлись: один дворец себе построил, другой без штанов остался. Оттого и бомбы взрываются, и самолеты падают, и поезда переворачиваются. Ведь базар и раньше на том же месте стоял, — а когда там что взорвалось? Никогда и ничего.

Старуха вздохнула, сцепила пальцы рук и сникла, упершись локтями в колени. У нее немного ныла поясница, и она хотела дать ей передохнуть, перед тем как встать. Сейчас она была похожа на знак вопроса, самой жизнью поставленный после всех ее неразрешимых тайн.

Когда спустя минуту она подняла голову и посмотрела, девушки уже не было. Старухе было обидно, что она ушла. С другой стороны, девушка и так довольно долго стояла и терпеливо слушала ее. Добрая, правильная девушка; из тех, кто дом любит, кто умеет старших чтить. Если бы не так, стала бы она слушать! Сделала бы вид, что не слышит или не понимает, да и улизнула бы. А она вон как долго стояла, не шелохнувшись! А все-таки жаль, что она даже голоса ее не услышала. Не заметила, как она уходит, а то бы успела поблагодарить ее, еще раз счастья ей пожелать... Но как же может быть, чтобы она ушла, не сказав ни слова? Такая хорошая, такая воспитанная девушка?..

Что-то заставило старуху снова оглянуться на окна, но теперь она невольно задержала на них взгляд. На этот раз в том окне, в котором раньше стояли две молодые грустные девушки, она увидела женщину средних лет, но тоже еще вполне молодую и очень приятную. Она стояла лицом к улице, но смотрела вниз, перед собой, как если бы она читала какие-нибудь бумаги, лежавшие на подоконнике. Вдруг она повернулась и, уже отходя от окна, быстро сказала:

— Унесите его отсюда, чтобы она, чего доброго, не догадалась...

Старуха хорошо расслышала эти слова — дверь магазина была распахнута настежь, — но не поняла их смысл. Зато ей было ясно, что эта женщина, скорее всего, была начальницей всех девушек и хозяйкой магазина.

Она внутренне подобралась, чтобы уже наконец встать и зайти к ним. Спросит пока здесь, нет ли у них халатов. Если у них не окажется, тогда дальше пойдет. Не может быть, чтобы она не нашла подходящего халата. В селе только о том и говорят, что в городе магазинов стало больше, чем жилых домов.

Как только она сделала движение, чтобы подняться со скамейки, из магазина вышла та самая женщина, в которой она угадала хозяйку.

— Зайди к нам, ма мадыхай, — сказала она, остановившись перед ней, — девушки тебе халат подобрали, посмотрим, подойдет ли.

Она взяла старуху под локоть и мягко направила ее к дверям. «Так вот почему она оставила меня одну, — смекнула на ходу старуха, — вот почему ушла, не сказав ни слова. Она решила, что будет лучше, пока я тут сижу, сказать подругам и халат подобрать...»

Одна из молодых девушек, недавно смотревших из окна, стояла посреди салона и аккуратно держала перед собой за плечики коричневый домашний халат. Другая, встав рядом, нерешительно улыбалась. А той, что так кротко стояла снаружи в легком цветистом платье и которой она рассказывала о своей усталости и скорби, старуха не увидела, и ей показалось это странным, даже удивительным: как же так? — битый час одна выслушивала ее на улице, а теперь спряталась!

— Снимем эту кофту, — сказала женщина, и старуха уже не сомневалась, что она здесь главная.

Женщина не спеша расстегнула на ней пуговицы, аккуратно сняла с нее кофту и отдала той девушке, у которой руки были свободны. Тогда та, что держала халат, ловко надела его на старуху, а хозяйка, подступив поближе, завязала на ней пояс. Наконец, все трое медленно обошли старуху кругом.

— В самый раз, будто по тебе выкроили, — сказала хозяйка, подняв обе руки, словно призывала Бога в свидетели.

— Конечно, в самый раз!.. Еще бы не в самый раз!.. Ты посмотри... — Разведя локти, старуха осматривала себя то с одной, то с другой стороны. — Но, ради бога, откуда вы узнали, что это мой любимый цвет?..

— Мы тоже кое-что должны знать, иначе что мы здесь делаем! — удовлетворенно отозвалась хозяйка магазина и продолжала уже тихо, но внятно: — А теперь и мы хотим попросить тебя об одолжении и надеемся, что ты нам не откажешь. Будем считать, что этот халат тебе твоя невестка купила, тогда еще купила, в тот день, когда ты ее в город не пускала, а она все равно поехала. Будто она здесь, в нашем магазине купила халат; купила, но по-

чему-то не унесла, здесь оставила, чтобы ты потом сама пришла и забрала его.

Старуха погрустнела. Она не слишком уяснила смысл того, что предлагала эта женщина, но прониклась ее как будто жалобным тоном. И она снова вспомнила ту милую девушку, которая слушала ее, стоя у порога магазина: когда же она успела в таких подробностях поведать им ее историю?..

— Вот ты и пришла, и теперь ты его возьмешь, — сказала хозяйка и мягко опустила ладонь на плечо старухи.

— Возьму, возьму... Как не взять! — старуха засуетилась, быстро расстегнула верхнюю пуговицу халата и сунула руку куда-то за пазуху.

— Я же сказала, — хозяйка магазина нежно остановила ее движение. — Будем смотреть на дело так, будто она — твоя то есть невестка — купила этот халат в этом магазине, что за него уже заплачено и он все это время только хранился у нас...

— Да сгореть мне свечой на ее могиле!.. Почему я была так недогадлива, почему сама не купила ей не одно, а несколько новых просторных платьев!

— ...и теперь за него платить не нужно.

— То есть как — не нужно платить?..

— Так, что за него твоя невестка заплатила.

— Что ты!.. что ты! — испуганно вздрогнула старуха. — Разве вы нам должны что?! Хватит с меня и того, что вы на меня, старую, время тратите, возитесь со мной... Ведь мы все-таки еще дом; над нашей кровлей тоже дым поднимается... Как же можно так?!

— Нет-нет, — настаивала та и снова коснулась ее плеча. — Постесняйся своей доброй невестки. Да и халат может поизноситься, если о нем долго спорить. Теперь, если бы у нас были сапоги, то мы бы и сапоги отправили твоему мальчику. Будто и их твоя невестка купила для своего Коцора и тоже здесь оставила. Вот только нет у нас сапог. Но ты ему, мальчику своему, так скажи — от нас передай ему: есть где-то на земле девушка — не так чтобы близко, но и не так чтобы далеко, — какой второй не найдешь. И она ждет его, мальчика твоего. Но он ходит по земле, опустив голову, и не может ее увидеть. Как ему увидеть ее, если он ходит с опущенной головой? — ведь такой и себя самого не видит!

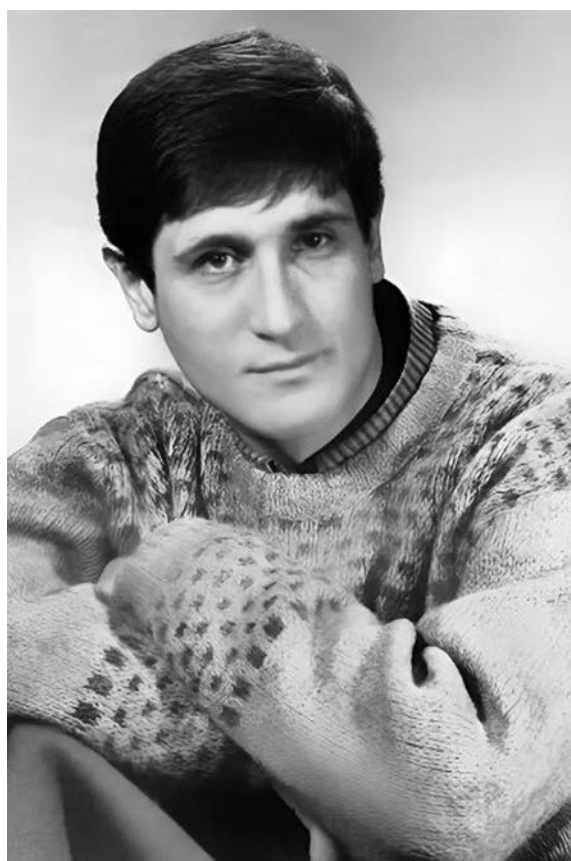
Старуха стояла, все еще держа руку за пазухой, и зачарованно смотрела на хозяйку магазина: кто она, та девушка, о которой она говорит, и откуда она про нее знает?..

Февраль, 2005

Владислав УРТАЕВ

«Я иду
по траншеям лет»

СТИХИ

* * *

Уединен в своей вселенной,
И где-то в вазе сокровенной
Звучит нетерпеливый вздох...
Мир заволакивая пеной,
Во мне клубится дым эпох.

И стародавнее зорится,
И в вечность выпавшие лица
Плоть обретают не спеша...
И на тетрадный лист ложится
Былого грешная душа.

И вот уже скрипят телеги,
И где-то скачут печенег,
Взывая к канувшим богам...
И я от альфы до омеги
Принадлежу своим стихам.

* * *

Из полной фейерверков гавани
Я скромный бриг свой ринул в плаваньё
И знал, что сбудется едва ли,
Что мудрецы мне предсказали.
Я знал, что все их предсказанья —
Мое свободное ваянье.
И много поглотил я соли —
Но есть одно — Свобода Воли.
И вот прошла морская соль —
Я не наместник, не король,
Не тот, кто бурей обездолен, —
Я просто Волен.

* * *

Мой конь поднялся на дыбы,
И вровень встал Я со скалой.
Не надо мне иной судьбы.
Мой Иристон, Я твой, Я твой.

Уастырджи трехногий конь
 Глядит с небес на мой полет.
 Попробуй, враг, меня затронь!
 Трехногий конь тебя забудет.
 И вровень со скалою Я.
 Цари, Осетия Моя!

ХУЫЦАУ¹

Лежит страна меж гор —
 Собор,
 И лижет шелества
 Церква.
 Не сбить и не стереть
 Мечеть.
 Дорога всех дорог —
 есть Бог.
 Осетия. Она
 Одна.

* * *

*Я нашел в себе мужество, чтоб оглянуться назад.
 Трупы прожитых дней устилают мой путь...*

Гийом Аполлинер

Я нашел в себе мужество,
 Чтоб оглянуться назад.
 Трупы прожитых дней
 Устилают мой путь, остывая.
 В переулках глухих
 Штабелями останки лежат
 И безликие тени
 Висят на подножках трамвая.
 Расколосся мой мир,
 Словно грецкий орех — пополам.
 По обломкам его
 Паровоз отбивает мотивы.
 Горизонт пожелтевший
 Подставил ладони ветрам
 И на фоне его
 Шелестят чернобёдрые ивы.

¹ Хуыцау (осет.) — Бог.

Как в усмешку былое
 Уставилось мертвым зрачком.
 Не мигая глядит,
 Запотев от чужого дыханья.
 Как в огромном стекле,
 Чуть дрожа, отражаются в нем
 Напомаженных губ
 И огромных ресниц очертанья.
 Там, где спрятан тайник,
 В сердце пепельный вздулся ожог.
 С отраженья слетев,
 Тушь на рану роняют ресницы...
 И бегут впереди уже,
 Сделав огромный прыжок,
 Трупы прожитых дней.
 И таращат пустые глазницы...

ОСЕТИЯ

Что тут гадать? Осетия одна.
 И, может, она более чем ценность.
 И, как любая Божья драгоценность,
 Здесь, на Земле, не просто так дана.
 И вьются в синевысье корабли,
 И думы их стремительно-узорны.
 Лишь Горы величаво-духотворны.
 Осетия — жемчужина Земли.
 И мы стоим, как прежде, Ты и Я,
 Бегут таблицы, звезды и зарницы.
 Осетия как око бытия,
 А дремы — мимолетные ресницы.

* * *

Я думал раньше: подлецов немного,
 А люди добродушны и просты.
 Друзья, конечно ж, преданны до гроба
 И в мыслях до единого чисты.
 Я был наивен, как наивны дети,
 И испытал все на своей судьбе...
 Не надо верить никому на свете,
 А иногда и самому себе.

* * *

Пускай прогладила рука стол с красно-лаковым покрытием,
Прочитан Кант, прослушан Бах и запечатаны конверты.
Зря обвиняешь паука в том, что холодным липконитьем
Оплел, как бочки в погребах, полотна, кисти и мольберты.
Но пусть потертые витражи и загрунтованы холстины,
Наездницы на жеребцах, и начато запечатленьё...
Не стоит в наледи на ржи винить кочующие льдины —
В сердцах, любимая, в сердцах
Всемирное Оледененье.

* * *

Среди фонтанного стострунья
В тенистом говоре аллея,
Владикавказ, дыша, стою Я,
Влюбленный в бег твоих дождей.
Ловлю сияющие гаммы
Я в твоих крохотных садах.
Звучит мотив лебедианы
В твоих светящихся прудах.
И мне милы лебязьи вальсы
С неразлучимостью их пар.
И струны сами ищут пальцы,
И в пальцах — сердце, плоть и жар.
Люблю — и это не напрасно, —
Что есть в тебе и у тебя.
Но Я прошу тебя так часто:
Ударь симфонией дождя.
Поток твой соткан из отваги —
В ней благо влаг и изумруд.
Пролей на Землю благо влаги.
Ты — Мой узорчатый сосуд.

* * *

Рабом не буду, и не раб —
И журавли летят по звуку, —
Но кажется, что ты ослаб,
И на тебя заносят руку —
Не раб, не стану я рабом,
И, как труху, как пыль опилок,
Смету Я марева ухмылок

Клинком сияющим крылом.
И без «а либо» или «ибо»
За все я говорю
«Спасибо».

* * *

И горький чай вместо вин Малаги,
И на фарфоре тончизна шедевра,
«Ма дин» — по-осетински «Моя Вера».
Перо сочит синева на бумаге.
И лани выгибают свои спины,
И тонкой красотой струятся лозы,
И на волнах из чаши дивной Розы
Играют серпохвостые дельфины.
И звезды, звезды — вот и вся манера.
«Ма дин» — по-осетински «Моя Вера».

* * *

Меня мысли помимо правил
Бечевой волокут назад.
И колючий свой взгляд уставил
Предпоследний в году закат.

Налетев на сердца-бетоны,
Резким пламенем смыл озноб.
Защищая свои законы,
Я свой, личный прорыл окоп.

И на стыке времен, не дремля,
Где, как спруты, кишат пути,
Я вошел с карабином в землю,
Чтоб прицельный огонь вести.

Не бывать ни хвалам, ни одам
В честь вогнавших мне в горло ком.
Я прощанье с прошедшим годом
Увенчал кровавым плевком.

Под моим обгоревшим флагом
В сердце ближнего веры нет.
И наигранно ровным шагом
Я иду по траншеям лет.

Тамерлан ТАДТАЕВ

НА ПОМОЩЬ ГАМАТУ

РАССКАЗЫ

ГИРЛЯНДА

Гирлянда на елке, эта волшебная проводница праздника, испустила дух, оставив после себя лишь темные беспомощные лампочки, похожие на замерзшие слезы. А Новый год уже дышал в окно морозом, рисовал на стеклах диковинные цветы из инея, мел метелью, будто стирал из памяти прошлогоднюю теплую, почти бесснежную зиму. И маленький Таме, захлебываясь горькими слезами, умолял маму дать ему денег на новые огоньки. Старые пыльные игрушки, хрупкие, как скорлупки, ему опостытели, некоторые из них треснули, другие разбились на мелкие кусочки. А конфеты и мандарины, украшавшие колючие ветви, таинственным образом исчезали каждую ночь. Конечно, семья знала, кто обирает бедную елочку, но поймать воришку с поличным еще никому не удалось.

По ночам Таме лишь притворялся спящим, он лежал на своей кровати с закрытыми глазами, прислушиваясь к тяжкому мерному храпу отца, и ждал, когда весь дом погрузится в глубокий сон. Тогда он, затаив дыхание, как индеец на охоте, с воображаемым ружьем и томагавком на цыпочках подкрадывался к нарядному деревцу. Его ловкие пальчики бесшумно снимали с игольчатых ветвей вкусный шоколадно-мандариновый урожай. Забрав добычу, он как тень отступал в крохотную пристройку, сколоченную отцом позапрошлой осенью, служившую и кухней, и столовой, и детской.

Здесь, в этой крохотной комнатке, царил свой порядок. Зимой, в морозы, детей не пускали на улицу даже до нужника, потому и стояло в углу сплюснутое ведро, въедливо и унизительно пахнущее мочой. Это было постыдной необходимостью. Тут же, у ненасытной пасти печки, стояло другое ведро — с углем, черным, как сама ночь. Присев на корточки, Таме открывал дверцу топки, откуда вырывался жар, и огонь освещал его довольную хитроватую

мордочку. Прямо в прожорливую утробу, на угли, он бросал бумажные обертки и липкую оранжевую кожуру, уничтожая следы своего ночного пиршества.

А утром мама с сестрой неизменно поднимали скандал, тыча пальцами в маленького Таме и обвиняя его в постыдном воровстве. Тот, конечно, в отчаянии бил себя кулачками в грудь, хрипел, что в доме кроме него есть и другие сладкоежки, вон мелкий, например, у него же на роже написано, что он будущий вор и мошенник, поищите-ка у него в карманах. Дело в том, что Таме несколько раз подбрасывал младшему брату конфетки, но маленький жирдяй находил сласти и пожирал их задолго до разборок, причем с обертками, то есть не оставлял после себя улики.

Никто, разумеется, не верил клятвам маленького Таме. В итоге предки вынесли суровый вердикт: все шоколадные сокровища должны быть сняты с елочки и заперты на ключ в шкафу, что и было сделано, а мандарины были поделены между членами семьи и съедены, причем малой сожрал свою долю вместе с кожурой. Это был удар ниже пояса, ведь конфеты, помимо своего прямого назначения, исполняли и другую, высшую миссию: их фантики веселыми бликами освещали скромную спальню, что была и гостиной, и всем на свете для этой бедной семьи. И вот тогда-то, словно от обиды, сгорела и гирлянда! А Новый год без разноцветных огней терял всякий смысл, во всяком случае для маленького Таме.

Мама сначала и слышать ничего не желала.

— Какая гирлянда? — ворчала она. — Магазины все закрыты, на улице метель, куда ты попрешь в такую погоду?

— Дай мне три рубля! — заходилась в рыданиях Таме, ползая перед ней на коленях. — Всего три рубля, и я вернусь домой с гирляндой, клянусь!

Неожиданно старшая сестра, тронутая отчаянием брата, вступилась за него. И мама, тяжело вздохнув, поплелась за своей потрепанной сумкой. Получив заветные бумажки, Таме мгновенно оделся — а ну как мама одумается и отнимет бабки! — и выскочил во двор. Он уже мысленно мчался на другой конец города, где, как он знал, продавались заветные гирлянды, и вдруг замер на середине улицы, пораженный открывшейся ему картиной.

Небо над его головой было невероятного, пронзительно-ледяного голубого цвета. По этому бездонному океану плыли кипенно-белые облака, изредка прикрывая собой слепящее негреющее зимнее солнце. Но ветер гнал не только их: прямо перед лицом мальчишки он с воем поднимал с земли сверкающую снежную пыль, кружил ее в причудливом танце и уносил прочь, собирая в

сугробы у заборов. Замерзшие лужи под ногами были похожи на осколки зеркала, в которых отражалось улыбающееся маленькому Таме небо. Он с разбегу скользил по ним на своих кирзачах со стершейся подошвой — в таких неплохо было бы скатиться с горы по катку, но сейчас ее замели великолепные бриллиантовые сугробы.

Маленький Таме и представить себе не мог, что будет так весело. Отыскав сугроб размером с горбатый «запорожец», он с разбегу нырнул в него с головой, как летом в нагретую солнцем реку. Таме поплавал в воображаемой воде и, утомившись, решил немного передохнуть и позагорать. Лежа на спине и глядя в восхитительную бесконечную синеву над собой, он смеялся, и его смех, легкий и радостный, уносился ввысь, точно дым из печной трубы. Счастью Таме в тот миг не было предела, и ему было невдомек, почему в такой божественный искристый день другие ребята томятся в своих скучных домах и смотрят надоевшие передачи и мультфильмы вроде «Ну, погоди!». Другое дело «Том и Джерри» — одну серию он случайно посмотрел по грузинскому телевидению, когда переключал каналы плоскогубцами. Маленький Таме и вообразить себе не мог, что может быть так смешно, и валялся на полу, держась за живот от смеха. После этого он принялся ждать: может, будет повтор или новую серию покажут, спрашивал знакомых про этот мультик, но никто ничего не мог сказать определенно. Взрослые говорили, что на Западе такие мультики смотрят круглые сутки, — вот и вся информация. И концерты отстойные, хоть бы «Бони М» показали, «Аббу» или «Пинк Флойд» — этих ребят Таме слушал по радиоприемнику у тети Зарины. Хорошо, что у него такая крутая, шагающая в ногу со временем тетка, первая модница в Цхинвале, обещавшая купить ему ботинки на платформе.

Зарина как раз жила в Жилмассиве, в пятиэтажке с магазином, где продавались гирлянды. Зайду к ней в гости, решил маленький Таме, и обязательно послушаю «Пинк Флойд», было бы здорово, если бы тетя одолжила ему транзистор хотя бы на день. Впрочем, вряд ли, потому что она сама обожает слушать зарубежную музыку. Маленький Таме мысленно развалился на диване тетки, наслаждаясь новыми зарубежными хитами и пожирая конфеты «Мишка на Севере», пока не смекнул, что на улице сейчас в миллион раз круче, чем в какой бы то ни было квартире. И никакая музыка в мире не сравнилась бы сейчас с воем ветра на его родной улице. Тут он открыл глаза, посмотрел на дом своего приятеля и снова принялся размышлять: почему он, Таме, оказался в этой чудесной сказке один? Просто потому, что родители не хотят выпускать своих детей

на улицу в метель, бояться, что те заболели, хотя на улице солнца столько, что можно ослепнуть. Надо обязательно раскрыть глаза этим незадачливым лузерам, такую красоту нельзя пропускать. Конечно, метели и вьюги бывали и раньше — просто тогда он, как и все, не умел разглядеть этого волшебства, этого великолепного праздника, который природа устроила для него одного.

Таме поднялся и, подойдя к дому своего друга, стал звать его. Но ветер, похоже, решил поиграть с мальчишкой: дунул ему в лицо колючей алмазной пылью. Слепленный снегом, Таме лишь рассмеялся.

— Ах, вот ты как! — закричал он в белоснежную пустоту. — Ну что ж, давай поиграем!

Он принялся лепить и кидать в невидимого противника снежки, которые ветер превращал в сверкающую пыль. Таме сражался с метелью до тех пор, пока не свалился в сугроб, усталый, с полными штанами счастья. Он прилег на белоснежную перину, чтобы отдышаться, но ветер-проказник стал выдувать из-под него пух, пока не обнажил ледяное ложе лужи. Мальчик, смеясь, поднялся и побежал к следующему сугробу, собранному метелью под стеной дома другого его кореша, и, визжа от восторга, нырнул в него головой, зарылся в снег, как летом в горячий песок на берегу Лиахвы.

— Эй, попробуй найди меня теперь! — крикнул он ветру.

Но тут над самой его головой с грохотом растворилось окно, и оттуда, как разъяренный дракон в халате, высунулась мать его товарища и выдала такую ругань, что метель притихла, а сугробы вокруг начали таять от стыда.

— Да чтоб тебя в гробу увидеть, мелкий паразит! Твои дебилские родители вообще головой думают? Куда они, нищеброды, смотрят? Как они выпустили тебя, дурного, в такое ненастье, или ты не родной им? Ну-ка убирайся из-под моих окон, пока я сама не спустилась и не открыла твою бестолковую вшивую башку! — орала она, и пар валил из ее рта, как из кипящего чайника. Халат при этом трепыхался на ветру, как флаг. А под ним, охренеть, грудь без лифчика — два больших снежных кома, на каждом пьяная вишенка, будто снеговик решил обойтись без шарфа и оставил десерт на виду.

Таме, весь белый, от ушанки до сапог, стоял и кивал: да-да, тетя Мая, сейчас уйду, а пальцы — хрусть-хрусть — уже слепили снежный сюрприз крепче, чем характер мамки товарища. И прежде чем тетя Мая успела захлопнуть окно, метко пущенный снежок шлепнулся ей прямо в лоб, растаял и стек в халат прямиком между снеговиками, словно медуза. Мая взвизгнула:

— А-а-а, проклятый гаденыш, тебе конец! — Окно хлопнуло, точно выстрел, и мальчишка, не помня себя, бросился наутек.

Домой Таме вернулся под вечер, промерзший до костей, с насквозь мокрыми кожаными перчатками, которые он стащил у тети Зарины. Когда мама, руки в боки, спросила: «Ну и где тебя, проклятого, столько носило? И где, интересно, гирлянды?» — Таме молча положил на стол туго набитый кулек с шоколадными конфетами и высыпал из карманов пучок бенгальских огней и несколько уцелевших петард и хлопушек.

— Магазин с гирляндами закрыт был, — наврал он, глядя в пол. — А чтобы зря не ходить, я до вечера стоял в очереди за этими конфетами. Их только сегодня завезли в город, говорят, самые вкусные, а мне как самому домовитому мальчику вручили бонусом бенгальские огни. Самые настоящие новогодние, да что лыбьтесь-то, глядите сами!

Конечно же, ему никто не поверил, семья и так все знала, сестра даже отвернулась, чтобы не прыснуть. Оказывается, тетя Зарина уже звонила и по секрету рассказала золовке про то, как сегодня к ней ввалился маленький Таме в расстроенных чувствах, оно и понятно: мальчик потерял деньги и боялся возвращаться домой. Ну она и снарядила племянника, жаль, лампочек разноцветных не нашлось, у нее самой перегорела гирлянда, иначе бы отдала ее любимому племяннику. Мама, тронутая сказками сына, обняла великого охотника до приключений. А отец, проснувшись от шума, басом прогремел:

— Ну, фокусник, давай-ка проверим твои чудеса!

В тот вечер елка сияла не электрическими огнями, а тихим теплым светом семейного примирения. Семья высыпала во двор — метель утихла, и теперь можно было веселиться, не боясь, что шальной ветер задует бенгальские огни или перекроет воем пальбу из хлопушек и развеет конфетти, как сверкающую снежную пыль днем.

ЗВЕЗДНЫЙ МАЛЬЧИК

Людмиле

Каждое лето мама добывала мне путевку в джавский санаторий, аккуратно складывала в чемодан мои шорты, любимые полосатые майки, рубашки, сандалии, и в начале июля мы ехали в душном автобусе до Джавы. Она молчала всю дорогу, глядя в окно, будто считала проплывающие мимо горы. В санатории нас

встречала воспитательница в белом халате, она записывала мое имя-фамилию в журнал, забирала чемодан в камеру хранения и вручала мне ключик с номерком, который я тут же вешал на шею, как талисман. Мама, перекинувшись парой слов с воспитательницей, бормотала что-то про туалет и пропадала. Первое время я тосковал по дому, по голосу мамы, запаху ее платья, но санаторная жизнь затягивала, и через пару дней я уже обжирался в столовой манной кашей, просил добавки, воровал сгущенку, купался в Лиахве, удирал в лес за еловой смолой, курил втихаря, а бывало, и влюблялся в девчонок, которые ночью у костра казались такими же яркими, как звезды над рекой.

В первый раз мама привезла меня сюда с моей старшей сестрой Джулией. Я был тогда совсем еще крохой, таскался за ней, плакал и спрашивал, когда нас заберут домой.

— Скоро, глупыш, потерпи немного, — отвечала Джулия, но было видно, что она лжет.

— Ты всегда так говоришь, а мамы все нет, она, наверное, забыла про нас!

— Отстань от меня! — злилась сестра.

— Ты сама знаешь, что она нас бросила!

— Заткнись...

— Мы никогда больше не увидим маму, да?

— Я сама не знаю.

Глаза у Джулии вдруг наливались слезами, и, чтоб не расплакаться, она убежала, а я падал на траву и бился в истерике. Как-то ночью Джулия пробралась в мою палату, разбудила и шепотом велела одеваться.

— Мама приехала? — пробормотал я сонно. — Но почему так поздно?

— Тс-с, не шуми, — шикнула она. — Пойдем к Лиахве, там звезды такие, что дух захватывает.

Джулия вывела меня через лазейку в заборе, где колючки цеплялись за мою майку, и мы побежали к Лиахве. У реки ее ждали подруги, три девчонки в темных кофтах, лица которых едва виднелись в лунном свете. Самая высокая, Тома, была их атаманшей, она курила, постоянно сплевывала, и ее голос звучал как приказ.

— А что Лара? — спросила Тома. — Почему не пришла?

— Побоялась, что ей влетит от воспиталки, — ответила Джулия.

— Пусть подавится своими окурками, — хмыкнула та и зашагала вперед.

Мы поплелись следом, перепрыгивая через камни и обходя валуны, а шум Лиахвы убаюкивал, как колыбельная мамы. У меня

заплетались ноги, Джулия подхватила меня на спину, и я заснул, уткнувшись в ее теплое плечо. Проснулся я у подножия горы шлака. Девчонки сидели вокруг костра, курили и о чем-то переговаривались. Сестра затынулась сигаретой и пообещала надрать мне уши, если я проболтаюсь кому-нибудь о том, что здесь видел. Веки мои были тяжелые, как будто к ним привязали камни, я клевал носом, пока не провалился в теплую уютную яму и остался бы там, если бы сестра и ее лихие подружки не стали кидать в меня углями. Я проснулся и увидел, что девчонки разлеглись на шлаке и смотрят наверх, как загипнотизированные. Я тоже взглянул на небо и увидел, что все пространство над нами было забито звездами, они висели так близко, что мне пришло в голову нарвать их, как слив, для этого нужно было на что-то встать. Но ни камни, ни валуны, на которые я забирался, не приближали меня к звездам. Тогда я ринулся на гору и, увязая в зыбучем шлаке, стал карабкаться наверх под смех и хихиканье девчонок: «Эй, куда ты, малыш, тебе не достать звезду, она очень далеко, смотри, какой упорный, прямо как жук, гребет всеми лапками».

Я добрался до вершины и, встав на цыпочки, потянулся к самой большой и близкой звезде, но шлак осыпался подо мной, и я скатился вниз, обдирая кожу о шершавые камни. Девчонки бросились ко мне, думая, что я свернул себе шею. Отмахнувшись от множества рук, я гордо поднялся сам и, не обращая внимания на боль от ссадин и ушибов, заявил, что однажды вернусь сюда и нарву целый чемодан звезд для мамы. Потом я улегся у ног сестры и, глядя на сказочное небо, стал засыпать. Джулия положила мою голову себе на колени, укутала своей кофтой, гладила меня по волосам и рассказывала подружкам: «Дома он ловит светлячков, размазывает их на себе и бегаёт по улицам, светясь как звездный мальчик». Девчонки все заохали от изумления, а одна из курильщиц пропищала, что как-то в селе тоже раздавила на лбу светляков, чтобы быть похожей на царицу Клеопатру. Тома велела ей заткнуться и заявила, что здесь упал самолет Гагарина, и шлак, на котором мы сейчас лежим, — все, что от него осталось.

Вернулись мы обратно на рассвете, прокравшись в здание санатория по росистой траве. Никто не донес, и воспитательницы нас не тронули. А я каждый год потом, приезжая в санаторий, приходил к горе шлака, приводил с собой новых друзей и рассказывал им про Гагарина. Только гора со временем становилась меньше, а звезды дальше, да и великий космонавт, как я узнал позже, разбился совсем в другом месте...

К тому времени я полюбил джавский санаторий, скучал по нему и сам просил маму добыть мне туда путевку.

— А ты мне что за это? — спрашивала мама, подмигивая улыбающейся тете Зарине, которая иногда заходила к нам попить кофе и приносила с собой кулек конфет и журналы мод.

— Ну не знаю, а что ты хочешь?

— Назы чъиу. [Еловой жвачки¹.]

— Ладно, договорились.

Тут я начинал действовать, ибо охота за солнечным янтарем начиналась задолго до самого санатория. Я готовился к ней, словно золотоискатель к большой экспедиции на Аляску. За несколько недель до отъезда я с азартом настоящего старателя пускался на поиски и изготовление главного инструмента — идеального скребка. Ценилась прежде всего толстая алюминиевая проволока — гибкая, податливая, не ржавеющая. Ее конец я расплющивал отцовским молотком, создавая грубую, но цепкую лопаточку. Это был стандартный, надежный инструмент рядового бойца. Но в санатории ходили легенды о настоящем артефакте. Таким артефактом был гвоздь, сплющенный между рельсом и колесом товарного поезда. Владелец подобного инструмента сразу же возносился в ранг высшей аристократии. Перочинные ножички, вилки и тому подобную дрянь мы, настоящие охотники за янтарной жвачкой, отвергали, а их обладателей презирали. Мы не брали с собой этих неудачников, считалось, что они принесут беду всей нашей группе. Пусть топают своей дорожкой, а если они станут добычей голодного медведя или свирепых волков, которыми нас запугивали воспитательницы, никто плакать по ним не будет.

В час послеобеденной тишины мы, юные контрабандисты, со своими инструментами в карманах бесшумно исчезали через окно. Нашим порталом в другое измерение служила старая лазейка в щербатом заборе. Мы проскальзывали в нее, и вот уже под ногами была настоящая лесная тропа, зовущая вглубь, вдоль неугомонной, звеневшей на все лады речки, впадавшей ниже в Лиахву. Минут через тридцать-сорок чаща смыкалась над нашими головами, и мы оказывались в ином мире, где свет был охристым, а под подошвой пружинил и хрустел толстый ковер из бурых еловых иголок, расшитый причудливыми узорами упавших шишек и кружевами сухих сучьев. Запах тут был хвойный, терпкий, от него сносило крышу. Мы подбегали к шершавым, иссеченным временем стволам елей, усыпанным золотыми каплями. Рука сжимала верную алюминиевую лопатку или легендарный сплющенный

¹ Здесь и далее в квадратных скобках перевод с осетинского. (Прим. ред.)

гвоздь, и мы приступали к священному ритуалу: нужно было не сорвать, а именно аккуратно поддеть драгоценность у самого основания. Хрясть — и солнечная душистая слеза дерева падала на дно жестяной банки из-под сгущенки. Набрав добычу, мы возвращались к реке, разводили костер и варили нашу жвачку, чтобы она, проклятая, перестала липнуть к зубам. Но истинным сокровищем было не это варево, а редкие находки: кокоба — прозрачная, как алмаз, застывшая смола, или таинственный арсы ууылд — медвежья жвачка — темно-багровые наплывы. Их, как самородки, мы собирали отдельно в спичечные коробки, чтобы потом раздарить самым близким друзьям или девчонкам, в которых были влюблены. Для мамы у меня был отдельный спичечный коробок-сюрприз, в него я отбирал самые красивые, похожие на звезды кокоба.

В то знойное лето воспитатели санатория частенько водили нас купаться на Лиахву, и мы, переполненные счастьем, неслись к песчаному берегу, усыпанному крохотными белыми ракушками. Мы называли их улитками, хотя внутри они были пусты, высушены солнцем, и сколько бы мы ни старались выманить их обитателей, те упрямо не показывались, ну или превращались в невидимок. Ракушки хрустели под ногами, прятались в траве и цеплялись за стебли растений, словно маленькие жемчужины. Они были везде, случалось, что я находил в кармане брюк вместе с песком и муравьями крохотную улитку. Иногда мы брали с собой на речку гостинцы, и ребятя, от малышей до подростков, тащила на себе целые корзины вкусняшек, привезенных заботливыми родителями: спелые арбузы, золотистые груши, румяные яблоки, круглые осетинские пироги и даже пирожные, украшенные кремовыми завитушками.

Одна из воспитательниц, жадная до чужих гостинцев, устраивала из наших лакомств настоящие пикники и с аппетитом угощалась. Ее недолюбливали и мальчишки, и девчонки со всего санатория и прятали от нее свои запасы. Но эта ведьма в белом халате все-таки добралась до моего арбуза, которым я хотел попотчевать своего нового друга Геника. Но вместо того чтобы аккуратно разрезать полосатую ягоду ножом, тетка в белом халате шмякнула его о прибрежный камень. Красная сладкая мякоть вывалилась на песок, и к ней тут же устремились полчища муравьев, точно пираты к сокровищам, потом налетели и злые осы. В те дни было модно раскалывать арбузы с ловкостью циркового артиста — так, чтобы они распадались на идеальные ломти. Но, как водится, не всем это удавалось. Воспитательница, разгоряченная не то зноем, не то собственным неукротимым пылом, вошла в раж и с каким-то

почти театральным размахом расколола еще несколько сочных арбузов. Алая мякоть, усеянная черными блестящими семечками, разлеталась по сторонам, будто праздничный фейерверк, только вот радости никому не прибавила. Песок под ногами жадно впитывал сладкие потоки, а воздух наполнился ароматом лета. Тут одна девчушка с косичками, похожими на два восклицательных знака, не выдержала. Слезы, словно бусинки с порванной нитки, покатались по ее худенькой шейке, шипя на горячем песке. «У меня день рождения! — рыдала она. — А вы все арбузы искромсали! Вы нехорошая, я маме все расскажу!» Девчонки постарше принялись утешать малышку, недобро поглядывая на воспитательницу, которая, похоже, была пьяна.

Но даже тупая воспитательница на омрачила нашей радости. Лиахва сверкала бирюзовой чистотой, мне были видны камни на дне. В августе ее прогретые солнцем воды манили так, что выходить на раскаленный берег совсем не хотелось. В тот неудачный для полосатых ягод день самой притягательной диковинкой стал небольшой плот, сколоченный из сосновых досок местными умельцами. Он был привязан ржавым тросом к противоположному берегу, чтобы его не унесло буйным течением, и покачивался на волнах, как крохотный островок свободы. На нем, словно змея, лежала веревка с палкой вместо головы. Над плотом возвышался огромный заброшенный гараж с провалившейся крышей и сломанной стеной, который больше напоминал разграбленный могильник со ржавыми скелетами самосвалов. Земля под останками машин была черной и пахла мазутом.

Мы назвали нашу находку Кубой, и ребята, не сговариваясь, ринулись к плоту, борясь с напором реки, но только Геник добрался до него. Вскарабкавшись на мокрые доски, он улегся, переводя дух, а мы с берега, затаив дыхание, следили за ним, выкрикивая советы, которые тонули в шуме волн. Геник, поразмыслив, подтянул к себе веревку с палкой на конце, другой конец крепился к носу плота. Вдруг он встал, уперся босыми ногами в шершавую древесину, крепко сжал палку и откинулся всем корпусом назад. Веревка натянулась, плот качнулся, ушел под воду, затем вынырнул, вздыбившись, будто норовистый конь. Геник издал боевой клич и давай выделяться перед девчонками. Он искал взглядом Нателлу. Ей, наверное, было шестнадцать, и в своем алом купальнике она казалась вылепленной из солнца и речных бликов. Влажная ткань облегла ее уже недетскую фигуру, которая невольно притягивала взгляды мальчишек всего санатория. Геник пыжился, пытаясь обратить на себя внимание красотки, но

та, будто не замечая этого водного представления, с преувеличенным старанием разрезала круглые осетинские пироги со свежесколькоными листьями. Полчаса, а то и больше, Геник летал на этом плоту, хотя на деле стоял на месте, это бурлящее течение создавало иллюзию бешеной скорости. Вот он, Гагарин, настоящий космонавт, мелькнуло у меня в голове. Я невольно поискал взглядом гору шлака, на вершине которой когда-то хотел сорвать звезду, но холм будто растворился в жарком мареве. Геник, к великой нашей радости, наконец замерз, спрыгнул с плота, выплыл на берег с посиневшими губами и рухнул на раскаленный песок. Мы обступили его, засыпая вопросами, а он, лязгая зубами, прохрипел:

— Круче этой штуки я в жизни не видел! Прямо как на водных лыжах, только кайф в миллион раз сильнее!

И тут, словно по сигналу, мы всей гурьбой бросились в воду, стремясь к заветному плоту. Но выяснилось, что управлять им мог только один, — тот, кто первым добирался до руля. Остальным ничего другого не оставалось, кроме как ждать своей очереди на берегу, завистливо поглядывая на «космонавта», который раньше всех ступил на деревянный спутник. А Геник все никак не мог согреться и попросил меня насыпать на него сверху горячего песка. Я с удовольствием закопал друга по самые ноздри, и его благодарный, чуть испуганный взгляд был для меня лучшей наградой. Когда настал мой черед, я, задыхаясь от волнения, подплыл к плоту, уцепился за его шершавый край и, собрав последние силы, втянул себя на доски. Ухватившись за палку, я с трудом поднялся. Ноги мои дрожали, плот качался, то вздымая нос, то погружая корму в волны. Моя спина, горячая и красная от солнца, почти касалась воды. Сначала я тупил, не понимая, как это работает, потом до меня все-таки дошло: легкий наклон тела, давление ногой влево — и плот вгрызлся в прозрачную воду, взметая фонтаны брызг. Сгиб правой ноги — и правый борт рассекал Лиахву, точно раскаленное лезвие масла. Это был полет, иллюзия стремительного движения, от которого захватывало дух. Пришла моя очередь показать девчонкам водный цирк. Я взглянул на берег и сразу же наткнулся взглядом на прекрасную Нателлу. Но я не хотел отбивать у друга его принцессу и посвятил свои трюки скромнице Манане. Я давно на нее запал, но она ни разу не взглянула в мою сторону и вряд ли понимала, какому риску я подвергаю свою жизнь ради одной ее улыбки, ну или просто ободряющего взгляда.

В то лето мы не слезали с Кубы. Убегали на речку сразу же после завтрака, пренебрегали послеобеденным сном, мчались туда

до и после ужина — лишь бы еще раз оседлать нашего деревянного конька. Мы загорели дочерна, став похожими на мальчишек из далеких тропических племен с ослепительными улыбками на счастливых лицах.

В последний раз я приехал в санаторий в седьмом классе и встретился с Геником. Ох и обрадовался же я другу, как родного его обнял. Мне всегда хотелось иметь такого славного старшего брата, верного, надежного, чтоб и защитить мог в случае чего. Мы тут же ринулись к реке, но, увы, плота не оказалось на месте, наверное, его смыло во время весеннего разлива. Попытка самим сделать плот не увенчалась успехом: не было подходящих досок, а трос, который мы нашли в заброшенном гараже, был слишком толстый: его не то что привязать к чему-то, поднять было трудно. Мы плюнули на это дело и до вечера купались и загорали на берегу Лиахвы. Курили и рассказывали друг другу про школу и вообще про жизнь в Цхинвале, где почему-то так ни разу и не встретились.

В тот год нагрянули ребята из Тбилиси, и их девчонки держались особняком, глядя на нас, местных, как на пустое место. Но Иринэ с темными волосами и глазами, как у актрисы из журнала моей тетки Зарины, почему-то выбрала меня. Она не гнушалась играть со мной в пинг-понг, бывало, садилась рядом на лавочку, угощала шоколадками, спрашивала, откуда я родом, кто родители, есть ли у меня братья-сестры. Я страшно смущался, бубнил что-то невразумительное в ответ — словом, не знал, как себя вести с ней. Геник убеждал меня быть посмелей и советовал пригласить девушку на свидание. Сначала я робел перед столичной штучкой, но как-то, набравшись храбрости, брякнул, что буду ждать ее на спортплощадке после отбоя. Я думал, Иринэ не придет, но она явилась в фирменных джинсах и куртке — ко всему прочему, она была еще и богачка, ведь такую одежду могли купить своим детям только очень состоятельные люди. А я ждал ее возле зеленого теннисного стола в дурно сшитых под американские джинсы советских штанах, теревя в кармане липкий просмоленный скребок из гвоздя — подарок друга, разбившегося в автокатастрофе. Иринэ приблизилась и сказала, что скоро к ней приедут родители и она хотела бы познакомиться со мной с ними. Ну, сейчас или никогда, подумал я и, кинувшись на девушку, впился ей в губы. Она не оттолкнула, как я ожидал, а обняла меня и, прижав к себе, прошептала:

— Глупый, мы с тобой брат и сестра, нам нельзя влюбляться друг в друга.

— Как это? — бормотал я, уткнувшись в ее джинсовую куртку. — Ты же из Тбилиси, и фамилия у тебя совсем не осетинская.

— Татадзе — это Тадтаевы, я думала, ты знаешь. А когда ты сказал, что твое родовое село Гудис, я поняла, что мы близкие родственники.

Я отстранился, глядя на ее лицо, освещенное тусклым фонарем. Моя первая любовь, такая близкая и далекая, оказалась связана со мной невидимыми нитями рода, о которых я тогда почти ничего не знал. Иринэ улыбнулась, как Джулия в ту ночь у горы шлака, и легонько толкнула меня в плечо:

— Не грусти, братик, мы с тобой все равно будем дружить. Приезжай к нам в гости в Тбилиси, познакомишься с другими братьями и сестрами.

В тот последний год я вернулся домой из санатория сам, без помощи мамы. Просто сел с чемоданом в автобус, заплатил за проезд и через полчаса сошел на остановке в Богири. Подхватив свой багаж, я поплелся по пыльному тротуару. Люди оборачивались мне вслед: наверное, мой шоколадный загар навевал им мысли о морях-океанах, пальмах и пляжах с золотистым песком. Навстречу мне, колыхаясь в такт неведомой мелодии, плыла девушка. Она приблизилась, сверкнув любопытными глазами, и с ходу выпалила:

— Слушай, ты случайно не из Африки к нам прибыл, малыш?

— Я с Кубы, детка, — не растерялся я с ответом. — Остров свободы, слыхала?

Тетя Зарина была у нас в гостях, пила кофе и, уткнувшись взглядом в глянцевого журнала, переворачивала страницы. Увидев меня, моя миниатюрная тетушка всплеснула руками:

— Нет, вы только гляньте на него, какой он черный! Я тоже так хочу!

— Для этого надо уметь плавать, — важно, по-взрослому ответил я. — И держаться на водных лыжах.

— А дерзить-то как стал! — рассмеялась она. — Ох, уморил! А назы чьему привез? Обещал же! Смотри, надо держать слово.

— Конечно! Сейчас, только с ребятами поздравляюсь.

Я вышел на улицу, где меня поджидали Беса, Джембо и Хуича. Мы поздоровались, обменялись парой фраз о прошедшем лете. Они тоже загорели в своих родовых селах, куда их спланировали на лето родители. Я знал, зачем они пришли, и не стал их томить. Вынув из кармана затертый спичечный коробок, вручил каждому по пять прозрачных застывших капель еловой смолы, которая не липла к зубам и превращалась во рту в волшебную сиреневую жвачку с терпким хвойным вкусом детства и свободы.

НА ПОМОЩЬ ГАМАТУ

Екатерине Туаевой

Печь гудит в углу как сумасшедшая. Мать с платком на голове, в своем старом фланелевом халате суетится вокруг нее. Вечный двигатель на фоне апокалипсиса наших дней: то дров подбросит в раскаленную пасть, то ржавую дверцу духовки откроет, чтобы перевернуть круглый дымящийся пирог с луком и сыром. Сегодня праздник, и в доме, как до войны, пахнет детством, миром и спокойствием. А снаружи из Приса доносится лихорадочная беспрерывная стрельба, как будто кто-то рвет на клочки серый холст неба. Жарят с обеих сторон будь здоров. И у меня в груди вдруг совсем не к месту возникает дурацкий зуд двинуть на помощь присцам.

Страх материализуется из пара пирога, принимает форму дракона и бьет своей чешуйчатой лапой мне прямо в живот. Я сгибаюсь от боли, кажется, сейчас стошнит и вывернет наизнанку. Впрочем, я не впервой сражаюсь с этим чудовищем, мы, что называется, старые приятели. Мысленно облачаюсь в доспехи тамплиера с красным крестом во всю грудь, острием копья касаюсь его мерзкой морды и говорю: «Ну что, тварь? Либо ты сейчас же перестанешь меня кошмарить, либо, мать твою, подниму тебя на пику, сделаю из тебя шашлык и скормлю присским волкам».

Он принимает вызов. Мы сходимся на ристалище моего сознания. Я проворней, но он коварней. Копье ломается о его чешую, затупляется двуручный меч, клинок кинжала гнется, как алюминиевая проволока. В голове мелькает гениальная мысль — пристрелить его из карабина. Но страх ныряет под рванный халат моей мамочки. Понятное дело, на что он рассчитывает. Но я еще не выжил из ума, чтоб завалить собственную матушку. Придется кончить эту тварь по-другому.

А он, напивавшись моей отрицательной энергией, отращивает три головы и дышит на меня огнем, как гребаный факир. Делать нечего, ищу глазами поддержку. На трибунах моего разума зрители прошлого и настоящего. А вот и она, моя возлюбленная: сидит в первом ряду с отцом — королем Тараки. Прости, солнце, говорю, поднимая забрало, чтобы она узрела мое шизанутое лицо, я не сразу разглядел тебя за этим огромным дурацким веером, уж не из перьев ли глупого павлина твое опахало или, может, поймали страуса и ощипали птичку?

Она краснеет, моя голубушка, опускает взгляд и украдкой бросает в мою сторону надушенный платочек. Хватаю вышитый сморкальник, и оттуда выпадает несколько волшебных пилюль. Закидываю их

в рот, проглатываю и замираю в ожидании действия. Почувствовав прилив безумной силы, бросаюсь на дракона, отрываю ему все три головы и одну, начинающую расти, глупую зубастую башку, швыряю их к ногам моей принцессы в золотых башмачках. Та брезгливо отфутболивает лязгающие клыками головы плешивому королю и благосклонно улыбается мне, своему верному рыцарю. Вдруг ее папаша в горностаевой мантии начинает вопить и звать на помощь. Перевожу взгляд на Тараки и вижу, что одна из оторванных голов отгрызла его величеству ногу по самую ляжку, жует ее, хрустя косточками, и подмигивает мне своим стеклянно-красным глазом.

Иллюзия рассеивается. Нет, я не могу сидеть на этом продырявленном диване, ведь если враги возьмут Прис, следующим будет наше чертово левобережье. Это как два пальца об асфальт. Может, грузины уже идут сюда, опьяненные победой, и добивают по дороге раненых из отряда Гамата? Надо спешить на выручку, пока присцев не вырезали под корень.

Разумеется, я там зарекомендую себя героем. И завтра все будут трубить: «Слыхали, Таме в Присе бился как бешеный!» Слава разнесется по всей Осетии, может, и до Северной дойдет. И уж конечно, легенды про меня долетят до моей принцессы. Она встретит меня в дверях с большущим крученым рогом, полным домашнего пива. Я утолю жажду, обниму красавицу, она прижмется ко мне и страстно прошепчет: «Милый, после твоих подвигов я наконец-то готова отдать тебе...» «О! — воскликну я, восхищенный предстоящим таинством. — Ты не пожалеешь о своем выборе, я сделаю тебя счастливой!...»

Говоря по правде, быть мужчиной в наше время — это вообще цирк с конями. Нужно постоянно доказывать, что ты не уклонист, не предатель и не владетель пацифистского микрочлена. И что в штанах у тебя стальные яйца. Мои, кстати, чемпионские, увесистые, прямо-таки утиные, и зад волосатый, и грудь мохнатая.

Аккуратно снимаю с вешалки зимнюю куртку, тяжелую от патронов и гранат в карманах. Влезаю в пуховик — боеприпасы приятно массируют бока — и обращаюсь к маме:

— Когда можно будет сесть за стол?

— Скоро уже, — говорит она не оборачиваясь. — Через полчаса, максимум сорок минут.

— А раньше никак?

— Ну что ты, сынок! Сегодня большой день: надо, чтобы на столе было три пирога, а я пока испекла один. Потерпи, мæ лæппу [сынок], вместе сядем за стол, как полагается, и вознесем молитвы Богу.

— Но для этого нужно домашнее пиво, а его у нас нет! — У меня аж слюнки текут, так хочется холодной кружки перебродившего пива.

— Можно и с аракой. Попросим Боженьку, чтоб он прибрал Гамсахурдию, будь он проклят! — бормочет мать и торопливо, чтоб не обжечься, голыми руками поворачивает пукающий паром из дырки посередине поджаренный пирог.

— К черту Гамсахурдию и водку! Да и тосты толкать я не умею, ты же знаешь.

— В доме ты теперь за старшего, сынок. Придется тебе это принять.

Меня передергивает от этого дешевого пафоса, ибо я человек приземленный. До войны, если кому интересно, я мог из камня выжать деньги, добывал бабло там, где другой прошел бы мимо. Но на войне я конкретно оступел. Сейчас только о том и думаешь, как бы не словить грудью или головой вражескую пулю. Впрочем, склеить лапы можно и от дружеского выстрела в спину. В смутное время нужно быть суперосторожным. Но мне все равно хочется выглядеть крутым парнем хотя бы в собственных глазах, и потому я читаю про себя стишок собственного сочинения, как Винни-Пух ворчалку: «Я самый отважный в мире боец, сам себя пугаюсь, ну просто трындец».

— Не, я пас, — говорю и топаю к своей кровати в кирзовых сапогах (не помню, как успел надеть их), вытаскиваю из-под нее за ремешок карабин.

— Что ты задумал, сынок? — тревожится мать.

— Пойду гляну, что там у присцев творится.

Оттягиваю затвор. Убедившись, что патрон в стволе, а магазин набит до отказа бронебойно-зажигательными, ставлю на предохранитель и закидываю оружие за спину.

— Только ненадолго. Помни, сегодня большой день, и пироги должен разрезать мужчина!

— Тыхсгæ дæр ма кæн, Ме Стыр Амонд, тагъд фесдæхджæн. [Не переживай, Мое Большое Счастье, я быстро.]

Обниматься перед делом — плохая примета, поэтому я просто выметаюсь из дома не оборачиваясь, чтобы не видеть лица милой матушки. Я называю ее Мое Большое Счастье, и мне кажется, ей приятно. Но что она думает после того, как я ухожу на войну, одному богу известно.

На улице никого. Снега навалило по щиколотки, он хрустит под ногами, предвещая беду. За спиной застыл припорошенный

колючим снегом холм. С его вершины Цхинвал как на ладони: наша улица, затянута льдом река, крыши домов на другом берегу, бойня, большой базар, мехзавод, озеро и серые коробки жил-массива. Когда все только начиналось, грузины захватили высоты над городом, и на этом чертовом холме засел одержимый снайпер. Он бил одиночными, как метроном: выстрел, минута паузы, иногда меньше. Пули рвали морозный воздух сухим треском, крошечные кусочки свинца несли ударную волну, которая вминала полиэтилен на наших окнах. Пленка втягивалась внутрь, как жабры выброшенной на лед рыбы. Страшнее всего было, когда снайпер замолкал: тишина давила сильнее выстрелов, она была как промоина во льду — черная, бездонная, скрывающая неведомую угрозу. Это была чистая пытка, психологическая атака, от которой хотелось выть. Меня все время тянуло под кровать, накрыться матрацем — пуля, слышал, запутывается в шерсти — и заткнуть уши. Но все равно я слышал шепот снайпера: «Эй, сиди в своей конуре, дернешься — и пуля твоя. Шаг за порог — и кровь твоя расплзется алым по снегу, ярче, чем ты можешь себе представить, обещаю, что кошмары твои станут явью».

Отец не находил себе места, ходил по единственной отапливаемой комнате с красными от бессонницы и отчаяния глазами. Он ведь приехал достраивать второй этаж, хотел разбить на участке перед фасадом сад, но мечтам его не суждено было сбыться — враги отняли все в один миг. Первой не выдержала мама. Мы не пускали ее, умоляли: «Не ходи, убьет же!» Она спокойно высвободилась, взяла два пустых ведра и вышла. Был яркий морозный день, солнце слепило глаза, отражаясь от снега и осколков стекла тысячами холодных лезвий. Пули свистели все так же мерно, окна хлопали пленками-жабрами. Я стоял у двери с самодельной гранатой и обрезом мелкашки, считал секунды и шепотом молился. На отца и младшего брата было тошно смотреть: трое мужчин оказались слабее женщины. Каждая пауза между выстрелами растягивалась в вечность... Мама вернулась. Просто вошла, поставила полные ведра на некрашенный пол — вода плескалась через край. Ничего не сказала, вытерла руки о свой фланелевый халат, скинула мокрые калоши, надела свои старые тапочки и пошла к печке печь цъади [чуреки]. Никто не бросился ее обнимать, никто не заплакал, ужас стал нормой в нашей семье. Облегчение пришло тихо, без слез, просто выдохнули и разбрелись по своим углам. После этого страх отступил. Снайпер тоже остыл и стрелял теперь не так часто, как раньше, и то с утра, как будто хотел напомнить о себе: не расслабляйтесь, я все еще тут. Но люди потихоньку

выползали: кто за хлебом, кто просто увидеть живое лицо или поболтать, оглядываясь на холм, породивший такое чудовище.

А потом однажды ночью пришли наши из города с автоматами, тихо заняли дом под бугром и затаились. Утром холм снова завел свою песню: хлопок — пауза — хлопок. Наши вначале молчали, вычисляя по звуку, приглушенному снегом, точку, где засел стрелок-метроном. И когда сложилась картина, ответили. Не одиночными, а оглушительными яростными очередями, от которых сосульки слетали с крыш, а снег фонтаном вздыбился в гнезде снайпера. Казалось, они выжигали саму память о нем каленым свинцом. Потом наступила тишина, но уже другая, не зловещая и давящая, а зимняя, звонкая, как на картинах Левитана. Тишина, в которую постепенно вплетался хруст шагов на улице, неспешные разговоры, приветствия, стук топора, вой мотора бензопилы. Жизнь снова возвращалась на нашу улицу. Стрелок исчез, словно его и не было, лишь ветер выл в его запаянном свинцом гнезде. И на холм, покрытый снегом и черными соснами, теперь можно было смотреть без содрогания.

Отец после этого в сердцах заявил, что не намерен строить дворцы чужим. Уехал и обосновался в селе Виноградном под Моздоком.

С тех пор прошел год, война продолжалась, я продал весь стройматериал для второго этажа и купил себе карабин.

Пальба в Присе не замолкает, напротив, становится яростней. Страх снова оживает внутри, начинает тянуть назад, к дому, где мама, тепло, водка и три пирога на столе. Но я не поддаюсь и пружиню вперед, навстречу призрачной славе. Вдруг на втором этаже кирпичного особняка напротив мелькает тень. За тонкой дымкой прозрачной занавески проступает силуэт Денизы, той единственной, ради которой, признаюсь без утайки, я и творил все свои безумства. Она училась в музыкальном училище. В те далекие светлые дни, еще до войны, когда небо казалось бесконечно синим, она часами играла на пианино. Звуки лились из раскрытых окон серебряным дождем: то страстный Чайковский, то грозный Бетховен, то легкий, как бабочка, Моцарт. Я был уверен, что Денизу ждет великое будущее и она будет давать концерты в Париже, Монте-Карло, Вене, Лондоне, Нью-Йорке, Венеции...

Царапаясь о ветки сливы, я взбирался на пыльную сухой чердак нашей ветхой времянки — той жалкой лачуги, которая стояла в двух шагах от их великолепного дворца и портила весь вид, точ-

но гнилой зуб в ослепительной улыбке. Именно из-за нее кипела многолетняя вражда между нашими семьями: родители Денизы требовали снести эту чертову постройку — она загораживала свет, уродуя панораму их кирпичного дома и волшебного сада с безумно красивыми розами, фундуком, желтой сладкой черешней, тутовником и безумно вкусной грушей сорта хецецури. Мои упрямо отказывались: временка служила сараем, где громоздились мешки с цементом, пахнущие олифой липкие деревянные двери и сложенные в стопки сто двадцать алюминиевых листов для крыши нашего недостроенного особняка из туфа.

На чердаке я припадал к нагретому солнцем горячему шиферу и пил эту музыку, точно домашнее пиво, до опьянения. Потом срывал с ветки синюю сливу, спелую и сладкую, как сама любовь, и тихо бросал ее в окошко. Музыка прерывалась, занавеска отлетала в сторону, передо мной являлась Дениза, и мы начинали нести любовный вздор. Для вящего удобства я пробил в шифере дыру и через нее протягивал руку соседке, она, пунцовая от смущения, тоже тянулась ко мне. И когда ее ладонь касалась моей, происходила химическая реакция: щелчок — и я наполнялся счастьем, как лампочка светом. Я был готов отдать ее семье все: временку, недостроенный дом из красного туфа со стройматериалами в придачу, лишь бы мы были вместе. Но родители ее были против наших отношений, не только из-за сарая: просто мы были для них слишком бедны. Наше имя звучало недостаточно громко и богато, чтобы впустить в их роскошный мир простого паренька с чердака барака...

Чувствую на себе взгляд моей принцессы. Может, сейчас она стоит у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и видит меня, своего безумного героя, уходящего в бой ради нее одной. Может, губы ее шевелятся, шепча: побереги себя, мой рыцарь, не губи себя, пожалуйста, вернись.

Мне вдруг до тошноты, до дрожи в коленях не хочется больше идти в этот чертов Прис, где смерть поджидает за каждым углом, где воздух пропитан гарью и криками. Ноги наливаются свинцом, разум кричит: остановись! Но повернуть обратно нельзя, потому что я уже засветился в ее глазах, отступить — значит навсегда стать в них трусом, предателем, тем, кто предпочел диван грохоту боя.

Черт, как бы остаться здесь, не опозорившись? Как бы выкрутиться, сохранив лицо? Вдруг кто-то из соседей все-таки отважится выйти и начнет уговаривать: «Давай, Таме, ты не пойдешь туда один!» — «Ладно, окей, — и я, противоречивый, огорошу его

встречным предложением: — А знаешь что, махнем-ка в Прис вместе, ты да я, круто же, ты только подумай!» — «Но мы же с тобой не дураки, чтобы переть на войну вдвоем, — возразит сосед, и лицо его станет белее снега. — Нас должно быть не меньше роты, иначе какой от нас прок — просто пушечное мясо!» — «Какая, к дьяволу, рота? Ладно, я все понял. И знаешь что, справлюсь со своей миссией один».

Этот диалог происходит в моей голове, передо мной никого, пустота. Окна домов плотно закрыты шторами, ставнями, чем угодно, лишь бы не видеть, не знать, не вмешиваться. Возможно, кто-то из ребят все-таки наблюдает в узкую щелочку, дрожащей рукой отодвинув край ткани, следит, как я с карабином на плече ухожу на войну, и в ужасе трясется, представив себя на моем месте под пулями на пропитанном кровью снегу. Прекрасно его понимаю: я и сам был таким же трусливым сукиным сыном, пока не понюхал пороху на цхинвальских баррикадах. Мой совет такому засранцу: со страхом нужно уметь договариваться или ломать его через колено. Иначе так и останешься за шторой и никто никогда не увидит твоей отваги.

Я свернул с нашей улицы и тяжелым шагом направился в сторону города.

Год назад, когда грузины взяли Цхинвал, мы с левобережья пробирались в центр к баррикадам в основном по ночам, как гребаные ниндзя. Но бывало и днем — никакого точного расписания, только злость, адреналин и дикая жажда свободы гнали нас через Лиахву. Старый мост был перекрыт оккупантами. Единственный путь — газовая труба над рекой, по которой надо было идти, как по канату, без страховки, без перил, без права на ошибку. Наш берег выше противоположного примерно метра на четыре, и стальная кишка падала вниз под прямым углом. С той стороны добрые люди приставили лестницу: мол, после такого номера спуститься будет легче. Чушь! Тот, кто прошел по этой чертовой обледенелой железяке, уже не нуждался ни в каких лестницах. Мы были канатоходцами без страховки, смертниками с титановыми яйцами.

Со старого моста труба была как на ладони, и грузины оттуда пялились на нас в прицелы. Однажды после бессонной ночи на баррикаде я решил вернуться домой и отоспаться в тепле. Я подошел к переправе с лимонками в карманах пуховика затемно. Поставил на берегу, борясь с искушением пройтись по трубе прямо

сейчас, подавил в себе глупое желание подставляться под пули. Развернулся и подумал: не лучше ли скоротать время до темноты у школьного товарища? Он и живет здесь неподалеку, давно у него не был, поболтаем, что у них на районе творится. Пока размышлял, что делать, кто-то окликнул меня по имени. Зевая, я побрел на зов и у развалин хрустального завода наткнулся на наших с левобережья. Ребята все были в одинаковых белых папахах из овчины, и я спросил, откуда такие шикарные головные уборы, уж не «Симд»² ли ограбили. Андрейка с автоматом АКСУ и в коричневой бурке, тот самый, что взорвал на старом мосту машину с оккупантами, сказал, что шапки и бурка позаимствованы из хранилищ института. Он был уставший — наверное, провел ночь на институтской баррикаде, и говорил с таким видом, словно вытягивал из себя не слова, а жилы. Я тоже не горел желанием вести беседы с кем бы то ни было, замолк и вместе с шайкой абреков принялся ждать темноты. Солнце и не думало закатываться, мы не знали, как убить время. Хуми достал засаленные карты и предложил сыграть в джокер. Мы зашевелились, ожили, как почувствовавшая кровь нечисть. Мгновенно соорудили столик из старого ящика, нашли в свалке школьную тетрадь и ручку, расселись, как вдруг появился Чабо. Он приветствовал нас веником и, спотыкаясь, двинул мимо к трубе, оставляя за собой шлейф перегара. Все произошло так быстро, что никто не догадался остановить его. А когда спохватились, было поздно: Чабо уже был на трубе и уверенно шел по ней, несмотря на то что был пьян в хламину. Хуми в шутку даже перекрестил его, и мы все замерли в ожидании.

Со старого моста Чабо тоже заметили, приняли веник за оружие, и понеслось: тра-та-та-та, очередь за очередью, будто салютовали трюкачу. Чабо уже одолел половину пути и тут услышал, как пули воют, оглянулся — глаза по пятаку: ну все, братва, мне конец, встретимся в аду! Нога поехала по скользкой трубе, он раскинул руки в стороны, как пингвин крылья, потерял баланс, качнулся и сиганул вниз в своем тяжелом, с растянутыми от поллитровок карманами пальто. Хрясть! Пробил лед всей своей массой и ушел под воду. Мы рванули к берегу — крики, мат, адреналин зашкаливает. Но грузины открыли по нам такой плотный огонь, что пришлось залечь за валунами. Сижу за камнем, сердце где-то в заднице колотится, смотрю, куда течение вынесет труп. Тень в распахнутом черном пальто подо льдом мелькает — жуть. И вдруг треск — выныривает Чабо за скальным выступом, куда сви-

² Речь идет о Государственном ансамбле песни и танца Республики Южная Осетия «Симд» имени Б. А. Галаева. (Прим. автора.)

нец не достает. Кашляет, харкает, волосы сразу же превратились в сосульки-дреды. Вылез на наш берег, постоял немного, глянул в сторону старого моста, типа: спасибо за контрастный душ, засранцы! Отряхнулся, как пес после купания, и похлопал домой. Мы ему всей шайкой с другого берега: «Ну и везучий же ты! Крещение по-осетински принял, с тебя причитается!» Он помахал нам, типа, конечно, дайте только до дома дойти, посушиться!

А я еще долго вспоминал эту историю, когда сам пробирался по газовой трубе в центр, где шла пальба. Каждый раз, ставя ногу на обледенелый металл, мысленно прощался с жизнью и шел дальше. Так и возвращали Цхинвал — по газовой трубе под прицелом, с венниками, автоматами, гранатами и титановыми яйцами.

Я прошел несколько улиц и вдруг заметил Хуми. Сердце мое заколотилось, потому что он тоже подкатывал к Денизе. Я ненавижу его и ждал момента всадить ему пулю в лоб, в грудь, под лопатку — куда придется. В открытую тягаться с ним было бесполезно, потому что до войны он занимался тяжелой атлетикой и мог поднять одной рукой дюжину говнюков моей комплекции. Соперник мой стоял, прислушиваясь к пальбе из Приса, и, похоже, не ожидал встретить меня. С нескрываемой усмешкой он уставился на торчащий за моей спиной ствол карабина.

Никогда не забуду, как он в этой своей белой папахе провожал Денизу домой во время обстрела. Я заметил их, будучи в парке, и побежал за ними, всхлипывая и повизгивая, как дрянная жалкая собачонка. И вдруг снаряд угодил в дом, мимо которого они проходили. Бабах! Взрывная волна вырвала стекла вместе с рамами, воздух наполнился пылью, щепками, криками, и этот исполин накрыл собой мою хрупкую девушку. Я чуть на куски не разлетелся от ревности и кинулся разгребать завал в надежде, что Хуми сдох от осколков. Но такие сволочи живучи. Парочка выбралась из-под досок и битого стекла без моей помощи. Хуми презрительно отмахнулся от меня, как от мушки. Я, однако, продолжал суетиться вокруг сплетенных тел — бессмысленно, жалко, как незадачливый муж, который застучал свою жену с любовником и теперь не знает, то ли кричать, то ли плакать, то ли просто исчезнуть, — пока Хуми не прикрикнул: «Да отвали ты, мать твою, не мешайся под ногами!» Я ничего не сказал, только поднял кусок арматуры и приготовился расколоть ему башку, с которой слетела папаха и в которую я плюнул, но уже сбежался народ, и мне пришлось проглотить оскорбление. Главное, что Дениза осталась цела. Но, отряхи-

ваясь от мусора, она такими влюбленными глазами смотрела на своего спасителя, что я поклялся убить его.

И вот представился случай, можно сказать, удача подмигнула — грех не воспользоваться ситуацией, к тому же мы одни, без лишних глаз и ушей. Я предлагаю Хуми авантюру: прорваться в пекло на помощь Гамату. Тот задумывается, уходит в себя, как черепаха в панцирь во время опасности. Я ухмыляюсь, ну все, сейчас начнет отмазываться: патроны кончились, автомат заклинило, нужно помочь маме пироги из печки вытащить, она у него с одной рукой, другую оторвало во время бомбежки — стандартный набор труса. Но Хуми, будь он проклят, молча кивает и, не задумываясь, подписывает себе смертный приговор. Он просит подождать минутку, я презрительно кривлю губы, уверенный, что он не покажется мне на глаза в ближайшие несколько дней. Спрячется, как крыса. Гигант исчезает за калиткой и выныривает оттуда в этой чертовой белой папаше и зимней куртке с оттопыренными карманами от магазинов, на плече автомат. И мы, два соперника, влюбленных в одну девчонку, шагаем напрямиком в мясорубку, навстречу коллективной глупости под названием «долг». Останавливаемся на развилке перед пустым военкоматом. Налево, через старый мост, — город, где можно примкнуть к какому-нибудь отряду и вместе ждать приказаний от трусливого глупого командира. Но меня гложет чертова ревность, жжет изнутри, как раскаленный прут, и в предвкушении расправиться с соперником на пути в Прис сворачиваю направо, в сторону кладбища на холме.

Мы бредем мимо мертвого здания суда и выходим на широкую трассу, лежащую перед нами безжизненной белой лентой. Здесь ни машин, ни людей, лишь ветер гонит снежную пыль, будто стирает последние следы человечества. Поднимаемся вверх, нащупывая ногами тропу, каждым шагом приближая необратимое. Снег по колено, цепкий и мокрый, как предсмертная тоска. Маленькая церквушка на вершине холма остается позади, внизу, под нами, — будто вымерший город. Теперь я настороже: вдруг Хуми разгадал мой коварный замысел и решит повернуть назад? Но уже поздно, если даже он расплачется и на коленях начнет просить пощады, пуля из моего карабина заткнет ему рот. Чтобы окончательно усыпить его бдительность, я иду первым, прокладывая путь сквозь сугробы, готовый в любой момент отскочить в сторону, если сзади лязгнет затвор или щелкнет предохранитель.

По бокам, как немые стражи, стоят засыпанные снегом памятники. Ангелы с отбитыми носами и скорбные плиты — лучший пейзаж для того, чтобы до костей возненавидеть самую идею героизма, эту

лживую ржавую мишуру, за которую люди умирают, оставляя лишь обломки камня и пустые лозунги. Мной же по-прежнему движет жгучая месть за унижение и проклятая ядовитая ревность. Вдруг толчок в спину. Я мгновенно хватаюсь за оружие, отскакиваю в сторону и оборачиваюсь. Ствол моего карабина упирается Хуми в живот. А он, словно ничего не замечая, протягивает горсть моих любимых конфет и, улыбаясь, произносит:

— Бери, может, это последние шоколадки в нашей жизни.

Я взбешен тем, что не могу так просто выстрелить и покончить со своим соперником прямо здесь и сейчас, без свидетелей. Но еще, как говорится, не вечер.

— Не ем сладкого, — цежу я сквозь зубы, презрительно сплевывая в снег. Голос злой, хриплый. Матерюсь тихо, но так, чтобы он слышал каждое слово, и продолжаю путь. Наверняка он заметил в моем взгляде приговор, ну так пусть убирается домой или пальнет мне в спину, если хочет уцелеть, по крайней мере так будет честно. А мне уже пофиг, потому что пули свистят совсем рядом.

Хуми не отстает, тем хуже для него. Но вот конец кладбища. Перед нами поле, простреливаемое насквозь. Через него в Прис вонзаются трассеры — красные, зеленые, как гирлянды на дьявольской елке. Это, мать его, уже не бой, а русская рулетка. Чтобы достичь ближайшего дома, нужно преодолеть триста-четырееста метров. Это нелегко, потому что снег тут глубокий и я проваливаюсь в него по пояс. Но как отступить, если сзади человек, который донесет потом Денизе о каждом моем неверном шаге? Нет-нет, рассказчиком буду я, а он останется здесь навсегда. Пробираюсь, пригнувшись, авось проскочу, хотя шевелится мысль: надеяться выжить здесь — верх идиотизма. Барабан смерти щелкнул и закрутился, остановки нет.

Так и есть, грузины у поста ГАИ засекали наши черные нелепые силуэты на белом. И вот уже свинцовый град пошел по нам, визжащий и беспощадный. А потом, в придачу ко всему, оживают и присцы. Наверное, приняли нас за диверсантов и лупят по своим спасителям. Гротеск, доведенный до абсурда. Мне уже не до Денизы, к черту амуры. И надрываю глотку вместе с Хуми:

— Свои, свои, не стреляйте!

Но наши крики тонут в какофонии выстрелов. Вот уж действительно влипли по уши. Обидно, конечно, принять смерть от тех, кому рвешься на выручку. Спасаясь единственным способом — зарываюсь в холодную, обманчиво мягкую могилу из снега. Пули визжат над макушкой, как рой озверевших комаров. Неподалеку из своей снежной норы Хуми подает голос:

— Таме, ты цел?

Беспокоится, черт подери, как трогательно, просто до слез. Прямо-таки располагает к нему, и если полчаса назад я жаждал отправить его в преисподнюю, то теперь тревожусь за него и кричу в ответ:

— Жив! А ты как?

— Да в порядке я! — доносится его голос, густой и спокойный, словно мы на пикнике. — Просто страшно хочу по-большому. Бумаги у тебя случайно нет?

Черт подери, вот она, настоящая мужская дружба: посреди ада под перекрестным огнем обсуждать проблемы личной гигиены.

— Снегом подотришь, — советую я без тени сарказма. — Это же теперь самый доступный и экологичный материал.

Ну раз пошел такой душевный разговор, спрошу-ка его напрямую:

— Что у тебя с Денизой?

— Чего?

— Ты трахаешь Денизу?

— Кого? Твою соседку, что ли?

— Ну да, мать ее, только честно!

Все, шутки кончились, сейчас или никогда! Я приподнимаюсь, игнорируя пули, которые рвут воздух с такой яростью, будто ненавидят его. Одна чиркает по насту в сантиметре от виска, выбивая фонтан ледяной пыли. Другая срывает клочок шапки, обжигая кожу горячим поцелуем. Сердце колотится так, что отдает в ушах громче любого выстрела. Вскидываю карабин и ловлю в прицел снежную могилу, где, словно мишень на стрельбище, торчит темная богатырская спина Хуми. Он сидит на корточках задом ко мне, справляя нужду прямо в свою яму, — война войной, а природа требует своего. Он даже не подозревает, что находится у меня на мушке: одно неправильное слово, фальшивая фраза, и пуля пробьет его бычье сердце. Удивительно, что в него до сих пор никто не попал: ни грузины с поста ГАИ, ни свои же из Приса.

— Денизу нет, — пыхтит Хуми, все еще занятый своим делом, не оборачиваясь. — А вот с ее подружкой у меня роман!

— С Лаурой, что ли?

— Ну да, а что?

— Просто так спросил! — рычу, опуская карабин, и ныряю обратно в ледяную пасть окопа, сердце колотится в ушах, кажется, сейчас порвет барабанные перепонки. И в этот миг я чувствую благословенное облегчение: не замарался! Не пролил кровь из-за проклятой ревности!

Руки сами роют задний карман с кипой салфеток. Выдираю половину, заворачиваю в них горсть патронов, чтобы ветер, этот завывающий вор, не спер бумажки, и кидаю сверток соседу. В ответ шквал шоколадных конфет сыплется в мой снежный окоп. Ух ты, спасибо! Праздник все-таки состоялся, выбраться бы еще из наших снежных могил.

Мы мерзнем час, может, два, кто его знает, пока само небо, сжалившись над нами, не поднимает метель. Снежная пелена — наше спасение. Прикрытые белой дымкой, мы устремляемся к первому дому на окраине села — два призрака, бегущие сквозь пекло. Но в отличие от бесплотных духов мне бежать невыносимо тяжело. Ноги пробивают наст и проваливаются в снег, каждый шаг вырывает из груди стон. Стараюсь не думать про сердце, кажется, на его месте уже пустота, черная дыра, и только по инерции тело движется вперед. Остановиться, прижать ладонь к груди, пощупать пульс нет времени. Может, оно уже лопнуло от этого адского рывка и теперь болтается внутри клочьями, как изодранный флаг на ветру. Такую нагрузку не всякий олимпийский спринтер выдержит, а на мне еще груз: карабин на спине — раз, килограмм патронов — два, гранаты тяжелые, как неискупленные грехи, — три.

И вдруг тишина. Пальба, которая секунду назад рвала пространство свинцовыми очередями, прекращается, словно кто-то невидимый махнул волшебной палочкой. Присцы на позициях теперь узнали мою тщедушную фигурку рядом с исполином Хуми. Они покидают позиции и, еще опьяненные недавним боем, приветствуют нас, радуясь, что хоть кто-то пробился к ним сквозь это безумие. Ребята окружают меня и Хуми, заботливо ощупывают плечи, спины, хриплыми, надорванными голосами спрашивают: «Не задело, целы?» Не знаю, как мой товарищ, но я приятно смущен таким вниманием. Не зря, значит, прорывались сюда, рвали жилы вопреки дружескому огню. Нам просто очень повезло, что не остались лежать посередине поля. Одно неприятно: ветер содрал с меня шапку во время бега. И вот уже подходит сам Гамат — живая легенда, бог войны. На нем бушлат поверх модного спортивного костюма, стоящего целое состояние. Костюм заляпан грязью и ободран на коленках. Ну и расточительство! Такие вещи я берег бы до лучших деньков — для свиданий с Денизой, например. Мы обнимаемся крепко, до хруста в ребрах. Разжав объятия, я отступаю на шаг. Горло пылает, язык прилипает к небу, лютая

жажда сжигает изнутри сильнее любого мороза. Хриплым голосом выдавливаю из себя:

— Гамат, друг, у тебя случайно не найдется пива?

— Как не быть? — он широко улыбается и поворачивается к своим. — Эй, кто там живой, несите самого лучшего!

Спустя минуту из полуразрушенного дома выносят ведро, полное темно-коричневого, густо вспененного пива. В нем, как одинокий корабль в бурю, плавает ковшик с длинной ручкой. Гамат зачерпывает пива, поднимает высоко ковш и произносит:

— За победу, за жизнь, за везение! Чтоб каждый, кто сейчас здесь с нами, мог рассказать своим внукам и правнукам, через какой ад пришлось нам пройти!

— Оммен, афтæ уæд! [Аминь, да будет так!] — кричат присцы, вскинув руки с автоматами, бряцают оружием, как будто хотят достучаться до Бога.

Гамат делает долгий неторопливый глоток, кадык ходит, как поршень, под гладко выбритым, с ямочкой посередине, красивым подбородком. Потом протягивает ковшик мне. Я беру окоченевшими пальцами, подношу к треснувшим от холода и ветра губам, но, вспомнив, что пришел сюда не один, передаю его Хуми, как эстафетную палочку в этой странной смертельной гонке. Он принимает, благодарно прикладывает свободную руку к груди и выдает тост:

— За жизнь, которую выгрызаем у смерти зубами, за друзей, которых не выбираем, но с которыми идем до конца!

Осушив, он демонстративно переворачивает пустой ковшик вверх дном и вытряхивает последние капельки на снег, как будто отчитывается: все видели, до дна выпил. Аккуратно наполняет снова и, улыбаясь, протягивает мне. Потом снимает с себя белую папаху и надевает на мою растрепанную грязную голову, как корону. Меня пробирает до костей — еле сдерживаюсь, чтобы не разреветься. Кивком благодарю Хуми и молча жадно пью долгиими глотками. Горьковатое сладкое пиво стекает по горлу, разливается теплом по жилам. Самое лучшее пиво в моей жизни.

Ольга РЕЗНИК

ИСПУГАННЫЙ БОГ

СТИХИ

ВРЕМЕНА ГОДА

Все лучшее случается зимой.
Когда тепла так не хватает людям,
Нежней и безогладнее мы любим.
Все лучшее случается зимой.

Прозрение рождается весной,
Беременной от века и до века.
В от таянья стихов бурлящих реках
Прозрение рождается весной.

А летом накрывает нас гроза.
Мы, стиснув зубы, ищем утешенье,
Рифмуя отвращение с презреньем.
А летом накрывает нас гроза.

Лишь осенью светлеет небосвод.
Прощаясь, выбеляем краски болью,
Которая рифмуется с любовью.
Лишь осенью светлеет небосвод.

ЗАРИСОВКА

Я люблю смотреть в окно.
Все бегут, спешат куда-то...
На мужчине бородатом
Цвета хаки кимоно.

Дама в розовом пальто
Озирается украдкой.
Убедившись: все в порядке,
Забирается в авто.

Мчится девочка за псом.
В этой паре бобик главный.
Энергичный и забавный,
Он несется напролом.

Оседлав велосипед,
Едет дядька бородатый.
То ли чуточку поддатый,
То ль с рулем контакта нет.

Мальчик с ранцем прыг да скок.
Он как Джо неуловимый.
Пролетает вихрем мимо
К скверику наискосок.

Ну а этот для чего
Теребит за лапу елку?
Осыпаются иголки
У окошка моего.

* * *

Будто вынули душу
и бросили оземь.
Будто в сердце вонзили
по рукоять нож.
Как легко и бездумно
ты раны наносишь.
Как теперь с этим жить,
вряд ли где-то прочтешь.
Позабыты, казалось бы,
стертые кадры.
Но упрямая память
крадется в тиши.

Мимо сонных прохожих
проводит эскадры
воскрешенная боль
омертвелой души.
«Я ведь сильная, справлюсь», —
твержу. Только снова
накрывает отчаянья
пенной волной.
Но, борясь, стиснув зубы,
даю себе слово,
что назад не вернусь
и пройду стороной.

* * *

Не ищи жемчуга в чане с мутной водой.
Не ищи глубину в чувственном мелководье.
У сусального золота вид дорогой.
А данайцев дары — хитрый конь без поводов.
Сколько ни маскируйся, софист есть софист.
Устремленья ж души — к настоящей свободе,
У которой подбой ровен, светел и чист;
Незапятнан и свеж — при любой непогоде.
Потому и молчу, и не хочется слов.
Изреченная мысль утверждается ложной.
Не стремилась, поверь, наживать я врагов,
Но без них, как без сердца, прожить невозможно.

СВОИ

Мы своих вычисляем по коду их крови,
По биению сердца, по взглядам на жизнь.
Мы своих окормляем особой любовью,
Той, в которой еще до рожденья клялись.
Со своими душа будто ввысь воспаряет,
Окрыляясь надежностью дружеских креп.
Что доверишь своим, то никто не узнает,
Потому что свои суть насущный наш хлеб.

Со своими мы движемся выше и дальше,
Пуд невзгод и сомнений на части дробя,
Со своими не может быть лести и фальши.
Со своими становишься лучше себя.

* * *

Мы не знаем, кто ждет нас и ищет,
Кто по взлетной бежит полосе,
Разбивая колени в кровищу,
Нам стихи посвящает, эссе.

Мы не знаем всех хитросплетений,
Опоясавших нашу судьбу,
Но познавшие сладость сомненья,
Уж не верим в мечту и волшбу.

Только истина выше, чем правда.
Не в вине, а в воде благодать.
И пророчит вновь Шахерезада,
Что не в силах тем тьма помешать,

Кто идет со своим караваном
Шаг за шагом — вперед и вперед.
Затеряться легко средь барханов,
Но кто любит, по следу найдет.

* * *

Ложки не гну. На метле не летаю.
Или летаю? Но только во сне.
В общем и целом я очень простая.
Больше не нужно вам знать обо мне.

* * *

В свою жизнь не приглашаю,
Не зову, не ожидаю.
Ставни заперты. Засовы на дверях.
Отчего случилось это,

Не могу найти ответа.
Оттого ли, что струит по венам страх?

Страх предательства, обмана,
Бумеранга, ятагана,
Всякой прочей ерунды и чепухи.
Что найду, что потеряю,
Я о том не помышляю.
Я об этом напишу потом стихи.

* * *

Человек суть испуганный бог.
Все получится, если сомненья
Взять и вымести все за порог,
Открываясь любви и горенью.

Человек — проявленье Творца.
Замурован в материи кокон,
Он забыл неземного отца,
Весь страстями и страхами скован.

Человек! Сколько разных дорог
Может выбрать он, если захочет...
Но живет в нем испуганный бог.
И душа не поет — кровотоцит.

Муталип БЕППАЕВ

ЧИТАЯ ЛИЦА

СТИХИ

УВЕРЕННОСТЬ

Когда чувства —
 Огромные железные столбы —
ВИСЯТ

На
 То-
 Нью-
 Сень-
 Кой
 Па-
 у-
 тин-
 ке
 Нервов,
 Скажи-ка, друг,
 Где нам искать
уверенности
 В этом мире?
 Где?..

* * *

Деревья эти
часто смотрят
 Прищуром
 Разноцветных глаз
 На наши
скоротечные дела...
 А ветра
неустанная игра
 На клавиатуре
листьев —
 В помощь им.

* * *

На войне
ее отец погиб.
 Все всё говорили:
 Она похожа
на отца...

Часто эта девушка
 перед зеркалом стоит,
Стараясь отыскать в себе
отцовские черты...
Уж поседела,
Стала бабушкой
 та девушка,
Но ищет, ищет
Женщина в себе отца...

* * *

Я напишу
 себя
В тебе,
 потомок мой:
В твоих руках,
В твоей походке,
В твоих словах,
В твоей улыбке...
Вот я грущу —
И грусть моя,
Как будто в зеркалах,
От пращур
 отразься,
Дошла и до меня...
Потом чтоб вас найти.

* * *

В библиотеках
 много книг...
А я бреду
 по улицам,
Читая лица...

Зураб БЕМУРЗОВ

ПЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ
ЯБЛОК

РАССКАЗЫ

ЦАРСКАЯ ЛУЖА

Давлет, старик с характером, жил в городишке, где единственными его друзьями были метла да коса через плечо. Работал он сторожем на кладбище — место тихое, не располагающее к беседам. Да и с кем там болтать? С воронами, которые только и умеют, что каркать? Так и те, поди, шарахаются от его бормотания. Давлет подметал аллеи, гонял чужаков, следил, чтоб могилы копали ровно, а не как попало. Ночью, когда сон не шел, он ворчал: «Черт возьми, в молодости спать не давали, а теперь время есть, так не спится! Что за напасть?» И, кряхтя, вставал, брал метлу и шел чистить дорожки или траву косить. Коса у него была — ого-го, как из сказки про смерть. Бывало, утром вынырнет из тумана с этой косой, а народ шарахается, крестится. А ему хоть бы хны — страх для него был вроде комара: жужжит, а толку ноль.

Давлет бубнил себе под нос, будто скороговорку: «Чертов старик, чертов старик». Это он сам себя так величал, будто в зеркало плевался. Недоволен был собой, хоть и дожил до восьмидесяти с гаком. А чем гордиться? Жизнь — как кладбище: все знают, что она есть, а подробностей никто не помнит. Никто и не знал, была ли у Давлета другая жизнь. Где родился, воспитывался, жил ли с родней? Тайна, покрытая мраком. Своенравный был, как кот, которого за хвост тянут. На вопросы, что ему не по нраву, отвечал: «Отстань, а то велю могилу тебе криво выкопать». И говорил это так спокойно, будто чай предлагал. Народ, ясное дело, — в ступор, кто ж хочет в кривой могиле лежать? Отходили, бормоча под нос.

Кладбище было новое, а рядом — старое, где уже лет сто никого не хоронили. И там у Давлета была своя святыня — два метра земли, где стояло надгробие Луцы, его жены. О том, что она его жена, знали только он да, может, пара ворон. В сердце у него, где-то в глубине, жило воспоминание о ней, как старый огонь под пеплом. Луца — вот кто мог его крутой нрав одним взглядом

укротить. Не то чтоб она орала или руками махала — нет, просто посмотрит, скажет что-нибудь, и Давлет, ворча, делал, как она велит. И, что самое смешное, ему это нравилось! Только он, как старый козел, ни за что б не признался. Прятал это чувство, будто клад.

Но вот беда — Луца захворала. Еле-еле выходила на крыльцо, грелась на солнышке, а Давлет смотрел и понимал: не выкарабкается. И вся его своенравность — псу под хвост. Он над ней как насадка кудахтал: то подушку поправит, то чаю принесет. Приходилось и за живностью ухаживать: кормил кур и гусей, разбрасывая зерно, а птицы его боялись — стоит громогласный старик и зовет на сомнительную кормежку, кто ж к нему сунется? Луца с крыльца смотрела и ворчала: «Чертов старик, сколько корма сыплешь! Не жалко, что ли?» Давлет угодливо откликался: «Может, половину собрать?» А она: «Ты что, кур разгонять будешь? Уйди от них!» И он, кряхтя, уходил, будто и правда в соседнюю комнату.

Ночью он молился. Не вслух, конечно, — горский менталитет, стыдно перед Богом о слабости и жене говорить. Бормотал что-то вроде: «Господи, ну ты сам знаешь... Не дай мне остаться одному». И умолял, чтоб Луца не умерла. Но она угасала. А потом тихо и мирно отошла в мир иной. Днем Давлет ходил на кладбище, сидел у ее могилы, а ночью не мог находиться в доме. Казалось, вот-вот Луца зайдет, начнет его пилить за разбросанный корм или криво подметенную дорожку. В конце концов он заколотил окна, двери и ушел. Устроился в городе на кладбище, поставил надгробие на пустой земле — просто чтоб было куда ходить. И ходил. Каждый день. Бормоча: «Чертов старик». Люди величали его Дедом Зимой за крутой нрав и холодность.

Они смотрели и думали: «Странный он, Дед Зима». И никто не смел его спросить. А то вдруг и правда могилу криво выкопает. Так дни тянулись за днями, пока однажды старик во время очередной своей прогулки к могиле Луцы не встал как вкопанный.

— Ты кто? — опешил он, увидев голову девочки, выглядывающую из-за надгробия жены.

Голова спряталась. Дед перекрестился, потом немного подумал — стоит ли заглядывать за надгробие. Огляделся по сторонам. На кладбище было пусто в предвечерний час. Лишь ветер шуршал листьями. Из-за надгробия больше никто не показывался.

— Кто там? — позвал он, не зная, что было страшнее — гнетущая тишина вокруг или голос, который мог прозвучать из-за надгробия. — Так! Кто бы там ни был, быстро вышли!

— А вы не приказывайте тут! — послышался в ответ девчачий голосок.

Старик вконец опешил.

— Ты живая?

— Ну я же с вами разговариваю как-то?

Дед, забыв про страх, рассердился так, что его беззубая нижняя челюсть заходила ходуном.

— Какого лешего тут происходит! Я тут начальник! Хочу — приказываю, хочу — нет!

— Тут нет начальников. Это кладбище. Вы начальник мертвцов?

— Над кем хочу, над тем и начальник! Твое какое дело! Быстро вышла оттуда!

— А вдруг я тоже мертвая?

Испуг опять вернулся к старику, и он снова посмотрел по сторонам. Как назло, никого вокруг не было. Народ обычно приходил в выходные, почистить могилки. Сегодня понедельник, вокруг ни души. И ружья нет с собой. Можно было бы стрельнуть в воздух — не испугал бы привидение, так люди бы услышали.

— Ты привидение? — сорвалось с губ пугливого деда.

— Да. Пришла посмотреть, как тут ухаживают за могилками. А вы кто вообще?

— Я? Сторож.

— А чего тогда такой дерзкий? Вежливости не учили?

— Кто?

— Кто-нибудь. Как зовут?

— Меня-то?

— Ну не меня же.

— Дед Зима...

— Кто-кто? — привидение засмеялось за камнем чистым детским смехом.

Стало еще страшнее от одинокого детского смеха на кладбище. Старик рад бы был убежать, но ноги не слушались. Он лихорадочно пытался вспомнить, кто похоронен в соседней могиле, и не мог. Ну не Луца же это!

— Значит, Зима. Сколько вам лет?

— Восемьдесят семь.

— Полных? — пылливо поинтересовалось привидение.

— Без месяца... Неполного...

— Умереть боитесь?

Дед отчаянно заморгал. Вот она, смерть-то! Кто ж знал, что так все выйдет. Он почему-то думал, что умрет в постели, заснет и не проснется. А тут...

— Ну? Что молчите? Бойтесь?

— Да... — выдавил старик, и голос почему-то получился тоненьким и жалобным. Это еще больше добило его. Стало как-то жалко себя.

— Что вы готовы сделать, чтобы не умереть?

— Я?

— А кто еще. Вы, конечно. Тут же никого больше нет.

— Нет, — с сожалением констатировал старик, оглядываясь.

Боже ж ты мой. Как страшно-то... И не убежишь ведь.

— Так на что вы готовы? А можно перейти на «ты»? — вежливо поинтересовалась Смерть.

— Э-э-э-э...

— Что?!

— Можно, можно, конечно! — старик чуть не подавился словами. Сама Смерть хочет разговаривать с ним на «ты». Как ей откажешь-то!

— Так. В армии служил?

— Э-э-э... — непонятные вопросы сбили старика с толку.

Остатки разума отказывались повиноваться. Быстрый порыв ветра взволновал кладбищенские деревья. Старику это показалось чем-то угрожающим.

— Отвечать как надо!

— Так точно!

— В каком звании?!

— Рядовой, товарищ... товарищ... — старик не знал, как назвать голос.

— Равняйся! — вдруг прикрикнула смерть из-за надгробия.

Дед Зима встал по стойке смирно.

— На месте шагом марш! Раз-два, раз-два!

Старик послушно зашагал на месте, высоко подбрасывая худые коленки. И ревматизм, и хондроз, и вообще все болячки как улетучились.

— Запе-е-е-вай!

— Не плачь девчо-о-онка! Пройдут дожди! Солдат верне-е-ет-ся! Ты только жди!

За надгробием послышался хохот. Старик перестал петь, но аккуратно вышагивал на месте. Хохот не прекращался. Дед Зима закрыл глаза и ринулся к надгробию. Будь что будет! Он упал на колени прямо за надгробным камнем, а подняв глаза, увидел... девочку четырнадцати-пятнадцати лет. Она заходила в хохоте, тряся коротко стриженной русой головкой. Дед изумленно смотрел на нее.

Девочка, опомнившись, вскочила и убежала, не переставая хохотать. Старик обессиленно сел на землю и посмотрел вслед уле-

петывающей по кладбищенской аллее девочке. Он заплакал, слезы сами катились, словно всю жизнь прочерчивали готовое русло по его щекам.

— Луца, Луца, не хочу, не хочу, — сокрушался он, сам не зная о чем.

После слез страх отошел, но разум еще не вернулся. Девочка добежала до конца аллеи и юркнула за угол. Старик все сидел, а ветер все так же шуршал листьями. Могилы стояли в ряд. Где-то недалеко к оградке была прислонена метла, рядом — ведро. Вид этих предметов, которыми старик каждый день пользовался, вернул его к действительности. Он на кладбище.

— Я на кладбище, — резонно повторил он вслух. — Я тут работаю. Сторожем. Руки-ноги на месте. Ущипнуть... Больно! Значит, я жив. Вот черт-то. Что это было?

Дед Зима с трудом поднялся, все болячки как-то быстро вернулись. Спина отказывалась разгибаться до конца, ноги подкашивались, хотя минуту назад бодро вышагивали. Старик поплелся к метле с ведром и, прихватив их, пошел к сторожке за противоположным углом, куда юркнула эта... Дед не знал, как ее назвать.

Вечерело. За одиноким стариком по аллее плелась темнота, такая же серая и сутулая.

ДВЕ МОГИЛЫ

— Я нашел его...

Голос прозвучал глухо, но для Марата это был гром. Несколько секунд длилось молчание.

— Ты слышишь меня? Эй!

— Да, слышу. — Он выдавил из себя слова так же глухо. — Где?

— Выходи. Я подожду в машине.

Было далеко за полночь. Марат накинул на себя снятые несколько часов назад вещи и вышел. Поежился. Над горизонтом висел похожий на турецкий ятаган месяц. Он подошел к стоявшей неподалеку машине и сел рядом с водителем.

— Осведомитель позвонил. Он прячется на заброшенной кошаре деда. Мы будем там к утру. Надо врасплох застать. Завтра его может уже не быть — спустится или в Грузию перевалит...

— Поехали.

— Других с нами не будет. Большой сварой мы не сможем незаметно проехать через аулы. У него там полно родственников и «глаз». Я поеду сейчас. Если хочешь, двигай со мной.

— Поехали!

Ехали молча. Резкие изгибы горной дороги не располагали к разговорам, да и говорить им было практически не о чем. Водитель — следователь, ведущий дело об убийстве его брата, был другом отца. Суровый мужчина с жилистыми руками.

Свет фар выхватывал куски дороги и терял их, как только они поворачивали. Ехали быстро. Руль буквально каждую минуту крутился направо или налево.

Вспомнилось раннее утро, когда сообщили, что брата убили. Отец, наблюдавший, как Марат опрыскивал яблони, угрожающе близко подошел к горестнику и посмотрел тому прямо в глаза.

— Что ты сказал?!

Горестник — капитан полиции, один из сослуживцев брата, опустил взгляд.

— Вашего сына убили при исполнении служебного долга...

— Какого долга?! Что ты морочишь мне голову?! Как его могли убить?!

— Мы задерживали преступника...

Отец посмотрел в сторону Марата, ища у него поддержки, словно тот мог развеять его страшные сомнения, но все уже было понятно без слов.

Отстояли три дня похорон. Отец молчал, ковырял тяжелые мысли и смотрел из-под крутых бровей. Вечером третьего дня он подошел к Марату. Они молча посмотрели друг на друга.

— Марат, теперь ты старший по крови. Я стар. Право на жизнь для этого убийцы только за тобой. Тебе решать — самому найти его, предоставить полиции, дать посадить в тюрьму или... Я не вправе требовать от тебя крови, потому что на тебе теперь две семьи и семеро детей. Смотри сам. Теперь не те времена, ты знаешь. Тебя не поймут...

Марат молча посмотрел на отца и впервые увидел, как тот постарел. Время прошло по его лицу лемехом, оставив глубокие борозды, в которые теперь посеяли горе.

Ночью старика не стало. Отстояли еще три дня. Закрыли ворота. Марат понял, что, засыпав две могилы, он остался один. Есть мать, жена, дети, жена брата, племянники... Но он — один. Один, кто может принимать решения и выполнять их. Будущее убийцы зависело только от него. Как он решит, так и будет.

— Папин брат пришел! — кричал младший племянник, когда он заходил к ним.

Он называл его именно так, не дядей. И это резало по сердцу. Папин брат... Человек с правом на жизнь для другого человека... Нуждался ли тот в этом праве?

Убийца был уже судим несколько раз за разбой. Сидел. В ту злополучную ночь крутился на свадьбе и уже ближе к утру устроил драку, куда и вызвали наряд. Убегать особого повода не было. Максимум, что грозило — хулиганство. Но тут было другое — застилавшая глаза ненависть, которая въелась в кровь. Любое движение и слово человека в форме уже изначально раздражали. Он был пьян до той степени, когда гонор и бахвальство в свадебной компании уже требовали соответствующего уровня поведения. Когда его выводили из ресторана, он попросился в туалет, где, развернувшись, с одного удара сбил с ног сопровождавшего его полицейского. Затем потащил к унитазу и бил об него головой. Сам вылез в окно. Брат уже не очнулся. План-перехват не обнаружил убийцу, как и последовавший двухгодичный розыск. До этой ночи, когда следователь позвонил Марату.

— Ты не думай, что я позвал тебя совершить самосуд, — голос следователя прозвучал уже к концу пути, когда «приора» скреблась пузом по жесткому бурьяну горной дороги. — Ты просто тот, кто не упустит его при любом раскладе, возьмет след, если попытается сбежать. А я не хочу, чтобы он сбежал.

Следователь посмотрел на него.

— Я не хочу, чтобы ты его убил, — расставляя паузы, продолжил следователь. — Но и не хочу, чтобы он сбежал. Если сбежит, уже не поймает точно. У тебя право на жизнь для этого ублюдка, но мы живем в государстве, Марат. Люди должны следовать одному закону, иначе наступит хаос.

Марат промолчал. Хаос уже был внутри него. А все, что вокруг, уже не имело значения. Не дождавшись ответа, следователь остановил машину за очередным поворотом.

— Дальше пешком.

Шли несколько часов. К кошаре зашли с двух сторон — следователь с тыла, а Марат должен был шумно подойти со стороны двери, чтобы убийца полез в заднее окно. Но получилось по-другому. На полпути Марат услышал шорох и присел. Из тьмы и предутреннего тумана вышел огромный волкодав и остановился перед ним, лоб в лоб. Огромная голова собаки была в миллиметрах. Где-то в низу живота затошнило, то ли от неожиданного страха, то ли от теплого дыхания пса. Волкодав и человек на корточках смотрели друг на друга, не видя в темноте выражений глаз. Пес был старый. Его бросили вместе с кошарой, но он не покидал места, где родился и бегал еще щенком.

Волкодав тщательно обнюхал человека, неожиданно боднул головой и повалил на землю. Затем лег рядом и положил огромную голову на лапы. Марат опешил от странного поведения пса.

Волкодав мог с одного раза перекусить ему любую кость и знал об этом. Поэтому и был спокоен. Но это пренебрежение разозлило. Получается, пес даже не удостоил его чести укусить. Он стиснул зубы и сел обратно на корточки. Пес встал, посмотрел на него, опять боднул головой, но Марат не дал себя повалить. Они встали друг перед другом. Где-то в глубине груди волкодава стал собираться рык, но не успел выплеснуться на Марата — позади кошары послышался грохот падающего железа, затем звон высаженного оконного стекла и выстрелы. Сначала два ружейных, потом звонкие и хлесткие плевки пистолета. Волкодав рыкнул туда и рванул. Послышался второй, короткий рык уже набрасывающейся собаки, затем крик следователя и выстрелы. Марат не успел сообразить, что делать. Из кошары выскочил человек, увидев его, скинул ружье, но прозвучал лишь щелчок. Он рванул в бурьян. Марат прыгнул за ним. Они долго боролись, прежде чем Марат взял верх — развернул того лицом к себе и начал удар за ударом волачивать его голову в землю. Выстрел и пуля, взорвавшая землю совсем рядом, заставили его остановиться.

— Стой! Не убивай его! — следователь выполз из-за кошары, попытался подняться и рухнул обратно.

— Эй! Ты жив?

Следователь молчал.

Светало. Марат посмотрел на лежащего под ним убийцу брата — он отхаркивал куски крови, но был вполне жизнеспособен. Марат подтащил его к следователю, но тот был уже мертв. В нескольких метрах, прильнув к земле, неподвижно лежал огромный волкодав, до конца защищавший родную кошару. Заковав убийцу в наручники, Марат прислонился к стене и закрыл глаза.

Вспомнился летний знойный день. Они с братом кувыркаются в пыли двора. От уличной водопроводной колонки возвращается мать с ведром воды. Они подбегают к ней и лакают прямо из ведра, поочередно тыкаясь в него, как щенки. Под конец брат окунает его в воду, когда Марат наклоняется выпить...

Он резко поднял упавшую голову. Открыл глаза. Убийца брата пытался лечь поудобнее, чтобы дать рукам за спиной отдых. Лицо у него уже начало опухать и было страшным. Но даже за этими отеками Марат уловил ухмылку.

— Что, будешь убивать? Да тебя посадят за это... Ты станешь таким же, как и я, убийцей... Ты сделаешь сиротами и своих...

Прозвучал выстрел. Голова его дернулась на полуслове и захлебнулась своим же голосом. Марат посмотрел на пистолет в руках, потом положил его обратно возле следователя. Встал. Обошел мертвого волкодава и полчаса рыскал в бурьяне вокруг ко-

шары, пока не нашел лопату. Выкопал две ямы, как полагается по обычаю, и похоронил обоих. В одну могилу воткнул надгробную доску, другую просто оставил холмиком. Постоял около них и пошел обратно к машине. Проходя мимо трупа убийцы брата, увидел, что у того один глаз неподвижно смотрит в небо. Второй затек. И рот открыт.

НЕВИДИМЫЙ

В сердце города, где стеклянные башни пронзали небо, словно копыта амбиций, стояла многоэтажка — символ успеха и безжалостного прогресса. Это было двенадцатиэтажное чудовище из хрома и бетона, где ежедневно сновали тысячи «важных людей»: топ-менеджеры в идеально отглаженных костюмах, аналитики с планшетами в руках, секретари с кофе из дорогих термосов. Они спешили на встречи, где решались судьбы корпораций, и не замечали ничего за пределами своих экранов. А внизу, у подножия этой башни, каждый день проходил он — Невидимый.

Его звали Руня, хотя никто не знал этого. Ему было около пятидесяти, но годы улицы состарили его лет на двадцать. Седеющие волосы спутаны, борода — как дикий кустарник, одежда — лоскуты из найденного на помойках. Руня жил в переулках, спал в картонных коробках, а по утрам брел мимо офисного здания, надеясь на случайный бутерброд или монету. Он не просил милостыню — просто стоял, опираясь на стену, и смотрел на поток людей. Они проходили мимо, как река мимо прибрежного камня: кто-то отводил взгляд, кто-то ускорял шаг, а большинство просто не видели его. Для них он был частью пейзажа — как трещина в асфальте или мусорный бак.

Руня не всегда был таким. Когда-то у него была другая жизнь: жена, дочь, работа механиком в маленькой мастерской. Но авария на дороге унесла их обоих, а он сломался. Алкоголь, депрессия, улица. Теперь его мир сжимался до выживания. В дождливые ночи он прятался в вентиляционных шахтах здания — тех, что выходили на крышу через чердак. Здание было старым: скрытые проходы, забытые лестницы, где можно было переждать ливень. Руня изучил их, как карту сокровищ, — не из любопытства, а из нужды. «Здесь тепло, — думал он, — и никто не увидит».

Внутри башни жизнь кипела. Сара, молодой маркетолог, каждое утро мчалась на тридцать второй этаж с латте в руках. «Опять опаздываю, — бормотала она, толкаясь в лифте. — Босс меня съест». Ее босс, Руслан Анатольевич, был типичным корпоративным

волком: постоянно в телефоне, с голосом, как наждачная бумага. «Сара, отчеты! — кричал он через открытую дверь кабинета. — Мы не благотворительность, мы бизнес!» Рядом работал Алекс, IT-специалист, вечно уставший от ночных смен. «Эй, ребята, кто-нибудь видел мою кружку? — шутил он в перерывах. — Наверное, опять в микроволновке взорвалась». Они были семьей — не по крови, а по офису: сплетни у кулера, флирт в лифте, усталые улыбки в конце дня.

Никто из них не замечал Руню. Однажды Сара чуть не споткнулась о его ноги, но только пробормотала «извините», не поднимая глаз. Руслан Анатольевич как-то швырнул ему монету, но забыл об этом через минуту. Для них он был «тем парнем» — если вообще был.

А потом случился пожар.

Это было солнечное утро, когда в серверной на десятом этаже заискрилась проводка. Старое здание, перегруженное гаджетами, не выдержало. Огонь вспыхнул мгновенно, распространяясь по вентилям и кабелям. Сирены взвыли, но лифты заблокировались, лестницы заполнились дымом. Паника охватила всех.

Сара была в конференц-зале на девятом, когда почувствовала запах гари. «Что это? — спросила она, прервав презентацию. — Пожар?» Руслан Анатольевич вскочил: «Все на выход! Спокойно!» Но спокойствия не было. Люди, крича и толкаясь, хлынули в коридоры. «Мама, мамочка!» — всхлипывала молодая стажерка, прижимая телефон. Алекс пытался вызвать помощь: «Пожарные? Да! Сколько? Десять минут? Мы не продержимся!»

Руня находился неподалеку от здания, когда увидел дым, валивший из окон. Толпа выплескивалась на улицу, но многие еще оставались внутри — верхние этажи были отрезаны. Пожарные сирены выли вдалеке, но пробки на дорогах задерживали их. Руня замер. «Не мое дело, — подумал он. — Меня никто не заметит». Но потом услышал крики. Женский голос: «Помогите! Дети здесь!» Нет, не дети — но крики были как эхо его прошлого. Он не мог игнорировать.

Руня нырнул в боковой вход — тот, что для мусора, который он знал лучше охранников. Вентиляционная шахта в подвале вела вверх, через чердак. Он карабкался по ржавым лестницам, кашляя от дыма. «Держись, старик, — бормотал он себе. — Ты знаешь это место».

На двадцатом этаже он вылез в коридор, полный дыма. Люди метались: «Двери заперты! Лифт не работает!» Руня схватил ближайшего — молодого парня в галстуке. «Сюда! — прохрипел он. — Через вентиляцию!»

Парень отшатнулся: «Кто вы? Откуда?»

«Не время! — рявкнул Руня. — Иди за мной или сгоришь!»

Он повел их — сначала пятерых, потом десяток. Вентиляция была узкой, но Руня знал схему: скрытые панели, ведущие на чердак. «Ползите! — командовал он. — Не смотрите вниз. Дышите через рукав».

Конференц-зал на девятом этаже тоже был весь в дыму. Сара кашляла, слезы текли по лицу. «Руслан Анатольевич, где выход?» — кричала она. Босс, обычно уверенный, теперь дрожал: «Я... я не знаю. Пожарные придут».

Вдруг дверь распахнулась, и ввалился Руня, весь в саже. «Все сюда! — крикнул он. — Чердак чистый!»

Сара усталилась: «Вы... вы тот бездомный? Откуда вы знаете?»

«Какая вам разница, — буркнул Руня, помогая стажерке встать. — Идемте. Держитесь за мою руку».

Они поползли по шахте. Дым щипал глаза, жар обжигал кожу. Алекс, ползущий сзади, спросил: «Как вас зовут?»

«Руня. Просто Руня».

«Руня, вы герой, — сказал Алекс, кашляя. — Почему вы помогаете?»

Руня помолчал, цепляясь за перекладины. «Разве это нужно объяснять? Не время для вопросов, — отрезал Руня. — Дышите глубже. Мы почти на чердаке».

Чердак был спасением: свежий воздух через крышу, веревочная лестница, которую Руня соорудил из найденных тросов. Он спускал людей по одному: сначала женщин, потом мужчин. «Держитесь крепче! — кричал он. — Я вас не брошу».

Одна женщина, беременная, заплакала: «Я боюсь высоты!»

Руня взял ее за руку: «Посмотрите на меня. Я был в аду похуже. Вы справитесь. Ради вашего малыша».

Она кивнула, слезы текли, смешиваясь с сажой. «Спасибо... Руня».

Он вывел сто человек — может, больше. Пожарные наконец прибыли, но Руня уже исчез. Когда последний из спасенных им спустился, он нырнул обратно в тень, как призрак.

На следующий день здание стояло обугленное, но живое. Сотрудники собрались на улице, обнимаясь, плача.

Дни шли. Руня так же ковылял в переулках и сидел на коробках. Сара подошла первой: «Руня? Это я. Из офиса».

Он поднял голову, удивленный. Без макияжа, в простой джинсовой куртке, она была похожа на девушку из толпы, а не на корпоративного бойца. Ее волосы, обычно собранные в аккуратный хвост, теперь растрепались, и в них запутались капли утреннего дождя.

Руня ухмыльнулся горько. «Вы... заметили меня?»

«Руня, — произнесла она тихо, голос дрожал, как лист на ветру, — я проходила мимо вас каждый день, думая только о своих отчетах и кофе. А вы... вы увидели нас всех. Простите меня. И спасибо. За то, что не прошли мимо». Она протянула ему теплый шарф, купленный наспех в ближайшем магазине, — простая вещь, но подаренная с искренней благодарностью, которая жгла сильнее огня.

Они подходили к нему по одному, словно в процессии раскаяния, каждый со своим грузом невысказанных слов.

Вслед за Сарой подошел Руслан Анатольевич, шеф, тот самый волк в костюме, чьи команды раньше эхом разносились по этажам. Теперь он выглядел как будто меньше: плечи сгорблены, галстук развязан, а в глазах — не привычная сталь, а что-то мягкое, почти уязвимое. Его лицо, обычно гладко выбритое, покрылось щетиной, а под глазами залегли тени от бессонной ночи, проведенной в раздумьях. Он кашлянул, пытаясь скрыть волнение, и протянул руку — не для формального рукопожатия, а для настоящего, человеческого прикосновения. «Руня, старина, — сказал он хрипло, голос сломался на полуслове. — Я думал, мир крутится вокруг сделок и цифр. А ты показал, что он крутится вокруг людей. Мы были слепы, как кроты, в своих кабинетах. Спасибо тебе. И... прими это». Он протянул конверт с деньгами — не милостыню, а первые взносы в благотворительный фонд, которые они собрали всем офисом. «Для нового старта. Ты заслужил».

Потом потянулись остальные: Алекс, с его вечной улыбкой, теперь искренней и теплой, обнял Руню еще раз, хлопнув по спине, как старого друга; стажерка Лиза, та, что плакала в дыму, принесла букет полевых цветов, собранных у обочины; бухгалтер Михаил, вечно молчаливый, пробормотал «Вы герой» и вручил термос с горячим чаем; уборщица тетя Маша, которую офисная элита тоже обычно не замечала, подошла последней, шепнув: «Мы с тобой одной крови, брат». Теперь каждый видел его иначе: не как безликую тень у стены, а как человека со своей историей, с затаенной болью и скрытой силой. Они видели морщины на его лице — следы пережитых потерь, слышали хриплый голос, чувствовали тепло рук, что вывели их из ада.

И вот тогда случилось чудо — тихое, без фанфар и молний, но настоящее. Руня, стоя в переулке, окруженный этими людьми, которых раньше обходил стороной, будто невидимый призрак, вдруг почувствовал, как его невидимость начинает таять, словно лед под солнцем. Его фигура, раньше сливавшаяся с серостью стен, теперь выделялась: плечи расправились, глаза заблестели, а улыбка — первая за годы — осветила лицо, как фонарь в тумане.

Он обрел видимость не только в их глазах, но и в собственных — зеркало души отразило героя, спрятанного под лохмотьями. Ирония судьбы не заставила себя ждать: тот, кого игнорировали, как мусор на тротуаре, теперь стал центром их мира, а «важные люди» из офиса толпились вокруг него, как вокруг звезды.

«Кто бы мог подумать, — размышлял Руня с горькой усмешкой, — чтобы стать видимым, пришлось едва не сгореть вместе с ними».

С тех пор офисное здание изменилось навсегда — приют в подвале, где Руня стал зрителем, кофе для всех на улице и напоминание: невидимые есть везде, но теперь их видят. Чудо случается, когда слепые открывают глаза.

ОДИН ДЕНЬ АДАМА

В бесконечном колесе сансары, которое современные люди называют «жизнью в мегаполисе», Адам крутился, как белка в клетке, подключенной к генератору иллюзий. Он был отцом-одиночкой — это слово звучало как диагноз в эпоху, когда семьи собираются из фрагментов, как пазл из IKEA, собранный наспех и рассыпающийся при первом дуновении реальности. Жена ушла три года назад, растворившись в виртуальном мире социальных сетей, где каждый пост — это маска, а каждый лайк — крошечная доза дофамина, заменяющая любовь. Адам остался с двумя детьми: старшей дочерью Машей, двенадцати лет, которая уже научилась смотреть на мир через призму смартфона, и младшим сыном Петей, восьмилетним, чьи глаза еще сохраняли тот первозданный блеск, который взрослые теряют, как монеты в кармане с дырой.

Адам работал в логистической компании, где его жизнь сводилась к бесконечным таблицам Excel и звонкам от клиентов, которые требовали невозможного, словно он был джинном из лампы, но без права на три желания. Он вставал в пять утра, варил детям овсянку, проверял уроки, а потом бежал на работу, где время текло, как битум из перегретой бочки. Но в глубине души, там, где еще теплились остатки того, что Пелевин назвал бы «Внутренней Монголией», Адам мечтал о другом. О дне, когда он сможет остановить этот чертов конвейер и подарить детям что-то настоящее. Один день. Настоящий.

— Пап, ты опять на работе задержишься? — спросила Маша, не отрывая глаз от экрана телефона. Ее пальцы скользили по стеклу, словно она играла в невидимую аркаду, где главный приз — чужое внимание.

— Сегодня нет, — ответил Адам, размешивая овсянку в кастрюле, которая пахла, как его детство, когда мать готовила завтрак перед школой. — Сегодня будет наш день. Парк, кино, мороженое. Все, как вы хотели.

Петя, сидя за столом, отложил карандаш, которым рисовал робота с тремя руками. Его глаза загорелись, как фонарики в ночи.

— Правда, пап? Как в рекламе? Где все смеются и едят мороженое на закате?

— Точнее, чем в рекламе, — улыбнулся Адам, хотя в груди кольнуло. Он знал, что реклама лжет, но хотел, чтобы этот день был правдой.

Маша фыркнула, но уголки ее губ дрогнули. Она отложила телефон, и это было почти чудом. Адам почувствовал, как внутри разливается тепло, как будто кто-то включил обогреватель в его душе, давно остывшей от бесконечных «надо» и «должен».

Утро было ясным, как экран нового смартфона. Адам надел свою лучшую рубашку — ту, что купил на распродаже, но так ни разу и не надел, потому что «не для работы». Маша выбрала джинсы с дырками на коленях, которые она называла «стильными», а Петя нацепил кепку с логотипом какого-то супергероя, которого Адам не знал. Они вышли из квартиры, и город встретил их гудками машин, запахом кофе из уличных кафе и обещанием чего-то большого.

План был прост: сначала парк с каруселями, потом кинотеатр с новым мультфильмом про говорящих роботов, затем мороженое в кафе, где шарики подают в форме звезд. Адам представлял, как они будут смеяться, как Маша забудет про свой телефон, а Петя будет прыгать от радости. Он видел этот день в своей голове как трейлер к фильму, который должен стать хитом.

Но реальность, как всегда, имела свои планы. На полпути к парку, на оживленном перекрестке, раздался скрежет металла, похожий на крик механического зверя. Адам затормозил машину. Впереди, в клубах дыма, две машины сцепились в смертельном танце. Одна из них, старенький седан, уже начала дымить, и языки пламени лизали капот, как голодные псы.

— Пап, что это? — Петя прижался к окну, его кепка съехала набок.

— Авария, — коротко ответил Адам, чувствуя, что его планы рушатся, как песочный замок под волной. Он повернулся к детям. — Сидите здесь. Не выходите.

— Но пап, мы же в парк... — начала Маша, но ее голос утонул в шуме сирен, которые уже приближались.

Адам не слушал. Он уже бежал к горящей машине. Внутри, за мутным от дыма стеклом, он увидел силуэты — двое, мужчина и

женщина, застывшие как манекены. Дверь заклинило. Адам схватил валявшийся на обочине металлический прут и с силой ударил по стеклу. Оно треснуло, как его надежды на идеальный день. Он потянул за ручку, и дверь поддалась. Мужчина вывалился наружу, кашляя, а женщина была без сознания. Адам затащил ее на тротуар, подальше от огня, который уже лизал сиденья.

Толпа вокруг гудела, как рой пчел. Кто-то снимал на телефон, кто-то кричал, чтобы вызвали скорую. Адам не слышал. Он видел только дым, чувствовал жар на коже и слышал, как бьется его сердце — не от страха, а от странного, почти мистического чувства, что он здесь не просто так. Словно колесо сансары на секунду остановилось и он оказался в центре мироздания.

Когда пожарные и скорая наконец приехали, Адам вернулся к машине. Маша сидела, скрестив руки, и смотрела в окно, словно мир снаружи был виноват в ее испорченном дне. Петя молчал, но его глаза были полны вопросов, на которые Адам не знал ответов.

— Пап, ты обещал, — тихо сказала Маша, когда он сел за руль. — Парк, кино, мороженое. А теперь что? Мы просто поедем домой?

Адам открыл рот, но слова застряли. Он хотел сказать, что спас людей, что это важнее, но в ее глазах видел только разочарование. Петя смотрел на него как на супергероя, который вдруг оказался обычным человеком.

— Я... — начал было Адам.

Но Маша перебила:

— Ты всегда так. Обещаешь, а потом работа или еще что-то. Мы тебе не важны.

Эти слова ударили как тот прут по стеклу. Адам молчал всю дорогу домой. Город вокруг казался чужим, как декорации к фильму, который он не хотел смотреть. Он думал о том, как объяснить детям, что иногда жизнь — это не реклама мороженого, а дым, крики и выбор, от которого зависит чья-то судьба.

Дома было тихо. Маша ушла в свою комнату, хлопнув дверью. Петя сидел на диване, рисуя в блокноте машину, объятую пламенем. Адам чувствовал себя пустым, как кошелек после налогов. Он сварил какао — единственное, что умел готовить безупречно, — и поставил три кружки на стол.

— Петя, иди сюда, — позвал он.

Петя нехотя подошел, сжимая блокнот. Адам заметил, что на рисунке рядом с горящей машиной стоял человек в рубашке — похожий на него самого.

— Это ты, — сказал Петя, показывая на рисунок. — Ты ведь все равно был с нами. Просто ты сделал наш день важным.

Адам замер. Эти слова, простые, как детский рисунок, пробрили его броню. Он вдруг понял, что весь этот день, со всеми его планами и крахами, был настоящим. Не таким, как в рекламе, но настоящим. Потому что в нем была жизнь — грязная, дымная, но живая.

— Петя, ты прав, — тихо сказал он. — Прости, что не получилось как обещал.

Петя пожал плечами, как будто это было неважно. Маша вышла из комнаты, привлеченная запахом какао. Она взяла кружку, посмотрела на отца и вдруг сказала:

— Ты был как в фильме. Как герой. Я... я просто не сразу поняла.

Адам улыбнулся. Впервые за день он почувствовал, что колесо сансары замедлилось.

Они сидели на диване втроем, укрывшись старым пледом, который пах пылью и детством. На экране телевизора шел какой-то старый мультфильм, но никто не смотрел. Маша прижалась к плечу Адама, а Петя свернулся калачиком, как котенок. Какао остыло, но никто не жаловался.

Адам смотрел на своих детей и думал, что, может быть, Пелевин был прав: жизнь — это иллюзия, но в ней есть моменты, которые реальнее всего на свете. Этот вечер, этот плед, эти два человека рядом — это и был его праздник. Не тот, что он планировал, а тот, что подарила ему жизнь.

Они заснули вместе, и город за окном затих, как будто соглашались, что иногда один день может быть больше, чем вся жизнь.

ПОЧТАЛЬОН

В городке, что притулился у подножия холмов, где ветер пахнет сыростью и прошлогодними листьями, жил старый почтальон по имени Рамазан. Его фигура, сутулая, но неизменно аккуратная, в синем форменном кителе с потертыми локтями, была такой же частью пейзажа, как покосившиеся фонари на улице Липовой или облупившаяся вывеска над кондитерской «Верона». Каждое утро, ровно в семь, Рамазан выходил из своего домика на краю города, с сумкой, оттягивающей плечо, и шагал по улицам, будто исполняя некий ритуал, древний, как само время. Его шаги, шаркающие, но упрямые, отдавались эхом в утренней тишине, и даже собаки, привыкшие к его силуэту, лишь лениво поднимали морды, не утруждая себя лаем.

Городок, надо сказать, давно забыл о письмах. Интернет, этот вездесущий паразит человеческих душ, высосал из почтовых

ящиков их содержимое, оставив лишь паутину и случайные рекламные листовки. Жители, погруженные в свои экраны, отправляли сообщения, которые исчезали в цифровом эфире, не оставляя следа, кроме смутного чувства пустоты. Но Рамазан, с его выцветшими глазами и вечно хмурой складкой на лбу, продолжал свой путь. Он разносил редкие посылки, счета за электричество, изредка — открытки от дальних родственников, забывших, что их адресаты давно переехали. Никто не понимал, зачем он это делает. «Старик выжил из ума», — шептались на рынке, где торговки в цветастых платках обменивались сплетнями. «Пенсия у него, поди, копеечная, вот и таскается», — добавляли другие, жуя пирожки с капустой. Но Рамазан не обращал внимания на эти разговоры. Он просто шел, от дома к дому, от ящика к ящику, словно его жизнь зависела от этого монотонного акта.

Его видели в дождь, когда вода стекала с козырька его фуражки, и в зной, когда асфальт плавился под ногами, а он, будто не замечая жары, поправлял ремень сумки и продолжал свой маршрут. Иногда он останавливался, чтобы перекинуться парой слов с кем-нибудь из стариков, сидящих на лавочке у аптеки, или с детьми, гоняющими мяч на пустыре. Но чаще он молчал, и его молчание было не угрюмым, а каким-то значительным, будто он знал что-то, чего не знали другие.

Когда Рамазан умер — тихо, во сне, в своем домике, где пахло старыми книгами и воском от свечей, — городок замер в странной, почти осязаемой тоске. Не то чтобы его любили, но его отсутствие ощущалось как пропажа привычного звука — скажем, тиканья часов, которые вдруг остановились. На похоронах собралось неожиданно много народу: старухи в черных платках, мужчины с неловкими лицами, даже подростки, которые обычно смеялись над его медлительной походкой. Все молчали, глядя на яму, простую, как жизнь самого Рамазана.

Его сын Руслан приехал из большого города, где работал инженером и вел жизнь, полную суеты и электронных писем. Руслан был человеком практичным, с короткой стрижкой и привычкой смотреть на часы каждые пять минут. Он приехал, чтобы разобрать вещи отца, продать дом и вернуться к своей жизни, где не было места для сентиментальности. Но в маленькой комнате, заваленной старыми газетами и пустыми конвертами, он нашел нечто, что изменило все.

Под кроватью, в углу, где пыль лежала толстым слоем, стояли деревянные коробки, потемневшие от времени. Их было семь, и каждая была аккуратно подписана: «1987», «1992», «2003» и так далее. Руслан, нахмурившись, открыл первую. Внутри лежали

письма. Сотни писем. Конверты были чистыми, без марок, без адресов, но внутри — листы, исписанные неровным почерком, карандашом, чернилами, даже фломастером. Он начал читать.

«Милая Анна, я никогда не говорил тебе, как сильно тебя люблю. Я боялся, что ты рассмеешься, или хуже — отвернешься. Но каждый вечер, когда ты проходила мимо моего окна, я смотрел на тебя и думал, что ради одного твоего взгляда я готов прожить тысячу жизней...»

«Прости меня, брат. Я украл у тебя ту монету, помнишь, с профилем орла? Я был мальчишкой, глупым, но это не оправдание. Я хотел сказать, но каждый раз, когда видел твои глаза, слова застревали в горле...»

«Прощай, мой дорогой. Я уезжаю, и, наверное, мы никогда не увидимся. Я не виню тебя, но сердце мое разрывается, и я пишу это, чтобы оставить хоть что-то, что было между нами...»

Руслан читал, и его пальцы дрожали. Письма были разные: признания в любви, извинения, прощания, благодарности. Некоторые были адресованы людям, которых он знал — соседям, булочнику, школьной учительнице, давно ушедшей на пенсию. Другие — незнакомцам, чьи имена ни о чем ему не говорили. Но все они были написаны с такой искренностью, с такой болью и нежностью, что Руслан, человек, привыкший к сухим отчетам и техническим чертежам, почувствовал, как в горле встает ком.

Он провел в той комнате всю ночь, читая, сортируя, пытаясь понять. К утру он осознал: эти письма никто никогда не отправлял. Они были плодом воображения его отца, его тайной работой, его попыткой сохранить то, что люди перестали говорить друг другу. Рамазан, этот молчаливый старик, собирал ненаписанные письма — слова, которые люди держали в себе, боясь или не решаясь выпустить наружу. Он был хранителем их невысказанных чувств, их сокровенных тайн.

Руслан не продал дом. Вместо этого он остался в городке. Он показал письма нескольким жителям — осторожно, почти благоговейно, словно боясь спугнуть их хрупкую магию. И произошло нечто удивительное: люди начали говорить. Старая хозяйка кондитерской, чьи пирожки славились на весь городок, призналась, что всю жизнь жалела о ссоре с сестрой. Молодой парень, работавший в автомастерской, написал письмо своей первой любви, хотя та давно жила в другом городе. Даже подростки, вечно уткнувшиеся в телефоны, стали приходить к Руслану, принося свои листки — неловкие, но честные.

Так родилась идея «Музея ненаписанных писем». Дом Рамазана превратился в маленький музей, где на стенах висели письма,

аккуратно обрамленные, как картины. Каждый мог прийти и оставить свое — анонимно, если хотел. И городок, прежде дремавший в равнодушной тишине, ожил. Люди стали здороваться на улицах, улыбаться друг другу, говорить о том, что раньше держали в себе. Музей стал местом, где можно было выплакаться, посмеяться, простить или попросить прощения. А Руслан, сам того не ожидая, стал его хранителем, продолжателем дела отца.

Иногда по вечерам он выходил на крыльцо и смотрел на городок, где зажигались окна, и думал о том, как странно устроена жизнь. Рамазан, старый почтальон, унес с собой свои тайны, но оставил им всем дар — возможность говорить, чувствовать, быть людьми. И в этом, думал Руслан, было что-то большее, чем просто письма. Это была сама жизнь, хрупкая и прекрасная, как лист бумаги, исписанный от руки.

СЛЕПОЙ

В шумном сердце города, где улицы пульсировали, как вены в разгоряченном теле, жил парень по имени Влад. Ему было всего девятнадцать, но жизнь уже успела нарисовать на его лице шрамы от ошибок. Вырос он в крошечной квартире на окраине, где мать работала на двух работах, а отец... ну, отец просто исчез, как дым от сигареты, которую он курил у окна в последний раз. Влад рано понял: в этом мире никто не даст тебе ничего даром. Нужно брать самому. Сначала мелкие кражи — пачка чипсов в магазине, потом велосипед у богатого пацана из школы. А теперь? Теперь он был профессионалом в своем деле. Ловкий, незаметный, как тень в полдень. Но внутри, в глубине души, где прятались воспоминания о детстве, когда мама читала ему сказки о героях, что побеждают зло, — там теплилась крошечная искра вины. Она жгла, но он тушил ее оправданиями: «Я беру только у тех, кто не заметит потери. Это не так уж плохо, правда?»

Тот день был серым, как бетонные стены панельных домов. Влад пробирался через толпу на центральной площади, где люди спешили по своим делам, не замечая друг друга. Его взгляд выхватывал детали: блестящий ремешок часов, незастегнутый карман пальто, сумка, небрежно висящая на плече. Он искал цель. И нашел.

Старик стоял у перехода, опираясь на трость. Седые волосы выбивались из-под старомодной кепки, а глаза... глаза были пустыми, словно смотрели в никуда. Белая трость мягко постукивала по асфальту, выбивая ритм, который никто, кроме него, не

слышал. На плече старика висела потрепанная кожаная сумка. Влад заметил, как легко она соскользнет, если чуть подтолкнуть. «Идеально», — подумал он, и сердце застучало быстрее.

Дождавшись, пока поток людей закроет его от случайных взглядов, Влад шагнул ближе. Легкое движение руки, почти танцевальное, — и сумка уже в его пальцах. Старик даже не обернулся. Он продолжал стоять, слегка покачиваясь, словно прислушиваясь к шуму города. Влад растворился в толпе, сжимая добычу. Победа. Но почему-то в груди кольнуло.

В подворотне, подальше от глаз, он открыл сумку. Кошелек с мятыми купюрами, пара пластиковых карт, старый телефон с кнопками, какие уже никто не носит. А еще — книга. Тяжелая, с твердой обложкой, но без текста. Вместо букв — выпуклые точки, словно кто-то рассыпал по страницам крошечные бусины. Брайль. Влад замер. Старик был слепым.

Внутри что-то сжалось. Он представил, как старик добирается домой, шаря тростью по тротуару, без денег, без документов. Без этой книги, которая, может, была для него единственным окном в мир. Влад сглотнул. «Верну. Сегодня же», — решил он, но страх тут же вцепился в горло. А если старик вызовет полицию? Если его поймут? Нет, так нельзя. Нужно сделать это тихо, незаметно.

Ночь пахла сыростью и бензином. Влад стоял у старого дома на окраине, сжимая сумку. Адрес нашел в документах — потрепанный паспорт с фотографией старика, где тот выглядел моложе, но все с теми же пустыми глазами. Влад постучал в дверь, тихо, почти неслышно. Никто не ответил. Он постучал снова, сильнее. Тишина. Тогда он просто положил сумку у порога, отступил в тень и стал ждать.

Через несколько минут дверь скрипнула. Старик вышел, опираясь на трость. Его пальцы нащупали сумку, и Влад заметил, как уголки его губ дрогнули. Не улыбка, но что-то близкое. Старик поднял сумку, ощупал ее, словно проверяя, все ли на месте, и вернулся в дом. Влад выдохнул. Первая часть плана выполнена. Но почему-то уйти он не смог.

На следующий день Влад вернулся. Он сам не знал зачем. Может, хотел убедиться, что старик в порядке. Может, искра вины в его груди разгорелась сильнее. Он увидел старика на улице, у того же перехода. Тот пытался перейти дорогу, но машины гудели, а прохожие обходили его, не останавливаясь. Влад, не думая, шагнул вперед.

— Давайте помогу, — буркнул он, беря старика под руку. Голос он постарался сделать ниже, грубее, чтобы не выдать себя.

— Спасибо, добрый человек, — ответил старик. Его голос был теплым, с легкой хрипотцой, как старое радио. — Меня зовут Иван Петрович.

— Ага, — только и выдавил Влад, переводя старика через дорогу. Он старался не смотреть ему в лицо, боясь, что тот каким-то образом узнает его. Но Иван Петрович лишь улыбался, словно ничего не подозревал.

Так началось. Влад стал тенью старика. Он чинил скрипучую дверь в его подъезде, подсовывал продукты под порог, когда тот спал, даже однажды помог донести тяжелую сумку с рынка. Каждый раз он был осторожен, старался не говорить слишком много, не задерживаться. Но каждый раз, уходя, он чувствовал, что возвращается не только ради старика. Что-то в нем самом менялось.

Иван Петрович был не так прост, как казался. Он слышал шаги Влада, даже самые тихие. Чувствовал запах его дешевого одеколona, который тот наносил, чтобы казаться старше. Слышал, как дрожит его голос, когда он пытался казаться чужим. Старик не был глуп. Он знал, кто вернул сумку. Знал, кто каждый день помогает ему. Но молчал.

Однажды вечером, когда Влад принес очередную корзину с продуктами и уже собирался уйти, старик окликнул его:

— Молодой человек, не хотите чаю? Ночь холодная.

Влад замер. Он хотел отказаться, убежать, но ноги словно приросли к полу. Иван Петрович уже повернулся и пошел к старенькому чайнику, который гудел, как маленький трактор.

— Я... мне некогда, — пробормотал Влад.

— Брось, — сказал старик, и в его голосе было что-то такое, что невозможно было отказаться. — Садись. Расскажи, кто ты.

Влад сел, сжимая руки в кулаки. Он ждал вопроса, который разобьет все: «Зачем ты украл мою сумку?» Но старик молчал. Он просто наливал чай, медленно, осторожно, словно давая Владу время собраться с мыслями.

— Я... я просто хотел помочь, — наконец выдавил Влад.

— Знаю, — кивнул Иван Петрович. — И помогаешь. Лучше, чем многие.

Влад смотрел на него, не веря. Старик знал. Знал с самого начала. И все равно не прогнал, не обвинил. В груди Влада что-то треснуло, как лед по весне. Он вдруг понял, что впервые за долгое время не хочет бежать.

Прошло несколько недель. Влад больше не крал. Он приходил к Ивану Петровичу каждый день. Иногда они говорили — о книгах, о жизни, о том, как город звучит для слепого. Иногда молчали,

и это молчание было уютным, как старое одеяло. Влад научился читать шрифт Брайля, чтобы помогать старику с его книгами. Он стал его глазами, а старик — его совестью.

Однажды, стоя у окна в маленькой квартире Ивана Петровича, Влад сказал:

— Я останусь. Если можно.

Старик улыбнулся, и в этой улыбке было все — прощение, надежда, вера.

— Конечно, Влад. Я всегда знал, что ты останешься.

И в тот момент, под скрип старого чайника и шум города за окном, Влад понял, что, возможно, впервые в жизни он дома.

ПЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ ЯБЛОК

Весна в нашем ауле всегда наступала неожиданно, будто кто-то невидимый распахивал небесные ворота, и оттуда лился теплый свет, пробуждая траву, деревья и людские сердца. В эту пору бабушка Нанауес, старая, как сама земля, выходила на крыльцо своего ветхого дома, волоча за собой стопку одеял. Все они были теплые, тяжелые, сшитые еще в те времена, когда ее руки не дрожали, а пальцы ловко орудовали иглой. Одно одеяло она стелила под себя на ступеньки, другие накидывала на плечи, словно собиралась пережить еще одну зиму прямо здесь, на ступенях, под солнцем, что уже припекало макушку. Так и сидела она, морщинистая, сгорбленная, будто коряга, которую река жизни выбросила на берег и забыла забрать.

Бабушка жила одна. Все, кто был ей родней, давно ушли туда, где нет ни слез, ни смеха, — на кладбище, к которому вела узкая тропка, протоптанная ее ногами. Глаза ее, когда-то ясные, как горный ручей, теперь потухли, покрылись мутной пеленой, и, глядя на человека, она словно смотрела сквозь него, в какую-то свою, далекую даль. Мне в ту пору было уже тринадцать, но в душе я оставался семилетним мальчишкой, которого одолевала тоска по простым вещам. Когда суета надоедала, я ходил к бабушке, и она, будто чуя мое приближение, уже ждала на крыльце.

— Милый, — голос ее был хриплым, но теплым, как нагретая солнцем земля, — подойди-ка сюда. Посмотри вон туда, на гору. Это овцы пасутся или камни белеют среди травы?

Я останавливался, послушно вглядывался в ту сторону, куда указывала ее дрожащая рука. Глаза мои, молодые, зоркие, не видели ни овец, ни камней — только зелень травы да серые склоны. Но я знал, что спорить с бабушкой бесполезно.

— Овцы, бабушка, — говорил я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Она щурилась, качала головой, и губы ее складывались в хитрую усмешку.

— Какие овцы? Это камни, мальчик. Я, старая, и то лучше тебя вижу.

На следующий день она снова звала меня и спрашивала то же самое. Я, памятуя ее вчерашний урок, отвечал:

— Камни, бабушка.

— Какие камни? — возмущалась она. — Ты что, не видишь, какие они жирные, эти овцы? Хвосты у них — во! — И она разводила руками, показывая, какие, мол, хвосты.

Я, молодой, сердечный, только улыбался и соглашался. Спорить с бабушкой было все равно что спорить с ветром — он дует куда ему вздумается. Она сидела, закутанная в свои одеяла, даже в самую жаркую погоду, и если я, удивленный, спрашивал: «Бабушка, ты все еще не согрелась? Три месяца уже на солнцепеке сидишь!» — она только вздыхала и отвечала:

— Ах, мальчик, что ты знаешь о холоде? Эта зима была такая долгая, такая лютая, что я до сих пор кости свои отогреть не могу. Скоро опять зима придет, а я все еще мерзну.

И она вздрагивала, будто и впрямь вспоминала мороз, что пробирал ее до самого сердца. Я смотрел на нее и думал: как же так? Ведь невестки с нашей улицы каждый день приносили ей дрова, еду, помогали по хозяйству. Но бабушка все равно твердила, что ей холодно, что никто не понимает, каково это — мерзнуть, когда душа озябла.

Ее жизнь была тяжелой, как камни, что она видела на горе. Муж и пятеро сыновей — все ушли на войну и не вернулись. Она рассказывала об этом неохотно, но иногда, когда солнце клонилось к закату и тени ложились длинными полосами, слова сами вырывались из нее, будто река, прорвавшая плотину.

— Не доверяйте этому жестокому, бесчеловечному времени, — говорила она молодым женщинам, что приходили к ней помогать. — Рожайте только девочек. Если опять придет война, она забрет ваших сыновей, как забрала моих.

Аульские невестки слушали, бледнели и убегали, словно боялись, что ее слова накличат беду. А бабушка смотрела им вслед и качала головой. Она не любила вспоминать прошлое, но оно жило в ней, как заноза, что вросла в кожу и уже не вытащить.

Однажды я спросил ее про яблони, что росли в ее саду. Их было шесть, старых, корявых, но каждую осень они давали плоды — кислые, но такие душистые, что запах их разносился по всему аулу.

Бабушка назвала каждую яблоню именем мужа и сыновей. Старший сын, Тоха, был ее гордостью. Она рассказывала, как всем аулом провожали его на войну, будто какого-то полководца. Сильный, крепкий, он был надеждой не только ее, но и всего аула. Люди говорили: «Если Тоха идет, немцам конец». Провожая младших сыновей, она наказывала им: «Найдите Тоху и держите его». И другие аульские матери повторяли то же самое своим сыновьям.

Но Тоха не вернулся. Похоронка о его гибели легла на аул тяжелой тенью. Люди плакали, словно потеряли не только Тоху, но и своих сыновей, что остались без его защиты. «Если такие, как Тоха, погибают, что же будет с остальными?» — шептались старики. Только тогда и поняли в ауле, какая страшная война идет.

Бабушка никогда не просила меня сорвать яблоко с яблони мужа. Когда я, любопытный, спросил почему, она посмотрела на меня так, будто я сказал что-то непростительное.

— Как это так, чтобы я, женщина, просила мужчину принести яблоко с яблони моего мужа? У нас так не принято, стыдно, — отвела она строгу.

Я не понял, но промолчал. Традиции наши были как обувь предков — изношенные, но все еще теплые от их шагов. Бабушка же чтит их как святыню. Она не любила, когда яблоки рвали с веток. «Бери только то, что сама природа дает», — говорила она, и я, послушный, подбирал упавшие плоды.

Однажды осенью, вернувшись из города в аул после окончания первого курса, я снова пришел к бабушке. Она сидела на крыльце, укутанная в одеяла, и, как только я появился, позвала:

— Сынок, посмотри на гору. Это овцы там пасутся или камни белеют?

Я улыбнулся, чувствуя, как сердце обволакивает знакомая теплота. Посмотрел на гору — ничего там не было, только трава да серые скалы. Но я был уже другим — более злым, общипанным временем и людьми, избалованным девчачьим вниманием, и, уже зная ее игру, ответил:

— Бабушка, мне кажется, там белые овцы пасутся среди белых камней.

Она посмотрела на меня своими мутными глазами, и что-то в ее взгляде изменилось. Я ждал привычной шутки, но она молчала. Мы сидели долго, солнце клонилось к закату, а она все молчала. Я, чтобы разрядить тишину, предложил:

— Хочешь, я принесу тебе яблоко?

Она не ответила. Я пошел в сад, долго бродил среди деревьев. Помня наказ бабушки, я не стал срывать с веток, а подобрал под

каждым деревом по яблоку и принес ей. Она посмотрела на них нехотя и спросила, прикоснувшись к яблоку, что лежало у ее ног: «А это, шестое яблоко, откуда?»

— С яблони твоего мужа.

Бабушка вздрогнула, будто обожглась. Я растерялся, не понимая, что сделал не так.

— Бабушка, что с тобой? — спросил я, но она молчала, словно окаменела, и смотрела в сторону.

Я пошел колоть ей дрова, как просил отец, а когда вернулся, она сидела, укрытая с головой одеялами. Я сначала не понял, но потом, приглядевшись, заметил, что пять яблок так и лежали нетронутыми, а шестое, с яблони ее мужа, было надкусано. Тишина между нами стала тяжелой, как черная земля, о которой она говорила. Я промолчал, попрощался, собираясь уйти, но вдруг на спину мне упала ее палка. Подпрыгнув от неожиданности, я обернулся — бабушка смотрела на меня с такой злостью, что я оробел.

— Что ты, бабушка? Это ты? — вырвалось у меня.

— Нет, болван, это Бог небесный тебе по башке дал! — бросила она, и в глазах ее мелькнула искорка — то ли улыбка, то ли озорство. — За овец, что пасутся среди камней!

Я некоторое время стоял ошарашенный. Потом пошел к воротам. Остановившись у калитки, я повернулся снова к ней.

— Я наколол тебе много дров, бабушка. Тебе хватит на всю зиму.

Она выпросталась из-под одеял и, посмотрев на дрова, на яблоки, потом на меня, вдруг сказала:

— Дураки вы, дураки... Разве меня согреют дрова, у которых вы отняли душу, когда мои мальчики лежат там, под черной, тяжелой, ледяной землей?

Я вышел из ее двора, не смея поднять глаза. Слова ее легли на плечи тяжелым грузом, и с той поры я хожу сутулый, будто несущий на себе всю ее боль. Яблоки с тех пор не рву — только подбираю те, что упали сами, как она учила. И каждый раз, глядя на гору, вижу там то овец, то камни, но никогда не знаю, что правда, а что — ее игра, которой она учила меня жить.

Михаил ФРИДМАН

«ГОРЫ ГЛЯДЯТ
НА МЕНЯ»

СТИХИ

* * *

Слышишь Терек, отчаянный Терек?
Он спешит, хочет Каспием стать.
Смелый, амбициозный холерик,
Не утешить его, не унять.

Он торопится сделать карьеру,
Он бежит босиком по камням.
Он стихи принимает на веру,
Наступая ногами на ямб.

Он надеется на перемены,
Грезит, что горизонты близки.
И ширазские розы Чермена
Осыпаются на лепестки.

Отбивают пороги поклоны
Реалисту, глядящему ввысь:
На Казбек, на простор Иристана, —
И твердят ему: «Остановись!»

Слышишь Терек? Послушайте все вы!
Он наш старший, поправший тоску.
Пьем зигзагом мы: справа налево —
Друг за другом его араку.

Хмель блуждает по жилам и нервам:
 Ни себя уже не узнаю,
 Ни Чермена, который стал первым,
 Отряхнувшим черкеску свою

От унылой, от въевшейся пыли,
 Встав на самой вершине листа,
 Где аланские мифы и были
 Нам в наследство оставил Коста.

Терек помнит его. Хорошо бы,
 Чтобы люди остались людьми.
 В первом тосте — за Бога Большого
 Над тремя уалибахами¹.

Во втором — за Уастырджи² тоже
 И в последнем — под выпранный шум.
 Слышишь Терек? Я слышу. О боже,
 Слышу и никуда не спешу.

* * *

Когда-нибудь и я в цахтон³ макну
 Кусок фыдджына⁴ весь, сдув пену с пива,
 И посмотрю на полную луну,
 Глядящую на всех нас терпеливо.

Задумаюсь: а чем я не дзуар⁵ —
 Поэт, вручивший светоч веры нартам,
 Налив в лампы свой небесный дар
 В отместку рунам и натальным картам.

Кто честен, тот не слеп, тот неуклюж.
 И в юности я рассуждал, как старец.
 И у меня есть тоже друг ингуш,
 И у меня есть тоже брат кударец.

¹ Уæлибæх (*осет.*) — осетинский пирог с сыром. (*Здесь и далее прим. ред.*)

² Уастырджи — самое почитаемое божество в осетинской мифологии, покровитель мужчин, путников и воинов.

³ Здесь: соус из сметаны и консервированных листьев горького перца.

⁴ Фыдджын (*осет.*) — осетинский пирог с мясом.

⁵ Дзуар (*осет.*) — в осетинской мифологии божество, дух, святой.

И у меня возлюбленная есть,
 Чья красота затмит любое солнце —
 Не преувеличение, не лесть!
 Такая!.. Обзавидуйтесь, иронцы!

Мы в прошлой жизни повстречались с ней,
 Она несла мне Фиагдон в ладонях,
 И жажда становилась все сильнее,
 Я пил один, я пил при посторонних.

Ее глаза глядели на меня
 Бордовой переспелюю черешней.
 Кто говорит: нет дыма без огня,
 Видать, не целовал горянки здешней.

Изжалил дым мои глаза до слез,
 Слез нежности, томления и страсти,
 И хистæр⁶, мой кунак, нам произнес
 Красивый тост за истинное счастье.

Прошли года, и растворился дым,
 Я стал огнем бездымным — вроде джинна
 Из лампы, стал печальным и седым,
 Когда макнул в цахтон кусок фыдджына

Трясущейся рукой, и эхо тост
 Развеяло, и воздух спину выгнул.
 А я услышал голос дальних звезд
 И «сидт кæронмæ ахæццæ!»⁷ воскликнул.

* * *

По штурманским часам отслеживаю время.
 Светлана и Сослан рассказывают мне,
 Что в свой черед придет Осетия за всеми
 С фыдджыном на столе и истиной в вине.

⁶ Хистæр (осет.) — старший.

⁷ Сидт кæронмæ ахæццæ (осет.) — досл.: тост дошел до конца. За праздничным застольем этой фразой самый младший давал знать старшему и обслуживающей молодежи, что можно наполнять бокалы для следующего тоста.

Побольше «Каберне», поменьше «Саперави» —
Алхимик-каббалист смешал нам эликсир.
Мы говорим: «Лехаим», пьем за жизнь и здоровье,
За каждого из нас, за Бога и за мир.

Когда-нибудь придут евреи в синагоги,
Миноры озарят своим огнем Цхинвал.
Как прежде Иордан, омоет Терек ноги
Тому, кто сорок лет свой путь сюда искал.

Перечитай скрижаль, там смысл в каждой фразе.
Я промолчу, ведь всё сказали до меня.
И общество «Шолом», что во Владикавказе,
Как новый маккавей, добудет нам огня.

Священного огня, очищенного масла,
Кошерного вина с хрустящею мацой,
Чтоб стала жизнь светлей, чтоб солнце не погасло
И чтоб от глаз Творца не пряталось лицо.

По штурманским часам отслеживаю время:
Как много утекло, как много утечет.
Забрало из стекла я опущу на шлеме,
«Поехали!» — скажу и запущу отсчет.

Я на другой Земле, другой планете встану
И сильно удивлюсь, увидев сквозь туман,
Как ждут меня и там Дулаева Светлана,
Кошерное вино и Цаликов Сослан.

* * *

В пустых синагогах Цхинвала
Бог ждет, Бог вздыхает и ждет.
Там талес, а не покрывало,
Там чья-то ладошка срывала
Плоды с Дерева Сефирот.

Там кантор молился и плакал,
Вибрируя и трепеща.
Самсон — иудейский Геракл —
Дракона накалывал на кол,
Там сумкой сменялась праща.

Пророка подкармливал ворон,
Пророка бросали ко львам,
Свободу колючим забором,
Смеясь, обносили, с позором
Идя по живым головам.

Сегодня к нам новые боги
На смену вчерашним пришли,
Но примут ли их синагоги:
Мошиах стоит на пороге,
Стуча в дверь оглохшей земли.

* * *

Жизнь удивительна, мне бы прожить ее снова и заново,
Чтобы языческий жрец и меня опустил в Иордан,
Как на великой картине у Александра Иванова.
Может, и мне стать Спасителем шанс был когда-нибудь дан.

Горы глядят на меня, а судьба ворожит над развязкою.
Выбрать непросто, когда нет ни цели, ни смысла, ни дня,
Чтобы понять и смириться с судьбой своей владикавказскою,
Чтобы вернуться и чтобы вернуть людям силу огня.

Несправедлива к нам жизнь, но винить зачастую в том некого,
Хочешь — зажмурься, не хочешь — стань Данко и сердцем свети.
Как хорошо, что есть обворожительная Гуржибекова,
Как хорошо, что есть горы, в которые можно уйти.

Владимир ЧШИЕВ

ПЕСНЯ СВЕТЛАНЫ МЕДОВОЕВОЙ

РАССКАЗ

Строго говоря, это была песня не Светланы Медоевой. Эта песня считалась народной и называется «Дзигойы зарæг», или более полно — «Дзуццаты Дзигойы зарæг». В переводе с осетинского языка — «Песня о Дзиге» или «Песня о Дзугеце Дзиге». Исполнялась она под аккомпанемент осетинской гармошки. Простая, лирично-грустная песня на осетинском языке была очень популярна в народе в 60–80-х годах. Яркий осколок навсегда ушедшего мира старой осетинской народной культуры. Ее часто называли в народе песней Светланы Медоевой, потому что никто не исполнял ее так вдохновенно и выразительно, как известная актриса Осетинского театра Светлана Борисовна Медоева. Немаловажно еще то, что она исполняла ее правильно — понимая весь трагизм и героику истории, о которой сложена песня, и в то же время тончайший ее лиризм. Ведь сейчас как: авторы и исполнители, которые ни разу не были, к примеру, в парке под дождем без зонта или не залезавшие выше горки в детском саду, пишут и поют о войне, о покорителях тайги, альпинистах и прочее.

Археологическая практика — дело хлопотное для преподавателей, назначаемых кураторами, и для начальника экспедиции, но весьма интересное и веселое для студентов. Куратор назначался деканатом из ассистентов преподавателей или молодых педагогов. Вот таким куратором стал и я — на тот момент ненамного старше этих студентов. В тот год студенты истфака Северо-Осетинского госуниверситета проходили практику в окрестностях высокогорного осетинского селения Хардон. Покатый западный склон горы Кариу, на котором расположено село, с востока ограничен глубокой балкой, а с запада — рекой Архондон. Каждый осетин знает, что эта гора высотой почти три с половиной тысячи метров не только место пребывания Уастырджи — небесного покровителя путников, воинов и вообще мужчин, но что именно на ее гранитной вершине периодически «проходят собрания» дауагов и дзуаров — ангелов и святых Осетии.

Хардонцы особенно гордятся тем, что благодаря близости села к этой горе им доводилось часто видеть, как дауаг или дзуар летел на ее вершину, торопясь на совет, в виде звезды или сияющего шара. А если вы их спросите: «А откуда они летят?» — на вас посмотрят долгим и сочувственным взглядом. И в этом взгляде ясно будет читаться, что они совершенно точно видят перед собой человека, выросшего или на необитаемом острове под пальмой, или в диком лесу. Затем после длинной паузы вам начнут растолковывать, что Уацилла, покровитель хлебных злаков и в целом урожая, повелитель дождей, гроз и молнии, летит с вершины горы Тбаухох, где он

обитает, Мады Майрам, покровительница женщин, девушек, чадородия, защитница детей, — с вершины Мадхох, Уац-Никкола — с цилиндрического купола горы Уаза, что в Дигории, Афсати, хозяин диких животных и покровитель охоты и охотников, — с ледяной шапки горы Адайхох, и так далее. Кстати, с такой же убежденностью хардонцы рассказывают и леденящие кровь многочисленные истории об усбираегъ — женщинах-оборотнях, проживавших якобы ранее в их селе. И еще много чего интересного. И поверьте, эти рассказы не уступают по яркости и изощренности сюжета роману «Дракула» Брэма Стокера и блокбастеру «Ван Хельсинг», снятому по его мотивам.

Чтобы попасть в село, надо было по грунтовой дороге преодолеть затажной крутой подъем, называемый Беста. Справа дорога ограничивалась пропастью, а слева — склоном горы, во многих местах «украшенным» природой огромными каменными «грибами», порожденными процессом выветривания. В центральной части села, на некотором расстоянии друг от друга, как два брата великана, стоят на страже две средневековые каменные боевые башни фамилии Икаевых. К югу от них — несколько боевых, сторожевых и жилых башен фамилий Бацоевых, Цопановых, Худаловых, Цомаевых, Камарзаевых, Седановых, Саккаевых. В селе много деревьев: грецкий орех, сливы, яблони. Центр селения украшают стройные тополя — наследие советской эпохи. В 60–70-х годах тополя считались в Осетии-Ирыстоне признаком цивилизованности и прогресса. Их причудливое соседство с боевыми башнями, руинами средневековой крепости и закрытой с 90-х годов школой вовсе не кажется неуместным. Они как будто дополняют друг друга — каждая эпоха должна оставить какие-то свои символы.

Средневековые оставило в Хардоне башни, крепости и церковь-святилище, советская эпоха — школу, тополя и горнодобывающие шахты, постсоветское время — закрытую школу и закрытые шахты. То ли еще будет, какие элементы пейзажа, символы времени, кроме телевизионных тарелок на стенах боевых башен, оставит в Хардоне наша эпоха?

На склоне, в трех километрах от центра села в сторону перевала в соседнее Куртатинское ущелье, виднеются руины отселка фамилии Чеховых — Чехта. Эта фамилия одной из первых выселилась из перенаселенного тогда Хардона, то ли в конце XVIII, то ли в начале XIX века, и, по словам старожилів села, осела где-то в низовьях реки Дон. Не исключено, между прочим, что в том числе и в Таганроге, где родился Антон Павлович Чехов! Дальше Чехта тропа из села ведет на перевал к селению Джими, а оттуда — в соседнее Куртатинское ущелье. Сам перевал, как это и положено по правилам жизни осетинских средневековых исторических обществ, за-

пирает небольшая крепость, которую местные жители называют «Седанты маэсыг» — «Башня Седановых».

Раньше в центре села находился еще Ныхас — место, где заседал местный «парламент». Право принимать здесь решения имели наиболее уважаемые граждане и главы семей Хардона и двух соседних сел, составлявшие вместе соседскую общину. Ныхас представлял собой полукруг, составленный из больших камней, некоторые из них были похожи на кресла. Здесь, как в своеобразном амфитеатре, заседали старейшины, здесь же проходили и судебные заседания. Примечательная для нашего времени подробность: женщинам присутствовать на Ныхасе запрещалось, однако они могли быть вызваны в сопровождении своего родственника-мужчины участвовать в качестве свидетеля. Слово «ныхас» в переводе с осетинского, собственно, и означает «слово». Сегодня на месте Ныхаса остался только самый большой камень. Остальные были разобраны сельчанами — где-то для ремонта местных дорог, где-то для строительных нужд. Камни общественного Ныхаса разошлись по частным подворьям.

Наконец, если уж мы коротко стали описывать окрестности и село, то можно еще сказать и о холме Майрам. Эта невысокая естественная возвышенность овальной формы расположена на юго-восточной окраине селения, на правом берегу реки Архондон. В центре его стоит построенная в традициях кавказской горской архитектуры небольшая средневековая церквушка. Местные называют ее «Мады Майрам», или коротко — «Майрам». Вокруг нее расположены разнообразные погребальные сооружения: выстроенные из крупных камней коллективные наземные склепы с пирамидальной и двускатной кровлей, полуподземные склепы, могилы, составленные из вросших в землю черных каменных сланцевых плит, на иссеченных щербинами верхних концах которых особенно ярко блестит солнце в ясные дни, могилы воинов, погибших в Великую Отечественную войну, — уроженцев Хардона; их обелиски увенчаны красными звездами.

Есть здесь и более поздние захоронения. До начала XX века входные проемы склепов наглухо запирались толстыми деревянными дверцами. Сегодня они утрачены, и немногочисленные туристы, добредаяющие до этого места, по пути на водопады в верховья Архондона, любят фотографировать кости, которые там покоятся. Протекающая ниже восточного склона холма река своими бурными прозрачными извилами дополняет и оживляет пейзаж этой части селения. Извивы реки постепенно прячутся в верховьях ущелья, поросших густым лесом. Наконец, с юга пейзаж торжественно завершает панорама гор с белыми вершинами, самая высокая из которых — Тепле-хох, с ледников которой и берет начало Архондон.

Река, кроме прочего, богата весьма крупной форелью, а до 1965 года, когда Терек был перекрыт сооружениями Павлодольской ГЭС, каждую осень пополнялась еще и осетровыми породами рыб, заходившими сюда из Каспийского моря, чтобы отложить на ее каменистом дне икру. Старожилы Хардона помнили времена, когда они заготавливали на зиму, помимо картошки, сена для скота и прочего, еще и по бочке черной икры.

Итак, в конце 90-х мы вели раскопки на территории раннеаланского катакомбного могильника VII–IX вв. н. э., расположенного неподалеку от селения Хардон. Катакомбы эти представляют собой род подземной хатки со сводчатым потолком. Ко входу в склеп ведет подземный наклонный коридор, а дверью служит большой уплощенный камень или несколько плит меньшего размера. Жили мы в центре Хардона, в снятом за небольшую сумму старом доме с террасой и отдельно стоящей во дворе кухней. Купались в прозрачной ледяной воде Архондона, ловили форель, ходили в лес по дрова, навьючивая сухостой на прикормленного по этому случаю ослика, носили вкуснейшую воду из родника, бившего прямо из скалы на окраине села, пекли хлеб в русской печи с подом — одним словом, жили жизнью сельчан. В селе не осталось ни одного двора, ни одной семьи, которая бы не прислала нам «хуын» — три пирога с сыром и вареную курицу или же отварное мясо барашка. Когда остался только один дом, не спешивший уважить гостей Хардона положенным по обычаю «хуыном», сами сельчане едва ли не устроили этой семье бойкот, и вскоре оплошность была исправлена. Мы не оставались в долгу.

В конце июля относительно небольшой Архондон в результате многодневных гроз превратился в извивающегося дракона из черной воды, песка и камней, который снес часть дорог, и огороды, и столбы линии электроснабжения. Жители объявили общесельский «зиу», своеобразный субботник. Каждый двор был обязан дать человека для формирования отряда по устранению последствий стихии. Археологи решили не оставаться в стороне и приняли активное участие в этом деле.

Таких «зиу» было еще несколько. К примеру, сельчане ежегодно устраивали его для того, чтобы накопить сена на зиму и привезти его для коров вдвоей одинокой бабушки Гошти и ее подруги, бабушки Мишурат, у которой сын был, но давно уже жил далеко на Севере, в Норильске, куда уехал в свое время на заработки. Экспедиция добровольно выставляла на все «зиу» несколько лучших «штыков» из своих рядов. Бабушки эти отличались довольно веселым и добродушным нравом, несмотря на свою достаточно непростую жизнь. А Гошти, как оказалось, наделена была еще и удивительно оригинальным чувством юмора.

Как-то мы с ней случайно пересеклись на одном из узких перекрестков улиц Хардона. Как положено по осетинскому обычаю, она остановилась и стала пропускать меня вперед: «Ды нæлгоймаг дæ, ахиз, дæ хорзæхæй». [Ты мужчина, ты проходи первый, пожалуйста¹.] Я же, как городской воспитанный, интеллигентный мужчина, не мог не уступить дорогу женщине, соответственно пропуская ее вперед. Пока «цивилизация» спорила с народной традицией, к нам приблизился огромный бык Бацоевых и, угрожающе опустив голову, направил свои рога на старушку. Тут уж я, как настоящий джентльмен, бросился на защиту дамы и отогнал озверевшую скотину. Отряхивая платье, Гошти сердечно поблагодарила меня, а затем добавила: «Ды куы нæ уыдаис, уæд чысыл ма бахъæуа, æмæ мын ацы гал йæ даргъ ськъайæ мæ дондзæуæн æмæ мæ хордзæуæн баиу кодтаид». Смысл сказанного настолько контрастировал с одухотворенным лицом и внешностью этого божьего одуванчика, что я впал в ступор и долго провожал взглядом ее медленно удаляющуюся худенькую фигуру. А сказала бабуля приблизительно следующее: «Если бы не ты, то еще бы немного, и этот бык своим длинным рогом соединил бы мои перед и зад». Кроме прочего, я был приятно удивлен тем, что осетинский народ, как показало это случайное происшествие, все еще может рождать новые афоризмы и остроумные сравнения на родном языке.

Мы жили в стареньком доме, побеленном известью, с верандой на деревянных столбах. Во дворе под навесом стояла русская подовая печь с большой полукруглой железной заслонкой. Бабушка Зара пекла в ней хлеб, иногда осетинские пироги. В больших сковородках она клала на раскаленный под хлеб и плотно закрывала заслонку. Спустя какое-то время она снимала заслонку, и незабываемый аромат свежее испеченного на дровах хлеба или пирогов распространялся по всей округе.

Вернемся к песне Светланы Медоевой, или «Песне о Дзиго». Несколько лет назад в Хардон вернулся один из его жителей, мужчина 63 лет по имени Дадте. В конце 70-х он уехал, как говорят в Осетии, на Север, в город Норильск на заработки. Высокий, жилистый, сухопарый, крепкого телосложения, работающий и рукастый, он пользовался среди местных жителей большим авторитетом. Дадте довольно быстро подремонтировал отцовский дом, завел скотину, хозяйство. Его усадьба была рядом с домом, который мы снимали. Он иногда ненадолго заходил в гости, приносил молоко, яйца, ведро шампиньонов.

Как-то студенты раздобыли в поселке Мизур, расположенном в шести километрах от Хардона, старый проигрыватель и виниловые

¹ Здесь и далее в квадратных скобках перевод с осетинского. (Прим. ред.)

пластинки — как совсем старые, с песнями на осетинском языке 60–70-х годов, так и более позднего периода — советская и зарубежная эстрада 70–90-х годов. Разумеется, в доме, где мы жили, теперь часто не смолкали песни группы «Битлз», Джо Дассена, Софии Ротару и других музыкальных кумиров прошлых лет.

В тот день, о котором я хочу рассказать, Дадте зашел к нам помочь по хозяйству. Руководитель экспедиции накануне попросил его залатать прорехи в нашем заборе. Обстоятельный Дадте принес сундучок с инструментами и гвозди. В помощь ему отрядили меня. Был уже почти час дня, и во дворе нашей усадьбы начались приготовления к обеду. Здесь же, во дворе, на старом венском стуле был установлен проигрыватель. В какой-то момент кто-то из ребят вместо пластинки с поднадоевшей уже всем Аллой Пугачевой поставил пластинку со старыми осетинскими песнями. Это были песни в исполнении Елкана Кулаева, Юрия Бацазова, Владимира Баллаева и наигрыши на гармонике Серафимы Ревазовой и Ирины Мистуловой. Последней в музыкальной колонке пластинки была песня «Дзигойы зарæг» в исполнении Светланы Медоевой. Когда она зазвучала во всю мощь динамиков проигрывателя, Дадте как раз прибывал гвоздями доску к забору. Внезапно он застыл, как от удара молнии, с поднятым молотком в руке. Некоторое время он стоял не двигаясь, потом опустился на табурет и из глаз его потекли слезы. Я поначалу решил, что он попал себе по руке молотком.

— Дадте, ты руку ударил?

Он подождал, пока закончится песня, достал огромный носовой платок, не торопясь вытер слезы, после чего ответил:

— Ацы зарæг куы фехъусын, уæд мæ зæрдæ афтæ суынгæг вæййы, æмæ мæ цастысыг бауромын мæ бон нал вæййы. [Каждый раз, когда слышу эту песню, сердце так сжимается, что не могу сдержать слез.]

Вокруг большого стола, стоявшего во дворе с уже расставленными столовыми приборами, стали собираться наши студенты. Песня Медоевой закончилась. Кто-то из городских осетин снял пластинку с проигрывателя и спросил:

— Ну что, кто-нибудь понял, о чем эта волянка?

Народ молчал, многие растерянно улыбались.

— Тогда запускаем летающую тарелку! — задорно крикнул городской и широко размахнулся, чтобы запустить диск пластинки в сторону обрыва в ущелье.

Поняв, что собирается сделать парень, Дадте изменился в лице и крикнул:

— Ма кæн! [Не делай этого!]

Но смех ребят заглушил его голос. Диск пластинки взмыл высоко вверх, ярко блеснул антрацитовыми сторонами с музыкальными

дорожками, затем стал медленно падать и по наклонной, все ускоряясь, исчез на дне ущелья.

Парень поставил новую пластинку, и из динамиков полилась незамысловатая песня в исполнении группы «Нана»: «Фаина, Фаина, Фаина, Фаина, Фай-на-на!» Народ одобрительно захлопал, и все сели обедать. Дадте долго смотрел на студентов, затем прибил последние две шкетины и, не попросившись, медленными, тяжелыми шагами, как будто постарев на несколько лет, побрел к себе. Больше он никогда к нам не приходил.

Внезапные слезы такого крепкого мужчины, как Дадте, удивили и заинтриговали меня. Что же это за песня такая, что среди бела дня на глазах у посторонних, да еще людей младше его, он не смог сдержать слез? Это же не вечеринка была, где подвыпившие друзья плачутся друг другу в жилетку. Сюжет песни оказался вполне простым и типичным для любого лирического произведения. Дзиго Дзуцев, молодой парень, и юная девушка Женья Караева из равнинного осетинского селения Кадгарона помолвлены. Накануне свадьбы Дзиго вместе с группой молодых кадгаронцев отправляется в Моздок за пшеницей и другими припасами и подарками к свадьбе. На подъезде к Моздоку у одной из казачьих станиц, при переправе через широкий и глубокий в этих местах Терек, один из местных казаков в шутку предложил парням: «Кто переплывет на другой берег реки, получит от меня в награду золотой рубль». Никто не откликнулся. Тогда Дзиго ответил ему: «Рубль оставь себе, я переплыву ради мужества». Дзиго доплывает до середины реки и погибает в волнах Терека, унесшего его тело в Каспийское море. Уже скрываясь в водоворотах реки, Дзиго кричит товарищам, бегущим по берегу за ним: «Передайте моей матушке, что отныне моей периной будет тина на дне моря, моей подушкой — большой белый камень, моим одеялом — пена морская. А моей невесте скажите, что отныне она свободна!»

На пластинке с «Песней о Дзиго» было написано, что музыка народная, но оказалось, что ее создала безутешная невеста Дзиго — Женья Караева. Вероятно, слова первых четверостиший сочинила тоже она. И уже потом любимая в народе песня стала пополняться новыми словами и образами. Поэтому существует несколько ее вариантов. Я привел наиболее распространенный.

Вот, собственно, и вся короткая история, связанная с «Песней о Дзиго». И все же, прояснив для себя историю ее создания и ознакомившись с текстом, я до сих пор не понимаю, что именно в таком тривиальном сюжете тронуло сердце Дадте, почему он не смог сдержать слез, когда случайно услышал песню на старой пластинке.

Вилен УАРЗИАТИ

ОСЕТИНСКАЯ КУКЛА КАК ПРЕДМЕТ ТРАДИЦИОННОГО БЫТА

ИЗ КНИГИ «НАРОДНЫЕ ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ ОСЕТИН»

Осетинские куклы. Фото из открытых источников

В кругу традиционно-бытовой материальной культуры осетин особое место принадлежит различным игрушкам, и в первую очередь куклам. Привычная всем нам с раннего детства народная игрушка занимала в повседневном быту, вплоть до недавних пор, прочное место. В куклы играли дети, но ими окружали себя и взрослые. Такой интерес к куклам предполагает давнюю историю существования этого предмета традиционного быта. Материалы археологических раскопок ярко подтверждают данный тезис, детская игрушка на протяжении сотен лет сопутствует предкам осетин. Этнографические наблюдения свидетельствуют о том, что человек общается с куклой гораздо чаще, чем это может показаться. Взаимосвязь человека с куклой продолжается от его рождения до самой смерти, активно участвуя при всем этом в семейной и общественной жизни.

Такая связь, на наш взгляд, и явилась причиной того, что на куклу не обращают особого внимания, считая ее обычной, ординарной вещью. Вероятно, подобная точка зрения послужила тем негативным фактором, из-за которого в осетинской этнографии кукла не привлекала специального внимания исследователей.

Между тем народная кукла как немой, неподвижный мир условных знаковых систем всего живого является очень важным историко-этнографическим источником, позволяющим нам глубже увидеть и всесторонне понять историческое прошлое нашего народа. Уместно будет вспомнить слова А. В. Бакушинского о том, что «...игрушка — полный и глубокий художественный символ примитивного жизнеокружения. Она — яркий и вещественный синтетический результат творческого оформления примитивной психической деятельностью как своих внутренних переживаний,

Текст печатается по изданию: Уарзиати В. С. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе: Ир, 1987. С. 56–81.

так и впечатлений внешних в их органической неразрывной художественной связи между собой» [1, с. 309].

Естественно предположить, что формы общения с куклой не были стабильны. Как и всякая динамическая система, определяемая уровнем социально-экономического развития, эти взаимоотношения претерпевали видоизменения. Интересно отметить, что многие из них нашли отражение в куклах, а некоторые былые представления, связанные с ними, сохранились.

Важная роль отводится куклам в деле выявления и изучения основных принципов и художественно-эстетических приемов прикладного искусства. Не меньшую роль играет народная кукла и в этнопедагогике. Детские игры вообще и с куклами в частности помогают развивать и забавлять ребенка, воспитывать его нравственно и эстетически, формировать сознание и характер. Французский психолог Ж. Пиаже отмечал, что детские игры — один из самых удивительных институтов общества. С игрой связана целая система чрезвычайно сложных правил, нечто вроде свода законов, которые способствуют формированию у детей идей, основанных на характере игр и правилах их проведения. При всем этом кукла как нельзя лучше отображает этнографические особенности конкретного народа, соединяя воедино элементы материальной и духовной культуры определенной эпохи.

О необходимости изучения народной игрушки, ее истории еще в начале века писал известный художник-кукольник Н. Д. Бартрам: «Надо торопиться собрать старые народные игрушки, пока еще не все уничтожено и не все разошлось в виде сувениров и не затерялось в мусоре городов» [2, с. 7]. Актуальность обращения к этой теме обусловлена и тем немаловажным фактором, что «...еще во времена царизма вовсе были забыты игрушки осетинских детей и мелкое игрушечное производство, служившее, по словам М. С. Туганова, в свое время источником обслуживания детского мира».

Создатели детских игрушек, как правило, не ограничивали себя в выборе материала, используя для этой цели наиболее дешевые и доступные: дерево, кожу, глину, лоскуты ткани, войлок, шерсть и даже тесто. «Почти во всех случаях более предпочтительен элементарный предмет для игры, будь то палочка или камешек, которые маленький фантазер в зависимости от своего настроения может обратить в музыкальный инструмент, орудие труда, оружие, куклу или зверька» [3, с. 5].

В подавляющем большинстве игрушки эти были очень условны и не препятствовали проявлению детского творчества и фан-

тазии. Такая интерпретация соответствует основным свойствам примитивного творчества: предельная простота, статическая уравновешенность. Статичность игрушки как объемно-материальной вещи, подлежащей познанию, противоположна динамическому потоку жизни ребенка. В таком противопоставлении заложена глубокая внутренняя целесообразность. «Ребенок в этом возрасте, так же как и примитивный человек, познает мир не в его становлении, но в некоем постоянстве его свойств и образов, в их непосредственной данности и устойчивости» [1, с. 311].

Наиболее распространенной игрушкой была тряпичная кукла, имеющая в осетинском языке несколько названий — *хъазæн чындз*, *чындз*, *гъкъына*. По сведениям информаторов, тряпичные куклы имелись в каждой семье, где были дети. С одинаковым успехом в куклы играли девочки и маленькие мальчики. Обычно изготавливали кукол старшие члены семьи, хотя очень часто их мастерили и сами дети. Это были наиболее простые и непритязательные образцы, резко отличавшиеся по качеству изготовления и отделки от кукол, сделанных руками взрослых. Самодельные куклы представляли собой небольшие стилизованные человекообразные фигурки.

Тряпичные куклы по технике изготовления можно условно разбить на два вида. Куклы первого вида, на деревянном каркасе, именовались *къæцæлын чындз*. Для их изготовления брались два небольших разноразмерных обрезка палки и крестообразно накладывались один на другой. Это положение накрепко закреплялось ниткой, на полученную крестообразную основу, отдаленно напоминающую человеческую фигуру, надевался кукольный наряд — разнообразные матерчатые лоскутки, в которые пеленали кукольную заготовку.

Плоский овальный камешек, а в последующее время — пуговица или старая монета, обшитые белой тканью, символизировали лицо куклы. Вокруг талии лоскутки перехватывались игрушечным поясом, чем достигался образ кукольной фигурки, своими пропорциями приближенный к человеческой фигуре. Одежда такой простейшей куклы составляла неотъемлемую ее часть и не снималась. Куклы, сделанные детьми, при всем кажущемся примитивизме их изготовления, отличались большой творческой фантазией.

Наиболее архаическим образцам кукол лица как таковые не были присущи. Головка такой куклы была просто обмотана крест-накрест цветными нитками. По рассказам информаторов, личины на куклах начали вышивать цветными нитками или

раскрашивать красками сравнительно поздно. Этот интересный факт можно понять, если вспомнить, что кукла требует не созерцания чужой мысли, а игры с ней. Иначе есть опасность односторонне оценить куклу с чисто визуальной стороны. Излишнее сходство, натуральность, подавляющие фантазию, слишком большая подробность вложенного в нее сообщения вредят ей. С этой точки зрения подобная безликость является не просто какой-то неспособностью ребенка передать мельчайшие черты лица, а специфической реалией дидактической мысли.

Возможно, здесь отразилась и другая, иррациональная сторона, а именно — культовая. В данном случае религиозно-магическая потребность человека находила свое выражение в основном методе имитативной магии, покоряющей подобное подобным. «Магическое заклятье — прежде всего акт создания той же вещи, но творческими усилиями самого человека. Созданное подобие вещи становится самой вещью, но уже покорной человеку, его воле, его желаниям» [1, с. 316]. Особое внимание при этом отводится кукле — подобию живого существа, главным образом человека. Она является магическим средством деторождения, сопровождая девушку в брачную жизнь у многих народов традиционных обществ. Иногда кукла — средство доброго или злого внушения, воздействия на это существо, подобием которого она служит. Иными словами, идущая из глубины веков метафора былой функции куклы как апотропейного предмета спорадически сохранилась в образчике женского божества.

Более тщательно каркасные куклы изготовлялись в осетинских семьях взрослыми. Без преувеличения их можно было называть подлинными шедеврами прикладного искусства осетин. Добротнo сшитые из кусочков отработанных тканей, украшенные орнаментальными мотивами вышивок, куклы эти занимали определенное место в эстетике традиционного быта. Изящные по характеру изготовления и богато декорированные образцы кукол могла изготовить не каждая женщина, а лишь известная своим рукоделием мастерица. Если к этому добавить, что в осетинском традиционном быту кукла не была предметом купли-продажи и изготовлялась для подарка детям по желанию самой мастерицы, то станет ясно, что подобные куклы бывали не у всех детей.

Еще большей популярностью среди детей пользовались куклы второго вида, составляющие группу так называемых мягких игрушек, это — войлочные куклы (*нымæттын чындз*). Изготавливали их кройкой из остатков войлока и шерсти, которые снаружи обшивались подручными разноцветными лоскутками. В детских играх

эти куклы пользовались большим успехом, так как отсутствие жесткой основы из дерева позволяло кукле по желанию играющего манипулировать конечностями: садиться, двигать руками и ногами, нагибаться. Как и предыдущий вид, они тщательно, с большой любовью отделялись декоративными средствами, а их обладатели постоянно испытывали на себе зависть сверстников. Изготавливали эти куклы преимущественно взрослые или же девочки-подростки, вполне овладевшие навыками работы с иглой и ножницами. По свидетельству информаторов, взрослые также отдавали предпочтение войлочным куклам, ибо отсутствие деревянного каркаса в них исключало случайное травмирование детей.

Все отмеченные виды кукол в большинстве своем были предназначены для девочек и их развлечений, поэтому тряпичные куклы были простейшими изображениями женской фигуры. Кстати говоря, детали женского пола обязательно подчеркивались в кукле, будь то одежда или же формы и пропорции женской фигуры. Собственно, и само наименование «чындз» в своем основном значении обозначает в осетинском языке «невеста». Аналогичную картину можно найти и у соседних народов — например, кабардинское «гуашъэ» и адыгейское «нысхъап» одновременно означает «госпожа» и «невеста-щепка», грузинское «дадоп’ала» — «кукла» созвучно с «дэдоп’али», означающим «царица», «невеста».

Намного реже изготавливались мужские особи детских кукол, именовавшиеся осетинами «лæппу» (парень). Они были игрушками и для маленьких мальчиков, и для девочек. Кроме того, игры в жизнь взрослых обязательно предполагали наличие кукол обоих полов. Условная градация пола в куклах отражалась с помощью соответствующих пропорций экстерьера и народных костюмов. Следует особо подчеркнуть, что означенная поэтическая условность и кукольная иносказательность «не мешала с этнографической точностью перечислить в кукольном костюме основные детали... народной одежды» [4, с. 30]. Ярким свидетельством тому служит небольшая коллекция «кукольной семьи», хранящаяся в фондах Государственного объединенного музея Северной Осетии² (коллекция М. Карасаевой, инв. № 8134–34/37 и новые поступления: коллекции Н. Акоевой и О. Малтызовой).

Детские игры с куклами были самые разнообразные, но чаще всего эти игры воспроизводили повседневную реальную жизнь. Обычно разыгрывали семейные сценки, импровизировали пространственные в селе или ущелье календарные праздники. Для

² Ныне Национальный музей РСО-Алания. (Прим. ред.)

кукольных игр осетинские дети выбирали укромные, уединенные места: за селом, у ручья, на плоской земляной крыше дома (*уаѣлхадзар*), под сапеткой — одним словом, в местах, отдаленных от непосредственного внимания взрослых. Причину этого следует видеть в желании не нарушать собственную фантазию игры и не мешать своей игрой трудовому процессу взрослых.

В игре ребенок проверял себя в роли воина, скотовода, землепашца, матери, главы семьи. Иными словами, воспроизводил копию той роли, которая могла выпасть на его долю в жизни. Часто соседские дети объединялись со своими куклами для совместной игры. Начисто убрав все вокруг, они раскладывали своих кукол и их кукольное хозяйство в определенном порядке. В такой игре-импровизации, вспоминали информаторы, в игрушки превращались все подручные предметы, в ход шли щепки, палки, камешки. Иногда из глины лепили домашних животных, посуду и другую хозяйственную утварь. Куклы-мужчины занимались мужскими хозяйственными делами: возили дрова, пасли скот, строили, пахали землю, а куклы-женщины нянчили детей, стряпали, шили и вышивали.

В этих играх полностью имитировали жизнь семьи, взаимоотношения между ее членами и соседями. Игры с куклами способствовали развитию у детей первоначальных навыков трудовой деятельности: учиться шить, готовить кукольное жилье, домашнюю утварь, следить за скотом, а также упражняться в танцах и пении, воспроизводить всевозможные этнографические сценки традиционного быта и исполнять обрядовые тексты. Пройдя всю хозяйственную школу со своим кукольным окружением, девочка, твердо усвоив, «что нужно говорить и делать с куклами, изображающими мужчин, женщин и детей в различных жизненных обстоятельствах, без труда осваивается в дальнейшем в своих семейных хозяйственных обязанностях» [5, с. 41]. По этому поводу первый советский исследователь игрушки Н. Д. Бартрам заметил: «Обладая целым рядом самых различных ценностей, игрушка по своему существу делится на игрушку как “радость для ребенка” и игрушку, отражающую жизнь, являющуюся как бы ее зеркалом» [2, с. 46].

Социализаторская роль куклы заключалась не только в отражении реальной жизни, важно подчеркнуть, что главная роль в этих играх отводилась не куклам, а самим детям. Передать все те психологические нюансы, которыми окружал себя в игре ребенок, очень трудно. Можно лишь утверждать, что в игре импровизации всегда присутствовал элемент театрализации. Разбираясь

перед началом игры в кукольном микрообществе, дети заранее создавали и довольно удачно воспроизводили свои роли членов одной семьи или целого общества.

Детские кукольные игры охватывали сравнительно небольшой период жизни, когда комплекс благоприятных условий для активной творческой игры создавал игровой контекст. В условиях традиционного быта осетин этот игровой контекст исчерпывался сравнительно рано, и дети вынуждены были посылно помогать взрослым в их повседневных трудовых заботах. Как писал К. Л. Хетагуров в этнографическом очерке «Особа», «счастливая пора детства сокращена была здесь до минимума и лишена к тому же сколько-нибудь интересных игр и развлечений. Кроме неизменной, кажется у всех народов, куклы-чындз (невестка)».

С этого момента «чисто интуитивная жизнь заканчивается, и ребенок вступает в сферу анализа, когда уже утрачивается интерес к игрушкам и когда ребенок, сохранивший творческую энергию, может свободно подняться на следующую ступень человеческого бытия» [2, с. 43]. Сравнительный материал рисует нам аналогичную картину и в сопредельных с Осетией территориях, а именно в Кабарде и Грузии. Несмотря на большую любовь и привязанность к куклам, «грузинки скоро бросают игры в куклы, — писал в конце XIX века З. Гулисов, — и старше 10 лет редко можно встретить грузинскую девочку за куклой».

Однако отсутствие детства, в современном понимании этого слова, и насущная необходимость ранней трудовой деятельности компенсировались продлением у детей довольно длительным отрезком «взрослой», сознательной жизни. Игры с куклами проходят на протяжении этнографически обозримого периода времени как жизненно важный элемент традиционно-бытовой культуры осетин. «Переходя в мир взрослых, она несет с собой воспоминания о детстве, фольклорном, мифологическом и игровом мире. Это делает куклу не случайным, а необходимым компонентом любой “зрелой цивилизации”» [6, с. 36].

Имеющийся в нашем распоряжении материал полностью подтверждает данное положение. Особый интерес в этом отношении вызывают некоторые виды фигурного обрядового печенья у осетин, которые готовили исключительно по особым праздникам календарного и семейного циклов. Исследовавший их этнограф-кавказовед Г. Ф. Чурсин разделял эти хлебцы на три категории. Первая была связана с изображением божеств, духов и фетишей, вторая являлась заменой жертвенных приношений, а третья — изображением людей, животных, различных предметов с магиче-

ской целью обеспечить благополучие, счастье или обилие изображаемых объектов. В данном случае наше внимание привлекает третья категория обрядовых хлебцев, большей частью предназначенная для детей в качестве новогодних подарков. Именно к празднику Нового года (*Ног бон*) изготавливали фигурные печенья, называемые «басилтæ». Различные по форме, они готовились преимущественно из пшеничной муки. Издавна возведенная в ранг священной зерновой культуры пшеница и изделия из нее выполняли магические функции. Готовили их взрослые женщины, причем часто им в этом помогали старшие девочки. Мальчикам же возиться с тестом и готовить различные поделки (*чъысæ*) осетинская патриархальная мораль запрещала.

В свое время В. Ф. Миллер во втором выпуске «Осетинских этюдов» отметил, что к новогоднему застолью пекли «большую лепешку, которую зовут “деда” и множество мелких “лæппутæ”, которые носят названия разных орудий: сохи, ярма, бороны и т. д. Последними угощаются те, которые в семье будут пахать. Приготавливаются также лепешки с сыром под названием “басилтæ” [7, с. 266]. Если обрядовые «лæппынтæ» или «мæггуылтæ» (у В. Ф. Миллера ошибочно «лæппутæ». — В. У.) предназначались для взрослых работников и были связаны с аграрным культом, то «басилтæ» изготавливались для детей, колядовавших в новогоднюю ночь. Основным подношением для ряженных (*цæсгомджынтæ*) и был фигурный «басил», о котором упоминается в величальной песне, исполняемой ряженными в посещаемых домах.

Выпеченные фигурки были антропоморфными (*дедатæ*) и зооморфными, которые носили названия изображенной живности. Чаще всего изображались хорошо известные детям барашки (*фыркъатæ*), козлята (*цæукъатæ*), туры (*дзæбекъуртæ*), птицы (*дзибытатæ*). Интересно подчеркнуть, что антропоморфные печения предназначались для девочек, зооморфные — для мальчиков. По разъяснениям информаторов, девочке в будущем было суждено стать матерью, а мальчику — кормильцем: хорошим земледельцем, скотоводом, охотником. «Дедатæ» воспроизводили образы горских красавиц, джигитов, старух и стариков. Зерна злаковых и бобовых культур, древесные угольки, надрезы ножом, а в новейшее время изюм — вот излюбленные способы оформления этих обрядовых хлебцев. Как и в тряпичных куклах, тонкий наблюдательный глаз горянки слегка подмечал характерные черты, которые никогда не детализировались. В результате в осетинских куклах органически сочетались условность и реальность.

Выпеченные игрушки не съедались сразу же, с ними еще играли определенное время вплоть до праздника «Доныскъæфæн», который отмечали на шестой день после Нового года. В этот праздник рано утром обрядовые фигурки посвящались ближайшему источнику воды, куда бросали их головы. Оставшиеся туловища и целые фигурки после этого поедались детьми.

В фондах Госмузея этнографии народов СССР³ хранятся муляжи и зарисовки А. А. Миллера, сделанные с обрядовых хлебцев тагаурских осетин в 1923 году. Среди них: «деда», «фыркъа», «фыр», «цæукъа», «тæрхъус», «къуту» и др. Зарисованы излюбленные формы некоторых фигурок. Например, «фыркъа» (баран) имел форму стилизованной бараньей головы с витыми рогами — мотив очень популярный в осетинском орнаменте. «Цæукъа» (козел) имел туловище без ног, а на голове прямые перекрещивающиеся рога. Любопытна форма самого «басила», один его вариант напоминает розетку, сделанную из трех соединенных продолговатых колец, другой — из трех, соединенных через посредство четвертого, центрального кольца (коллекция 4239/5-22).

Отмечу, что аналогичные фигурные печенья (*къаца басила*) на Новый год готовили горцы Грузии, в частности в Сванети, Раче и Мтиулету, непосредственно граничащих с Осетией. Антропоморфные фигурки из теста осетинки готовили также и к другому календарному празднику — «Хоры бон», символизирующему начало весны и весенних работ. Факт их изготовления бегло упомянул В. Ф. Миллер, а в советское время — З. Д. Гаглоева. На первую пахоту из теста выпекались фигурки быка, ярма, сохи и другого инвентаря, связанного с пахотой. После соответствующей молитвы о благополучии предпринимаемой пахоты и сева эти фигурки высевались с семенами.

Можно предполагать, что при помощи выпеченных обрядовых фигурок воспроизводилась мистерия сакральных процессов пахоты и боронования. Подобные магические действия устраивались сванами во время весеннего праздника «Лилашунэ», который по характеру и значимости в жизни земледельца очень близко примыкал к осетинскому празднику «Хоры бон» [8, с. 192–193, табл. XXV-6].

За неделю до праздника «Куадзæн» (Пасха) устраивался весенний праздник «Къутугæнаен», сохранивший явные черты аграрного культа. Не останавливаясь подробно на его описании, отмечу,

³ Ныне Российский этнографический музей в Санкт-Петербурге. (Прим. ред.)

что примечательной особенностью его было специальное изготовление конусообразных фигурок из теста. Они символизировали сапетки для хранения зерна и имели с ними одноименные названия (*кэуту*). В коллекции А. А. Миллера, собранной в Тагаурии в 1923 году, имеется муляж — «пирожок конусообразной формы, изображающий корзину высотой 8 см и диаметром 7 см» (коллекция 4239-15). Любопытно подчеркнуть, что от символического их названия происходит и наименование самого праздника (*Кэутугээнгэн* — досл. изготовление сапеток).

В этот день повсюду высказывались пожелания видеть сапетки, ломящимися от зерна. В этой связи хозяйки старались сделать свою булочку лучше и краше, ибо считалось, что в таких семьях осенью будет более обильный урожай.

Важная роль в празднике отводилась детям, которые по-своему готовились к празднику. В его преддверии они самостоятельно или с помощью взрослых изготавливали лук (*æрдын*) и стрелы (*фат*) и усиленно тренировались в меткости глаза и твердости руки. Лук бывал двух видов: обычный, который могли сделать и сами дети, и сложный, напоминающий по форме и конструкции арбалет. Обычно их делали для детей старшие, и естественно, что такой лук был более предпочтительный в смысле своей престижности. Для точности стрельбы большое внимание уделялось и стреле, которую готовили из сухих полых стволов высокого кустарника (*такъуындела*) и других легких, но плотных по фактуре растений. С этой же целью наконечник стрелы (*æрттигъон*) изготавливался из железа или твердых пород обожженного дерева и оформлялся двумя-тремя перьями, выполнявшими во время полета роль стабилизаторов.

В день праздника устраивали соревнования по стрельбе — кто быстрее и больше собьет выпеченных фигурок «кэуту». Победитель получал в качестве вознаграждения сбитые булочки своих товарищей и был героем дня. Считалось, что дети своей игрой могли предугадать благополучие нового урожая. Чем больше было сбито фигурных печений, тем больше будет осенью заполненных зерном сапеток.

Игры детей с выпеченными фигурками, кулинарные ухищрения женщин во время их изготовления и сам характер печенья, символизировавшего атрибуты земледельческого хозяйства, были направлены к одной цели — обеспечить богатый урожай. Важную роль в этом играла и стрельба из лука. Ритуальная стрельба из лука известна многим народам и основана на представлении о магической силе стрелы как острия, отгоняющего или

Куклы из фондов
Государственного
объединенного музея
Северной Осетии

уничтожающего злых духов. Острие как оберег хорошо известно и на Кавказе, причем к силе острия присоединяется магическая сила металла.

Любопытные свидетельства использования выпеченных кукол в весенней календарной обрядности зафиксированы в 1967 году в ауле Харбук Ф. А. Агаповым. Во время праздника весеннего равноденствия устраивался бег неженатых юношей. Для победителей определялся приз — испеченная из теста большая кукла в рост человека, которую готовили накануне праздника, а в день соревнования приносили на финиш. «Тот, кто пробегал расстояние первым, получал главный приз — голову куклы, тот, кто прибежал вторым, — правую руку куклы, третьим — левую и т. д.» [9, с. 73].

Изложенные факты убедительно демонстрируют нам, что народная кукла связана не только с детской игрой, но и с обрядово-культурной практикой взрослых. Без сомнения, все перечисленные обряды и обычаи, связанные с изготовлением и играми с обрядовым фигурным печеньем, есть реминисценция архаических культов плодородия и размножения, связанных с ними отголосками жертвенных подношений. Разнообразные выпеченные фигурки-куклы должны были способствовать благополучию домохозяев, хорошей пахоте, сохранению и увеличению урожая и домашнего скота. Тем самым человек пытался отмеченными магическими приемами воздействовать на природу, а их поедание детьми и взрослыми расценивалось как «акт приобщения себя и своего хозяйства к тем самым силам и потенциям, которые приписывались съедаемым блюдам и образам» [10, с. 30].

Итак, кукла в жизни взрослых играла особый, обрядово-магический смысл. Вплоть до XX века она сохранила как свои архаические формы, так и магическое назначение. Одна из первоначальных функций куклы сводилась к обеспечению не только богатого урожая и безбедного существования семьи, но и счастливого брака. Во время сговора о свадьбе семьи, решившие стать родственниками, обменивались подарками. Первыми посылала подарки (*цины тæбæгъ*) в дом невесты семья жениха, в момент ответных даров в дом жениха в номенклатуру традиционных подарков непременно входила и детская тряпичная кукла. В другом случае, во время привода в дом невесты, среди праздничных яств готовили из теста, наряду с другими выпеченными изделиями, фигурки домашних животных и женскую фигурку с ребенком на руках.

По всей вероятности, подобные фигурные печенья должны были способствовать скорейшему рождению наследника и наде-

лению его огромными стадами скота. Иными словами, невеста в доме мужа, куда до этого присылалась свадебная кукла, должна была родить богатого наследника. В. Н. Харузина также упоминает, что у кавказских народов куклу дарили как пожелание счастья и потомства.

В связи с этим обратимся к диалектной форме названия выпеченных фигурок — «бекъуртæ». Если сравнить данную дигорскую форму с иронскими номинациями этих фигурок, то обращает на себя внимание факт идентичности их фонетического оформления, например: «бе-къур-тæ», «дзæбе-къур-тæ», «цæу-къа-тæ», «фыр-къа-тæ» и т. д. Первая часть включает в себе основное значение слова, а вторая (*къур/къа*) подчеркивает его уменьшительный характер. Так, например, в Имеретии такие выпечные изделия именуются «бикикэби» (от «бик'ик'а» — козленок).

В таком случае возникает вопрос: что же может означать первая часть разбираемого слова, отсутствующая в литературном языке? Оказывается, диалектная форма «бе» широко распространена в югоосетинских говорах и обозначает совокупность свадебных подарков. Следовательно, в нашем распоряжении оказывается еще одно косвенное свидетельство о былом широком распространении куклы в свадебной обрядности осетин.

Таким образом, кукла должна была даровать женщине возможность деторождения, поэтому, даже выходя замуж, многие осетинки брали с собой любимых кукол и сохраняли их определенное время, уже будучи молодухами. Особая бережливость в обращении с куклами, заботливое их сохранение, стремление сберечь их вплоть до замужества и передать своим детям позволяет нам интерпретировать все это как отголоски былых культов почитания женского божества.

Это нашло отражение в самом виде куклы, которая обычно имела облик женщины и изготовлялась самими женщинами для магических обрядов. Несомненно, здесь проявляются древнейшие воззрения о том, что женское начало обладает способностью к магии. Напомним, что именно женщины устраивали обрядовые шествия, выпрашивая у святых дождь во времена засухи. В обрядах вызывания дождя, хорошо известных многим народам Кавказа, выделяются общие типологические черты, в частности использование огромной куклы (чучела). Осетинский этнографический материал сохранил различные способы вызывания дождя, но без использования «дождевой куклы». Исключение составляет краткое описание обрядового шествия женщин, приуроченного к молению о дожде. Процессия несл

с собой огромную куклу в женском одеянии. «Делалось это на основе деревянной лопаты, наподобие народных осетинских кукол. Кукла бывала хорошо и нарядно одета, а вместо лица имела белое полотно с вышитыми нитками бровями, глазами, губами и овалом лица. По окончании обхода селения куклу бросали в воду» [11, с. 75].

Автор не локализует место бытования и записи обряда, но, учитывая, что осетинское название дождевой куклы соответствует адыгейскому «Хъанцэгуашьэ» (каб. «лопата-госпожа»), следует признать его привнесенный характер и локализовать осетинскими селами, близлежащими к Кабарде. По сведениям лингвиста Х. А. Токазова, обрядовые тексты с упоминанием имени *Хандзæ Гуасæ* бытуют среди осетин-дигорцев Моздокского района СОАССР, население которого исторически и географически было тесно связано с кабардинцами.

О куклах в связи с магией плодородия и урожая полей есть другое упоминание: еще в первой половине XIX века осетины весной делали куклу и поливали ее водой, выпрашивая у святых хороший урожай.

В этнографии осетин отмечены факты замены «дождевой куклы» ее инвариантами. В частности, зафиксирован факт использования в описываемых обрядах вызывания дождя лягушкой (*хæфс*). «Ловили самую обыкновенную лягушку. Одевали ее в изящный маленький осетинский костюм с серебряными и золотыми вышивками. Лягушку пришивали к маленькой подушке и несли в таком виде с пением моления о солнце и дожде, а затем бросали ее в воду» [11, с. 75].

Аналогичные факты отмечены и в традиционном быту балкарцев. Во время моления о дожде (*Жауун тилек*) женщины несли желтую лягушку, выряженную в семь разноцветных платиц, и заклинали ее:

*Молнии, молнии, посылайте туманы,
Ожидаемые твоими лягушками.
Пусть озера наполнятся.
Пусть лягушки в них не переводятся.
Пусть дождевые куклы (досл. лопаты-девушки. — В. У.)
Свои волосы в твоих водах моют.
Пусть неверующие девушки с тобой
Под дождь попадут.
Пусть, кто не верит во все это, будет
Золой, политой дождем. Амин, амин.*

И хотя лягушка как символ воды и олицетворение дождя была хорошо известна многим народам мира, но у соседних кавказских народов она использовалась в дождевой магии совершенно иначе, чем было указано выше. Все это позволяет предположить еще одну малоизвестную прежде осетино-балкарскую этнографическую параллель.

В 1937 году Е. Е. Баракова в селении Цамад записала у 120-летнего Джеора Черчесты довольно любопытные сведения, имеющие отношение к нашей теме. Во время засухи женщины села шли к камню, пораженному ударом молнии (*æрвдзæф дур*), где они купались или обливались водой. «После купания самой высокой женщине связывали косынками руки, поднятые над головой. На них сверху надевался кусок белой или красной материи. Делали “Акыло” наподобие куклы, женщина в таком виде размахивала руками и смешила окружающих. “Акыло” возглавляла шествие женщин, которые веселились и танцевали под игру гармони. Участницы шествия распевали песни, посвященные громовержцу Елиа, а также свои женские песни. Все это заканчивалось общей трапезой, для которой каждая участница приносила ритуальные пироги и домашний квас» [12, л. 22].

В данном случае использована не кукла, а «Акыло» — ряженая женщина, имитирующая дождевую куклу, широко известную кавказским народам: абхазам под названием «Дзиуау», адыгам — «Хъанцэгуашъ», грузинам — «Лазарэ», «Гонджа», «Ламара», армянам — «Нури». Сведения М. Туганова и Е. Бараковой полностью соответствуют по своему характеру и направленности магическим способам вызывания дождя у соседних народов. Данный факт позволяет предположить, что «дождевая» кукла была известна и в Осетии.

Обращает на себя внимание факт использования белой и красной материи для оформления «Акыло». Красный цвет был характерен и для обрядовых кукол абхазов, армян и грузин. Добавим к этому, что в святилищах осетин матерчатые подношения в виде лоскутов и ленточек (*æрхъуын*) также бывали двух цветов — красного и белого. То есть цветов, символизирующих такие понятия, как солнце, жизнь, чистота, добро, благодать. Подобная символика цветов полностью соответствует характеру магических действий с использованием кукол.

Важная роль отводится куклам и в похоронно-поминальной обрядности осетин. Особый интерес при этом вызывает поминальный праздник «Мæрдты бадæн». В этнографической литературе он хорошо описан, что позволяет опустить детали. Отмечу

лишь, что, по поверьям осетин, усопший в эту ночь последний раз возвращается в родной дом проститься с близкими. Чтобы наглядно изобразить присутствие покойника в доме, родные готовили специальный комплект одежды, которая надевалась на деревянный крестообразный остов. Этот манекен, прислоненный к специальной скамье (*засхæссæн бандон*), выставлялся на самом видном и почетном месте в доме. Перед ним был накрыт изобильный стол. Гости и домочадцы бдят всю ночь до рассвета, вспоминая добрыми словами усопшего. «В незначительных перерывах во время оплакивания присутствующие едят и пьют со стола, накрытого перед чучелом покойника, полагая при этом, что и воображаемый ими покойник тоже ест и пьет вместе с ними» [13, с. 74].

Интересно отметить, что во время сбора полевого материала мне не удалось зафиксировать специальной номинации для описанной выше куклы-манекена. Ни один из информаторов не мог вспомнить такового, подчеркивая лишь, что она была «человекоподобной» (*адæймаджы хуызæн*). В этой связи возникает вопрос о возможной реальности такой номинации. Представляется, что ее могло и не быть, ведь каждая такая кукла-манекен изготавливалась для конкретного лица и была своего рода заместителем умершего, его знаковой моделью. Напомню, что в древности и средневековье имя считалось неразрывно связанным с сущностью человека или вещи. «Имя объективирует то, что оно именуется. Оно призвано сделать неизвестное известным» [14, с. 12, 18]. Учитывая этот факт, почерпнутый из мировоззрения древних, можно считать, что в каждом конкретном случае имя усопшего переносилось на его ипостась в виде куклы. Все это и способствовало тому, что информаторы не могли вспомнить интересующей меня номинации.

Обычай изготовления таких заместителей умершего, по сведениям информаторов, в своем первоначальном виде сохранился вплоть до 20–30-х годов XX века. В настоящее время поминальных кукол-манекенов не делают, хотя обряд сохранился. Вещи усопшего аккуратно раскладывают на кровати, рядом ставят стол и стул с поминальной пищей и питьем. На спинку стула накидывают пиджак или другую верхнюю одежду покойника, создавая условную видимость былого манекена.

Обычай изготавливать куклу-манекен широко известен многим народам Средней Азии, Алтая, Сибири. Как и другой важный обряд в похоронно-поминальной обрядности осетин — скачки (*дугъ*), занесенный на Кавказ из Средней Азии аланами, обычай

изготовления временного вместилища души покойника представляет еще одну выявленную нами прямую осетинско-среднеазиатскую этнокультурную параллель. В этой связи, как мне кажется, проясняется и сванский, и абхазский обычай сооружать к поминальному столу куклу-манекен (*нахаз, аншан*). Лишним свидетельством тому могут служить древние культурные сношения абхазов и сванов с аланами.

Инвариантом отмеченной осетино-среднеазиатской этнографической параллели является другой обычай похоронно-поминальной обрядности осетин. Имеется в виду традиция устанавливать куклы на могиле несовершеннолетних детей и незамужних девушек. В частности, отмечу, что в 30-е годы XX века в селении Камунта могила безвременно скончавшегося мальчика Цопанова Пантела была декорирована тряпичными куклами, установленными на надмогильном памятнике (*цырт*). В этой связи подчеркну, сославшись на материалы, выявленные А. Л. Троицкой, что на Памире, в частности в Машрукате, существовал обычай помещать на длинном шесте над могилой куклу в виде мужчины или женщины. Такие куклы ставили матери или сестры на могилы детей, юношей, девушек и молодых нерожавших женщин. Часто куклу сажали на деревянную лошадь, в руке у такой куклы была нагайка, лицо ее было обращено на дорогу. Платье шилось из рубахи покойного или покойной, волосы для куклы на женскую могилу делались из волос покойной.

К сказанному добавлю, что в фондах Госмузея этнографии народов СССР хранится тряпичная кукла с могилы мальчика, которую А. А. Миллер нашел на кладбище в с. Дзинага. Кукла высотой 27 см представляет собой всадника на коне. Всадник одет в желтую рубаху и серые штаны с белыми кантами и подпоясан красным ремешком, на ногах черные чуваки. Лошадь изготовлена из выцветшей малиновой материи, грива и хвост сделаны из конского волоса, седло — из серого бархата. На спине лошади вышиты инициалы «Р. О.» (коллекция 4239-63). Учитывая тот факт, что данная кукла-всадник была установлена на могиле мальчика, можно с уверенностью интерпретировать приведенные свидетельства как устойчивые генетические параллели к материалам, впервые выявленным у памирцев Верхнего Зеравшана.

Отмеченные моменты использования кукол-манекенов и кукол на детских могилах показывают, к каким представлениям и обычаям предков осетин они восходят. Древние предполагали, что воплощенный в куклу покойник может оказывать живым всяческую помощь и содействие. Кукла, по словам В. Я. Проппа,

представляет собой умершего, ее нужно кормить, и тогда умерший, инкарнированный в этой кукле, будет оказывать помощь.

Куклы выполняли в жизни взрослых не только обрядово-магические функции. Важное место отводилось им как художественно-эстетическим и развлекательным атрибутам, причем кукла как развлечение применялась больше в кругу женского досуга.

В дореволюционной Осетии одной из форм проведения свободного времени женщин были посиделки. Известно несколько видов посиделок, в которых участвовали исключительно девушки, возглавляемые замужними женщинами (*чызджыты ба-дæнтæ*). Одни из них назывались «таггæнæнтæ», проводились они осенью, в сентябре — октябре. По словам очевидцев, девушки собираются в какой-нибудь дом и там проводят ночи, причем все время веселятся, поют песни, занимаются рукоделием, рассказывают разные сказания и сказки. Обряд этот получил свое название от прядения конопляной пряжи, которым главным образом и занимались во время этих посиделок.

Одной из своеобразных игр на подобных посиделках была девичья игра «къæхты чындз» (ножная кукла). Кто-нибудь из присутствующих девушек ложился на спину и перпендикулярно полу поднимал ноги. На них надевали женское платье, на ступнях ног сооружалась тряпичная голова, разукрашенная подручными красками. В итоге получалось подобие обычной народной куклы. К рукавам платья прикреплялись палочки, противоположные концы которых находились в руках у лежащей девушки. С их помощью она манипулировала руками изображаемой куклы. Присутствующие задавали «къæхты чындз» различные вопросы шуточного характера, а девушка-исполнительница отвечала на них, сопровождая ответ комичными движениями рук и ног, и тем самым смешила работающих подруг.

Таким образом, перед нами довольно интересный случай совмещения элементов шуточного ряжения и тростевой куклы. По мнению Е. Н. Студенецкой, впервые отметившей факт бытования этой куклы у осетин, «къæхты чындз» относится к категории ножного театра, который следует связать с ираноязычными народами: иранцами, курдами и осетинами, среди которых отчетливо прослеживаются следы его былого распространения [15, с. 95]. Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что тростевые куклы, по мнению специалистов, берут свое начало на Востоке.

Другой известной формой развлечения взрослого населения является использование кукол-дергунчиков. Своеобразный ку-

кольный театр связывают с именем известного сказителя Куырм Бибо (Б. А. Дзугутаты) из селения Батакоикау. Свои выступления перед народом он сопровождал представлением кукольного театра. В этой связи А. Б. Кубалов писал, что «на дне сита, обтянутого кожей, появлялись и танцевали мужчина и женщина. Тогда Бибо окружали одни женщины, и он отпускал такие непристойные остроты, что бабы закатывались со смеху».

Более подробные сведения на этот счет сообщает М. С. Туганов, который писал, что «черные шелковые нити шли от пальцев его левой руки ко дну опрокинутой чаши незаметно, откуда путем особого сцепления через отверстия проходили по палочкам нити, на которые были нанизаны куклы, и таким образом приводились в движение» [11, с. 61]. Такие музыканты-сказители, имевшие при себе движущиеся куклы, встречались в селах Осетии вплоть до начала XX столетия.

Аналогичные куклы (*дзидзи-кала*, *баитахъва*, *мошпардал*), приводимые в движение с помощью шнура, были хорошо известны во многих районах Грузии, даже возникало нечто вроде марионеточного театра. Движущиеся куклы на Северном Кавказе зафиксированы у карачаевцев и кабардинцев. Известный народный певец Карачая Аппа Джанибеков свои сатирические и шуточные произведения разыгрывал при помощи собственноручно сделанных войлочных кукол (*кииз гинджи*). В данном случае примечателен не только сам факт бытования у карачаевцев зачатков своеобразного кукольного театра, идентичного вышеописанным, но и само название карачаевских кукол. Эта номинация является тюркской лингвистической калькой осетинского «нымæтын чындз» (войлочная кукла) и является еще одним свидетельством глубоких историко-культурных связей двух народов.

Среди чеченцев и ингушей известны куклы (*тайник/теник*), которые вырезались из дерева в позе танцующих мужчин и женщин, при этом ноги и руки их прикреплялись к туловищу на проволочных шарнирах. Такую фигурку вешали на стенку и подергиванием нитки заставляли плясать. «Были такие куклы, — отмечал Ю. И. Алироев, — закрепленные на подставке, которую приводил в движение ногой гармонист или пандурист, заставляя плясать в такт музыки». Танцующие куклы были известны и народностям Памира (*бозингар/аргушчи*).

Таковы вкратце наши современные познания об использовании куклы в системе традиционно-бытовой культуры осетин. Изложенные материалы позволяют сделать предварительные выводы. Одной из функций куклы была развлекательная. Они способствовали

полезному и интересному проведению досуга с вытекающими отсюда воспитательными функциями. Общение с куклой способствовало активному воздействию на человека и коллектив в целом. В игре удовлетворялось стремление к общению и формировалась модель социального поведения. Отражая повседневные хозяйственные нужды, кукла и игры с ней явились важным элементом народной системы трудового воспитания, своеобразной формой подготовки молодежи к трудовой деятельности.

Помимо этого, кукла использовалась непосредственно в хозяйственной деятельности осетин. Данная функция народной куклы — охрана полей и огородов от птиц (*тæрсæн, быдыргъ*) — была известна и другим народам, в частности в Грузии (*бост'нис дæдоп'ала*).

Использование народных кукол в различных торжествах и приурочивание их к конкретным празднествам календарного и семейного циклов предполагает тесную взаимосвязь куклы с культовой и обрядовой практикой осетин. Эта взаимосвязь определяет еще одну функцию, возможно самую древнюю, исходную функцию кукол в системе традиционной культуры.

Значение данной функции в рамках одной и той же этнической культуры неодинаково в различные периоды исторического развития общества. Не стоит сомневаться в том, что еще в позднем средневековье различие между трудом и досугом не было так четко выражено, как, например, в наше время. Все это создает хронологические различия в восприятии куклы. В настоящий момент, в связи с изменением социально-экономических условий, обрядовая функция куклы практически вытеснена из повседневной жизни народа. Но взамен появились другие функции. Она стала очень популярным сувениром. Гигантский рост «индустрии туризма» во всем мире активно способствует укреплению этой новой функции народной куклы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бакушинский А. В. Исследования и статьи. М.: Советский художник, 1981.
2. Бартрам Н. Д. Избранные статьи. М.: Советский художник, 1979.
3. Раабе Дж. Игры и их влияние // Курьер ЮНЕСКО. 1980. № 2.
4. Дайн Г. «Дочки-матери» // Декоративное искусство СССР. 1978. № 2.
5. Пещерова Е. М. Игрушки и детские игры у таджиков. Сборник МАЭ, XVII. М.; Л.: АН СССР, 1957.

6. *Лотман Ю. М.* Куклы в системе культуры // Декоративное искусство СССР. 1978. № 2.
7. *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Т. II. М., 1882.
8. *Бардавелидзе В. В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси: АН ГССР, 1957.
9. *Агапов Ф. А.* Физическая культура и спорт у народов Северного Кавказа. Махачкала: Дагучпедиздат, 1971.
10. *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. Л.: ЛГУ, 1963.
11. *Туганов М. С.* Литературное наследие. Орджоникидзе: Ир, 1977.
12. *Баракова Е. Е.* Этнографические записи в Уладжироне. ОРФ СОНИИ. История. Ф 4. Д. 64 (на осет. яз.).
13. *Каргинов С. Г.* «Ночь мертвых» в Осетии. Известия КОИРГО. XXIII. № 1. Тифлис, 1915.
14. Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.
15. *Студенецкая Е. Н.* Маски народов Северного Кавказа // Народный театр. Л., 1974.

«ТВОИ УСТА В ПЛЕНУ У НОВОЙ ФРАЗЫ»

ИЗ НЕМЕЦКОЙ И АВСТРИЙСКОЙ ПОЭЗИИ
ПЕРЕВОД А. ЗОЛОЕВА

В оформлении использована картина Э. Фукса

Георг ГЕРВЕГ

ГОРЯЩИЕ СВЕЧИ

Горящие свечи
Мерцают в ночи.
Товарищ, за плечи
Меня обними.

На знамени жизни
Я вновь начертал,
Что полным отныне
Мой будет бокал!

В тиши разливают
Виолы печаль.
Часы уплывают, —
Но мне их не жаль!

Заждались бокалы, —
Скорей приходи!
Забвень хоралы
Споет нам свои.

И страсти, и нежность —
Удел серых дней.
Так выпьем за верность
И дружбу скорей!

Напиться? Негоже
Мне пить одному!
Храни нас, о Боже,
И здесь, и в аду!

Клеменс БРЕНТАНО

* * *

О чем-то шептала
Мне смутная даль,
И снова вползала
Мне в сердце печаль.

Огнисто пылали
Созвездья в ночи,
И взор мне ласкало
Сиянье свечи.

И песни звенели
Мерцающих сфер,
А тучи чернели,
Как крылья химер.

И пенье пронзало
Туманную мглу,
Форель уплывала,
Светясь, в темноту.

О чем-то шептала
Мне смутная даль,
И снова терзала
Мне сердце печаль...

Вильгельм МЮЛЛЕР

ДОРОГИ

Желанье Мюллера и страсть —
Его дороги!
Была бы жизнь ему не всласть,
Когда б не эта вот напасть —
Его дороги!

Его взрастила Рейн-река,
Его река!

Забыв про сон и про привал,
Река несет за валом вал, —
Несет река!

Теперь взгляни на колесо,
На колесо!
Ему противны тишь да гладь,
В тепле конюшенном лежать,
Для колеса!

Речные камни тяжелы,
Ох, тяжелы!
Но камни водят хоровод
В потоках бурных вешних вод,
Да, хоровод!

Моя любовь, желанье, страсть —
Моя дорога!
Она — мой Бог и господин,
По ней опять уйду один —
Своей дорогой!

Эдвард МЁРИКЕ

ВОПРОС И ОТВЕТ

Откуда вдруг любовь нагрянет, —
Нежданно, как цветные сны?
И почему так больно ранят
Ее колючки и шипы?

Откуда прилетает ветер
И пригоняет стаи туч?
Где бродит ранним утром вечер?
О чем поет, рождаясь, ключ?

Ладонью ветра дуновенье
Поймаешь ты, о человек?
Заворожишь хоть на мгновенье
Ручей, чтоб он замедлил бег?

Райнер Мария РИЛЬКЕ

* * *

Живу как в огромном волшебном кругу:
Над миром и над суетой, —
Земные дела я закончить смогу.
И вновь одержимый мечтой,

Взмываю над башней, лечу над дворцом,
Над морем бездонным паря, —
Я — Сокол, запущенный в небо Творцом,
Я — Песня ветров января!

Фридрих ШИЛЛЕР

БОРЬБА

Добро, устал я! Больше не могу
Солдатом быть в извечной битве чести,
Но пламени в душе не затушу
Перед опасностями мира — всеми вместе!

Добро, я лгал: сейчас мой дух растерян, —
Горит костер страстей в моей груди!
Вот твой венец, — он для меня потерян, —
Возьми его, а мне дозволь уйти!

Всегда с тобой другой, достойный, свяжет,
Заслужит твой сверкающий венец.
В конце пути блаженно в землю ляжет:
Не так как я — предатель, трус и лжец!

Цветы на древе юности терзает
Мохнатый червь, — и прочь бежит весна.
Пусть мой отказ тебя не удивляет,
Но ты печально смотришь на меня.

Не верь минутной слабости, душа!
Меня ты вновь к борьбе вооружила:

Ведь выше и достойнее добра
Награды ты бы вряд ли заслужила!

Куда б я делся? Как бы я посмел
Бежать, о снисхождения не ведающий рок!
Ах, как бы я в конце пути хотел,
Чтоб я венец добра примерить смог!

Ингеборг БАХМАН

СКАЖИ, ЛЮБОВЬ...

Причудливая шляпа чуть заметно
Твоя взлетает, ласково кивая.
Мне кажется, вот-вот заденет тучи, —
Но ты не здесь, ты сердцем далеко.
Уходят травы в рост у переправы,
Твои уста в плену у новой фразы,
На солнце астры проклиная лето,
А ты глаза, слепые от снежинок,
Приподнимаешь, то смеясь, то плача, —
Вот-вот погибнешь...
Что еще случится,
Любовь, скажи?

Напыщенно павлин встречает паву,
Голубка к солнцу страстно тянет горло,
Наполненное томным воркованьем.
И селезень кричит, и диким медом
Пропахли рощи — даже строгий парк
Дорожки золотом всюду посыпает...

Смущенно рыбка стайку обгоняет,
Спеша к кораллами украшенному ложу.
Под звон песков танцуют скорпионы,
Узнал подружку жук издалека.
Ах, если бы я чувствовала то же —
Такое же желание, о Боже,
Летя под сень заветного куста.

Скажи, любовь,
Что шепчут морю реки?
И волны, вдаль несясь, рука в руке?
Зачем свой дом оставила улитка?
Задобрить камень могут только камни,
И тянется скала к другой скале...

Я не могу понять,
Зачем я в наше время
Живу и мыслю о позорном бегстве,
Любви не зная, только лишь мечтая
О ней в чистейших снах?

Ты говоришь: «У них другие души».
Любовь, мне непонятно это. Лучше
Скорей взгляни на саламандру,
Которая без страха и сомненья
Опять спешит в огонь!

ДАРЬЯЛ

✦
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОВКА
1'2026

Александр ИСАЕВ

Трудно представить себе горца, который не имел бы при себе ножа — острого, легкого и опасного. Но холодное оружие, особенно на Кавказе и в странах Востока, часто служило и показателем статуса и достатка его владельца. Оно могло занимать почетное место в доме, при этом никогда не использоваться по своему прямому назначению — для защиты, охоты. Ножны для таких орудий

изготавливали из дорогих металлов, они были богато украшены резьбой, штихельными узорами или даже инкрустированы драгоценными камнями.

Свои первые ножи Александр Исаев стал делать в северной традиции — финские, эвенкийские. Для северных народов наличие ножа являлось едва ли не главным условием выживания. Ножу надлежало быть острым, сбалансированным и удобным в носке, рукоять изготавливалась обязательно из теплого натурального материала, чтобы на морозе не холодила руку.

Условия выживания в горах диктуют похожие условия. Потому логичным продолжением для Александра было обращение к аланским клинкам. К сожалению, сохранилось мало информации о традиционных аланских ножах, не парадном оружии, а именно тех помощниках, которые сопровождали горцев от рождения до смерти.

В эпоху поточного производства и искусственного интеллекта, когда нож можно даже отпечатать на 3D-принтере, люди постепенно возвращаются к осознанию ценности ручного труда. Фрезерный станок может напечатать

ФОТО ЕЛЕНЫ ХОДОРОВОЙ
РЕТУШЬ СНИМКОВ ЕКАТЕРИНЫ КАЛИНИНОЙ

множество копий идеального качества, но творчества там не будет. Ручное производство исключает создание двух абсолютно идентичных копий чего-либо. В этом и заключается философия «ваби-саби», которая проходит красной нитью через все творчество мастера Александра Исаева. Его ножи не только функциональны, но и несут в себе эстетику японского мировоззрения. «Ваби» — простота и скромность, «саби» — старение, патина времени и подлинность. Изготовленные преимущественно из натуральных материалов, они красиво старятся, а несовершенства, продиктованные природной фактурой, не являются изъяном, а, наоборот, отражают характер и индивидуальность. Все этнические ножи — якутские, финские, аланские бычаки — имеют свои «каноны», но даже прибегая к повтору этих канонов в процессековки, ни один нож не бывает похож на своего предшественника.

Да и сам мастер меняется и совершенствуется с каждым новым своим творением. Он копит опыт, растет духовно и в рамках этой восточной философии ставит перед собой, казалось бы, простую, но в перспективе великую цель — чтобы каждое его изделие было хотя бы немного совершеннее, чем предыдущее. Каждый нож мастер выковывает вручную, как и сотни лет назад. Ножны изготавливает из дерева и кожи. В зависимости от традиции рукояти делает из разных пород древесины, капа, рога, кости. И, несмотря на то что эти ножи не относятся к категории парадных, каждый из них выглядит как произведение искусства. Северные ножи украшены резьбой по кости, изображениями животных, руническими символами в скандинавской традиции. Помимо изучения технологийковки и работы с металлами, Александр глубоко погружается в изучение традиций тех народов, чьи ножи он воспроизводит, потому что в них заключена часть культурного кода этноса. Поэтому его изделия так высоко ценятся коллекционерами по всему миру — от Аляски до Амазонки. Его ножи находятся в частных коллекциях России, Швеции, Канады, США, Австралии и других стран.

Сам процесс создания ножа, его «рождение», для Александра своего рода медитация. Во время работы он избегает посторонних мыслей, стремится к духовно-муравновесию, сосредоточенности и самообладанию. Стихии огня, воздуха, воды объединяются, чтобы найти воплощение в материи — металле. И, естественно, эта магия невозможна без пятого элемента — человека, мастера, творца, который управляет стихиями.

Вещи, созданные в традиции ваби-саби, несут в себе смыслы и должны вызывать чувства, соответствовать основным ценностям владельца. Эти ценности передаются из поколения в поколение и со временем приобретают еще большую актуальность. Это все переключается с традициями и мировоззрением осетин. Как и японцы, осетины умеют ценить старые вещи, видеть в них красоту и величие в памяти, а не в блеске золота. Александр бережно, по крупицам возрождает традицию изготовления аланских клинков, стремясь дополнить и восстановить недостающие фрагменты в истории аланского народа. При этом в его работах органично соединяются Восток и Запад, функциональность и эстетика, скромность и роскошь, но не кричащая, а сдержанная и благородная, как и полагается на Кавказе. Тем более что обладание предметом ручного труда в наше время уже само по себе считается роскошью.

Елена ХОДОРОВА

ЖИВОПИСЬ
1'2026

Алимбек ТАРЧОКОВ

I

***В** возрасте 25 лет я продолжаю свой путь художника, пытаюсь не только создавать, но и постигать суть искусства в современном мире. В творчестве стремлюсь отразить все, что меня окружает и вдохновляет. Мои картины — не просто изображения, это объекты глубокого внутреннего исследования. Я пытаюсь запечатлеть на холсте не только внешнюю красоту, но и те эмоции, которые возникают у меня, когда я наблюдаю за окружающим миром. Каждый штрих — это попытка понять, кто я есть и как я вижу свою реальность.*

Мои работы охватывают широкий спектр тем: от живописных портретов моих близких и друзей до абстрактных интерпретаций

социальных проблем, с которыми мы сталкиваемся каждый день. Я черпаю вдохновение из общения с интересными людьми, изучая их истории и переживания, ведь каждый человек — это личность со своим внутренним миром, каждая ситуация — уникальное произведение. Я стремлюсь выявить невидимые связи между людьми и окружающей средой, между личными переживаниями и коллективным сознанием. Мои картины — это мосты, соединяющие эмоции и разум, прошлое и будущее, мечты и реальность.

Я верю, что искусство может стать катализатором перемен и включить нас в диалог о важных вещах, которые нас волнуют. Я продолжаю искать себя в искусстве, стремясь к самовыражению и самопознанию через каждую свою работу. Этот путь требует смелости и искренности, и я готов открыться миру с помощью своих картин. В них отражена не только моя работа, но и моя душа.

Алимбек ТАРЧОКОВ

Старик и горы

Без названия

Уэрэ сэрэ (Ты и я)

Сад полон яблок

Без названия

Портрет молодой девушки

Без названия

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Чидик ТИЧБОРН

ЭЛЕГИЯ, НАПИСАННАЯ В НОЧЬ ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Мою весну завьюжили тревоги,
И в кубок мне примешивают боль,
И плевелы — трудов моих итоги,
А грудь — надежд несбывшихся юдоль!

...уходит солнце в море спать на дно, —
Я жив еще, но мертв уже давно.

Ручей мой смолк в песках прибрежных дюн,
Заветный плод давно гниет в земле.
Уходит молодость, но я пока что юн, —
Я — дух невидимый родимой стороне.

...и нить времен связать не суждено
Тому, кто жив и мертв уже давно.

Искал я смерть, — нашел ее в груди.
Смотрел на жизнь — и видел только тень!
О мать земля, молю тебя, роди
Меня опять, но в новый, лучший день!

...расплавит кубок терпкое вино, —
Я жив еще, но мертв уже давно.

Перевод А. Золоева

Ада БОЛАТОВА

НОРВЕЖСКАЯ РЫБА

ПОВЕСТЬ

В оформлении использовано фото автора

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ**Брату***Письмо 1*

Как женщины моего народа дают имена долгожданным детям, так и я подбираю названия для повестей и недописанных книг. «Норвежская рыба» пришла ко мне во сне, как когда-то моей родственнице, ожидавшей первенца, явился наш почивший предок и обязал ее назвать мальчика Георгием. Я знаю десятки таких женщин — женщин-кормилиц и женщин-ясновидящих, которым умершие родственники диктовали по буквам имена их младенцев. И если мне все-таки дано иметь детей, это лишь вопрос времени, когда я пополнию их ряды. Сделаюсь ясновидящей, укреплюсь в приметах и суевериях.

Когда она пришла ко мне — красивая, с серебряными жабрами, — я умалила ее значение до случайного предка-мертвеца: по всей видимости, только за тем и явилась мне эта рыба, чтобы кое-как окрестить мои безымянные тексты, уподобить меня женщине-ясновидящей из моего дома, из моего прозорливого племени.

— Я жила в заточении почти две недели, — вспоминает свой карантинный отель французенка Матильда. — Нас плохо кормили, мне снились тревожные сны.

— Мне тоже, — признаюсь я.

— И мне. Я несколько ночей подряд плыл за рыбой с прозрачным хвостом и жабрами из серебра, — говорит уже другой француз и выжидающе смотрит на меня. — С тех пор она приходит ко мне снова и снова, и я понемногу приспосабливаюсь к ее неуловимому образу.

Француза зовут Фабио. Он разговорчив среди своих соплеменников, но если нам случается остаться в гостинной один на один, беседам со мной он предпочитает негромкую музыку и готовку у плиты.

— Что думаешь? К чему мне снится эта волшебная рыба?

— Не знаю. Не умею толковать сны.

Я приехала в Норвегию седьмого января. Помню, как звонила папе из стамбульского аэропорта и поздравляла с Рождеством. Вечером того же дня я была уже в Бергене. Они тут же поправляют меня: «Рождество в декабре, Ада, ты что-то путаешь». Лица у них красивые, выразительные, они поочередно тянутся к миске и достают из нее по грецкому ореху и миндалю. Кстати, на нашем этаже живут шесть французов. Все с кучерявыми волосами, можешь вообразить? Пятеро русые, и только одна девушка черноволоса. Матильда. Я подпишу на фотографии имена всех моих соседей, чтобы ты не запутался.

Далее последовал рассказ про восточную церковь. Я использовала слово «восточная», потому что английское «ортодоксальный» они могут истолковать неправильно и причислить нас к харедическим евреям.

— Юлианский календарь? — удивляется Фабио моему корявому объяснению. — Я и не знал об этом. Мне известно лишь то, что рыба из моих снов не символизирует ни моего предка, ни моего полузабытого крестного.

В завершение вечера моя подруга Изабель всучила мне в руки комплект постельного белья и отправила отсыпаться.

Что бы еще тебе рассказать, чем удивить тебя? Весь январь я читала «Братьев Карамазовых». Я могу долго писать о том, какие у меня сложные отношения с Ф. М., но это письмо не об этом. Бергенские улицы, черная церковь возле нашего общежития и лес, через который пролегает дорога к продуктовому магазину, странным образом перекликались с «Братьями». Сизый январь был к лицу мальчику в сутане. Он всем героям Ф. М. был бы к лицу.

А спустя пару месяцев я наткнулась на лекцию об Эдварде Мунке, которую опубликовал один из российских музеев. Норвежец с очками для чтения рассказывал о собрании работ под названием «Фриз жизни».

Оказалось, Мунк читал Достоевского. Оказалось, он горячо любил его творчество. Оказалось, мужчина на «Вечере на улице Карла Юхана» с цилиндром на голове — это Раскольников, идущий убивать старуху-процентщицу. Он развернется, он так и не дойдет до нее. Шапка привлекает слишком много внимания.

Я просто хочу, чтобы ты знал, что мне не почудилось это сходство. В январе здесь какая-то очень Достоевская тоска. Что в Бергене, что в Христиании.

Письмо 2

Помимо французов на моем этаже живет бразильянка с именем римского императора и американка Изабель, которая изучает современную англоязычную литературу и щедро снабжает меня книгами или присылает мне по почте эссе про женщин-писателей и байронических героев. Вечерами она обходит наши комнаты и спрашивает тихим голосом, не будем ли мы пить чай. И как будто оправдывается за свою привычку: «У меня бабушка ирландка, она меня так приучила».

А на прошлой неделе во время вводной лекции по норвежской культуре я познакомилась со студентом из России. Я все оттягивала, по разным причинам переносила встречу, но вчера мы наконец увиделись и до поздней ночи просидели у подножия черной церкви Фантофт. Я уже отправляла тебе фотографию этого оставленного паствой храма.

Разговор с Арсением у нас получился странный. В том же духе, что и волшебная рыба из наших с Фабио общих снов.

Началось все с того, что Сеня передразнивал ворон, кружащих над черной церковью.

— Ты знала, что у Одина в сагах было по два ворона — черный и белый? Они летали по миру и сообщали хозяину, что повидали, — говорил он поучительным тоном и внезапно сорвался на крик, подражая чернокрылым птицам. — Кар-кар. Кар-кар-кар.

— Я думаю, ты несправедлив к воронам. Я думаю, ты к ним крайне несправедлив. Ты не отдаешь им должного.

Он не вполне понимал, о чем шла речь.

— В каком смысле?

— Ты все придумал про них, все искажил в их звуках, переделал на свой славянский лад, чтобы легче было произносить тебе и твоим потомкам. А вороны говорят иначе, не славянскими звуками они обмениваются, какими-то другими. Ворон издает такой вот гортанный звук, — продолжала я и постаралась выдать тот самый вороний крик, повторить точь-в-точь за птицей. Приложила его холодную ладонь к горлу, чтобы он почувствовал, в каком месте рождается искомый звук. — Так вот, зря ты так про ворон. Они выдают в корне другой звук. Вы все перефразиро-

вать пытаетесь своим «кар-кар-кар», а где там это «кар»? Да и нет его!

Мы засмеялись, осознавая бессмысленность происходящего.

— Как ты им объяснила, откуда ты? — спросил Сеня.

— Никак. Мне кажется, они вообще не видят особой разницы.

Главное, что паспорт российский. Да и к тому же я почти полностью перешла на русский язык. Наверное, поэтому ощущаю остро всякий искаленный звук. Не хватает этой гортанности, которую вроде бы передали, а я вот не полностью унаследовала. Вороны обоганы в какой-то степени. Они кричат глубоким гортанным звуком, которого нет в русском языке, у них явный осетинский/грузинский/тюркский/арабский хъ, а вы не обращаете внимания. Вот такая странная штука. От такого звука может разорвать гортань, а вы передаете его простым к. Кар-кар-кар, — демонстрировала я, наворачивая круги перед растерянным Сеней.

Над черной церковью зажглись две лампы и на секунду ослепили нас обоих.

— Ты стыдишься этого?

— Чего?

— Что не в полной мере все унаследовала.

Я пожала плечами.

— Не понимаю до конца, мой ли это стыд или чувство, позаимствованное извне. Мне часто прилетало за это, от мужчин в особенности: вот он смотрит на меня сосредоточенно, взвешивает слова, спрашивает, почему я так плохо понимаю родную речь. Объясняю: росла в Грузии, родители сами с горем пополам изъясняются по-осетински. И тут же называю себя и «гамсичка», и «осхъ-опила», чтобы освободить его от обязанностей просвещенного крестного. Он думает, думает и говорит мне наконец, что ко мне ноль вопросов: «Не твоя вина, значит. Но вот с родителями твоими я бы, конечно, переговорил».

— Это тебе твой парень сказал?

Снова пожимаю плечами.

— В тот же вечер стих мне прислал: «Æз уарзтон сау цæстытæ, уарзтон...»¹, — произнесла я на осетинском языке и сразу перевела стихотворную строку для собеседника. — Я ему ответила, что у меня глаза зеленые, как и у моих родителей, и с тех пор мы с ним не общались.

¹ «Я любил черные глаза, любил...» (из стихотворения осетинского поэта Мухарбека Кочисова, в возрасте 23 лет погибшего на фронтах Великой Отечественной войны. Подстрочный перевод наш. — Ред.).

— Я уверен, ты лучше него заговоришь, если только захочешь...

— Даже если так, писать на осетинском не буду никогда. Он может стать новым языком для меня, но родным никогда не станет, а эта пограничная его роль мне не нужна. Мне хватает пограничных языков. Я однажды читала стихи на конкурсе, все хорошо прошло, хвалили много-много, говорили, что молодчинка, а потом вышла на сцену девушка с длинной русой косой в сизом платье с цветочным орнаментом и прочла что-то на славянском.

— На славянском?

— Да, именно что на славянском.

— И что? Ее хвалили больше, чем тебя?

— Нет, хвалили нас одинаково, — очень серьезно отвечала я. — Только была у нее строка в стихе, что-то про сирень и как она напоминает ей истому царевны Несмеяны. И меня так это изумило, как будто окатили ледяной водой. Какие странные слова, какие странные люди живут в ее голове. Я знакома с ними, но издалека, я к ним по имени-отчеству и всегда буду по имени-отчеству, а она по-приятельски: здравствуй, милая! Но ведь нет того несоответствия, того пробела, который есть у меня. Она пишет о своей царевне на языке, который ее царевна понимает. А мои герои, если б слушали, что я насочиняла, не поняли бы ни слова. И пусть хвалят, а все равно выходит, что дура. Без царевны в голове.

То, как я хочу назвать книгу, теперь известно не только тебе, но и Арсению. Ему название понравилось. Уже больше месяца от тебя ни слова. Ты как вообще? Жив ли?

Письмо 3

Знаешь, что я вспомнила, рассказывая им про Юлианский календарь? Смоковницу.

В начальной школе наша учительница по религиоведению как-то обмолвилась, что запретный плод из Ветхого Завета — это на самом деле не яблоко, а переспелый инжир, и мы, глупые, еще не ознакомившиеся с христианскими образами дети, охотно доверились ее толкованию. Что может быть легче этого? От инжира опухает язык и раздражаются уголки губ, инжир колюч и ядовит и наказывает обжор за несдержанность. И к тому же яблони росли прямо у нас под носом, наши сады тонули в их белом цветку. Ябло-

ни выращивал мой слепой дедушка, и мне не верилось, что он приумножал плод, связанный с грехопадением. Яблоко целомудреннее, его едят благородно. У меня ушли годы на то, чтобы принять укоренившийся в христианской культуре эпизод из райского сада, где нагая Ева протягивает яблоко нагому Адаму. Яблоко. Не инжир.

Много лет прошло с тех пор, и я больше не бунтую против стандартной версии Писания. Я вообще дух бунтарства утратила понемногу. Только вот в тот день, рассказывая про православную церковь, вспомнила нашу учительницу и ее вольные трактовки. А инжир, признаться, съела бы с большим удовольствием. Те самые плоды, от которых распухают губы; которые, если еще помнишь, пачкали лицо нашего слепого деда, потому что он вечно промахивался и подносил плод к подбородку, и мы в соответствии с нашими дежурствами помогали ему умываться.

Завтра Изабель собирается обойти книжные магазины и оставить в каждом по резюме, хотя норвежцы и предупредили нас, что с одним только английским далеко не уйдешь. Наши знания ограничены несколькими дежурными фразами: как зовут, откуда, в каком студенческом общежитии проживаешь? Скорее всего, пойду вместе с ней и заодно отправлю тебе пару писем. Я внушила себе, что ты прервешь молчание, как только получишь настоящее письмо вместо электронного. Что оно разговорит тебя и заставит вернуться. Напишу твой старый адрес — хозяйка женщина порядочная, и в случае, если ты не объявишься, чужих писем читать не станет.

Несколько раз в неделю мы ходим в Гамлехауген — это такой парк с широкими лужайками и заливом, там летом отдыхает норвежский король. Замок под реконструкцией, а залив все еще покрыт льдом, но нам достаточно и того, что мы бродим по округе и наблюдаем за детишками, играющими в хоккей на поверхности замерзшего фьорда.

Накануне, когда мы взвалили на себя мешки с едой и собирались уходить, мне показалось, что из глубины замерзшего фьорда исходит сияние. Что-то шевелилось под водой и разливалось вокруг себя мягкий серебряный свет. Я испуганно огляделась: все мои спутники были увлечены сборами и не замечали ни подводного света, ни моей тревоги. Только Фабио достал из мешка яблоко, разрезал его на две равные дольки и протянул одну мне.

— Почему ты не сказала про рыбу? — шепотом спросил он и прошел вперед, присоединившись к колонне из моих беззаботных, не видевших рыб соседей.

Фабио, очевидно, избегает меня. За прошедшую неделю мне так и не удалось остаться с ним наедине и расспросить про случившееся в Гамлехауген — он наказывает меня за молчание, за то, что я отказалась признавать сходство наших видений, когда мне были заданы прямые вопросы: «Видела ли ты волшебную рыбу? Говорила ли она с тобой во сне?» Лгунья! Только развела руками, присоединившись к общему недоумению и хохоту.

В прошлую субботу я испекла для ребят яблочный пирог, и один лишь Фабио из всей группы не притронулся к нему, а вскоре и вовсе вышел из-за стола, сославшись на головную боль. Но, стоя у двери, он подмигнул мне, и лицо его просияло от удовольствия. С тех пор он не появлялся на нашем этаже, а его друзья-французы растерянно пожимают плечами каждый раз, когда я называю его имя.

— Он много путешествует и иногда неделями живет один среди дикой природы, — объясняют они мне, перечисляя места, в которых успел заночевать Фабио. — Он одержим здоровым образом жизни: много спорта, полезной еды, ни одной вредной привычки. Не замечала? Он и пиво с нами никогда не пьет и в целом сдержан в еде и питье.

Я дожидаюсь его возвращения. Ночами призываю волшебную рыбу, чтобы она явилась мне еще раз и растолковала, почему под замерзшим фьордом только я и Фабио замечаем ее неземное мерцание. А по утрам осматриваю берега на случай, если рыба решит прийти ко мне наяву.

Помимо рыбы случилась со мной еще одна удивительная вещь. Изабель заболела после нашей прогулки у фьорда, и наутро я отправилась разыскивать почтовое отделение в одиночку. У черной церкви, где мы с Арсением обсуждали ворон и царевну Несмеяну, я выронила телефон в снег — выругалась, покричала, беспомощно развела руками. Как теперь найти путь до ближайшего отделения? Оставалось только развернуться и брести обратно в общежитие, но тут над заснеженными кронами тополей пронесся раскатистый женский голос: *hvem er du? hvem er du? hvem er du?* Птицы, перепугавшись, вырвались из ветвей и, спасаясь от грозной старушки, обрушили на землю комок снега.

Я объяснила ей на ломаном норвежском, что собираюсь на почту.

— Идем, — ответила она мне по-английски и поманила к себе. На вид ей было около восьмидесяти лет. Белоснежная коса ее раз-

вевалась из стороны в сторону, точно маятник в часах. — Кому отправляешь письма?

— Брату.

— А сама откуда?

— Из России.

— Откуда именно?

Я назвала республику и город. Она застыла на мгновение, повернулась ко мне и рассмотрела с головы до ног, не скрывая любопытства. Затем как ни в чем не бывало включила фонарь на телефоне и продолжила прокладывать путь через снега. Покорно следуя за старухой, я воображала себе, как она держит керосиновую лампу высоко над снегами, чтобы мы не затерялись впотьмах, и говорит:

— В наших краях женщины с сильными руками замещают Бога.

Говорит не по-английски, не по-норвежски, на каком-то ином языке, но ни одно слово в ее речи не ускользает от меня, ни один звук не теряется среди снегов.

Наши косые тени падали на тропу, я шла за старушкой и то и дело наступала ей на подол платья и думала: вот-вот она развернется и прогонит меня, пригрозит своей сильной, изрезанной морщинами рукой. Но она не оборачивалась, не сбавляла темп, и вскоре мы выбрались к шоссе, на противоположной стороне которого находилось почтовое отделение.

— Я жила в твоём городе ребенком, — сказала она мне наконец. — Мои предки много лет жили в твоём городе. А потом мы эмигрировали в Грецию.

— Вы гречанка?

Она кивнула.

— Приходи ко мне как-нибудь. Ты мне понравилась, я тебя со своими детьми познакомлю, — проговорила она на прощание и погасила лампу.

Мы обменялись номерами, и она ушла обратно в синеву леса, вольоча за собой платье с замаранным подолом.

Странно, конечно, но я сначала даже расстроилась из-за нашей встречи. Во всем, что происходит здесь, я ищу материал для письма, для становления «Норвежской рыбы». А в моих работах и без того много гречанок, много женщин с темными глазами, чьи предки строили белокаменные церкви и обрамляли их фруктовыми садами. В последней повести я сделала понтийскую гречанку родоначальницей семьи, которая находится в центре повествования. Обилие схожих мотивов расстраивает меня. Вот и теперь в моей встрече со старушкой, родившейся во Влади-

кавказе, не нашлось пространства для торжества — как одержимая, я думала только о том, что из одной работы в другую кочует один и тот же образ, одно и то же племя, и всякий раз это какая-нибудь мудрая женщина в годах, всякий раз это факелonosец и матриарх. В тот же вечер старушка позвонила мне и пригласила на ужин в воскресенье.

Письмо 5

Фабио объявился как раз в воскресенье. Когда я собиралась в гости к пожилой гречанке и ее детям, в дверь тихо постучали. Вид у Фабио стал болезненным, на обветренном лице появилась щетина, а русые волосы были взлохмачены, словно он хватался за голову в порыве безумия и ключьями вырывал пряди.

— Можно?

Я открыла дверь пошире. Он прошел и, не спрашивая разрешения, уселся на кровать.

— Это тебе, — Фабио достал из кармана ракушку лилового цвета, по форме напоминавшую туловище кита. Кое-где на гладкой поверхности золотом переливались тонкие полосы и пятна.

— Почему ты не призналась сразу, что тоже видела рыбу? — спросил он, когда я принимала подарок из его рук. — Зачем ты солгала?

— Она снилась мне только один раз. Это могло быть случайностью.

— Неправда. Ты знала, что это не просто совпадение. Ты соврала, потому что никак не хочешь быть связанной со мной.

— Бред.

— Потому что тебе неприятна сама мысль, что что-то значимое приключается с кем-то помимо тебя, — настаивал на своем Фабио.

— Мне нужно было при галдящей толпе сознаться, что нам приснился один и тот же сон?

— Ты могла подойти позже и рассказать мне.

— Мы с тобой и теперь едва разговариваем. С чего мне сознаться тебе в чем угодно?

— Это гордыня, — будто не слыша моих оправданий, продолжал он. — Когда ты встретишься с рыбой лично, тебе придется во многом признаться ей.

— Я не понимаю.

— Когда лед растает, в какой-нибудь из дней она снова проплывет в том же месте и заговорит с тобой.

Мне стало смешно.

— А ты с ней уже говорил?

— Да.

— И когда же? Во время твоих скитаний?

— Нет, она приходила ко мне гораздо раньше. Во время поездки я только обдумывал, что сказать ей, когда она снова явится.

Фабио провел рукой по заросшему подбородку. В глазах его было столько печали, что мне вдруг стало жаль его. Мысли метались по комнате в попытках отыскать слово или предмет, способные его утешить.

— И как?

Фабио встал, обнял меня.

— Я не знаю, почему она является именно нам. Но тебе надо будет много о чем подумать, прежде чем она тебя отпустит.

— И ты решил, что скажешь ей?

Он кивнул.

— Мне жаль, — вырвалось у меня, — что она выбрала тебя.

— Наверное, было бы символично привезти ракушку в виде рыбки, но я ничего подобного не нашел. Подумал: хоть кита переедем, хоть какая-то связь между ними.

— А эта рыба... — спросила я напоследок. — Что она сказала тебе при первой встрече?

— Вполне себе типичная рыба из сказок. Три желания, все в таком духе.

— И ты раздумывал над тремя желаниями?

— Почти. Мне нельзя тебе все рассказывать. Но примерно так.

— Фабио, — он стоял на пороге, когда я его окликнула. — А ты религиозен?

— Нет. Родители католики, но сам я в церковь не хожу. А что?

— Ничего. Я только хотела проверить, не связано ли это с чем-то таким, — я указала головой на потолок. — Спасибо за кита.

Он выдавил из себя слабую улыбку и вышел из комнаты. Мне снова вспомнилась моя учительница по религиоведению, вспомнились фиговые деревья и апостолы, молящиеся под ними, вспомнился мой слепой дед и его погибшие яблоневые сады. Фабио не дал мне ничего — я не узнала, ни как выглядит эта рыба, ни на каком языке она связывается со своими избранниками, ни того, с какими словами она обращается к ним. Печаль француза перекинулась на меня. Я позвонила маме, чтобы узнать, нет ли от тебя вестей. Я сбежала вниз по лестнице, чтобы проверить, не приходило ли от тебя писем. Ты оставил меня наедине с моим слепым предком, с моими стареющими родителями и с рыбой из се-

ребра, которая преследует и сулит испытания, стоит только сойти льдам с поверхности синеглазого фьорда.

Письмо б

Когда седовласая гречанка подняла в воздух наполненный до краев бокал и вино лиловой лужицей растеклось по рукавам ее кардинальской туники, она только расхохоталась и повыше подняла руки — полюбуйте на ее испорченную одежду и веселитесь вместе с нею. Отхлебнув немного, продолжила произносить тост на греческом. Сидевшая слева от меня Изабель слушала матриарха семьи с таким благоговением, будто понимала каждое ее слово. Моя соседка хвалила еду и внутреннее убранство и рассказывала, как однажды ее пригласили в гости праздновать день рождения девочки шести лет, и та проплакала весь вечер, узнав, что для праздничного ужина отец обезглавил курицу. Иззи пыталась утешить именинницу, но мать запретила любые ободрительные речи: привыкнет, потом будет требовать, чтобы мы к птицам не прикасались — нет, пусть лучше запоминает с малолетства, зачем заводят птицу и откармливают лучшими зернами.

— Вы простите меня... Наверное, некрасиво обсуждать так чужую семью, — она дотронулась тыльной стороной ладони до пылящих щек. — Да, в самом деле, я уже опьянела.

Ты позвонил мне как раз в ту секунду, когда гречанка убеждала Изабель, что в ее рассказе не было чрезмерности — на ее старческий слух история прелестная. Но, подобно родителям девочки, не сожалеет об убитой птице, хоть и не стала бы отрубать ей голову при гостях.

Я вышла на кухню. В полутьме сидел старший внук гречанки и сосредоточенно набирал текст в телефоне. Всеобщее веселье тяготило его, он морщился всякий раз, когда в соседней комнате раздавались раскаты смеха.

— Не помешаю? Мне нужно поговорить, а в гостиной очень шумно.

Он пожал плечами. Безразличный к моему появлению и к вялым выражениям надвигающейся скорби.

В тот вечер ты показал мне свою возлюбленную. Я теперь уже и не вспомню, как она выглядела, ничего не осталось в памяти, помимо ее черных, как воронье крыло, бровей и того, как она все время приподнимала их во время беседы, как бы удивляясь собственной способности складывать слова в предложения. Вы просили денег

на фрукты. Еле-эле, спотыкаясь и жмуря глаза, словно причиной медлительности являлось замутненное зрение. Ты говорил со мной так, будто пробирался к тропе через заросшие дикими травами поля, спотыкался о стебли, как о веревки, ронял слова и останавливался, чтобы подобрать их обратно. Челюсть свело в правую сторону, и каждое новое слово тебе давалось с трудом.

— Честно, нам бы только фрукты. Жевать не получится особо.

— Да, да. Пару виноградин, — подтвердила твоя черноокая подруга.

Гречанка вбежала на кухню, учуяв соленый запах моих слез.

— Ох, милая. Иззи говорила, что вы не можете найти работу в книжном. Не переживай так, насчет книжного магазина не знаю, но моя подруга — менеджер в сети ресторанов. Может, устроит вас куда-нибудь. Что скажешь? Не зазорно идти официанткой?

За столом обсуждали женщин и то, как устроен современный институт брака. Молодая гречанка демонстрировала сидевшим правую руку и кричала, что никогда не наденет обручальное кольцо, даже если и решится выйти замуж.

— Я не рабыня. Я не рабыня, а они лезут ко мне со своей рабской символикой.

— Хочешь сказать, что я рабыня? — спрашивала ее бабушка, сотрясая ладонью.

— Не начинай, пожалуйста. Ты не поймешь, что я имею в виду.

— Не знаю насчет кольца, — вмешалась Изабель, — но я бы не стала менять фамилию. В этом я вижу большое неуважение к женщине, словно ты переходишь от одного хозяина к другому. Отвратительно.

— А что ты скажешь? — молодая гречанка впиалась в меня глазами.

— У моего народа не принято брать фамилию мужа.

— Русские женщины не меняют фамилии при замужестве?

— Я не о русских женщинах. Я про свое племя.

Они выказали восхищение нашими порядками и слушали затаив дыхание, когда я перечисляла фамилии прапращуров вплоть до восьмого колена, как будто через меня и моих прабабушек они приобщались к какой-то великой тайне, становились соучастниками той древней традиции, которая запрещала навязывать женщине фамилию супруга.

Это, конечно, лишь часть правды. Каждая из моих прабабок осталась при своей фамилии, но при этом ни одна из них не сумела сохранить имя собственное. Как звали мою прапрабабушку?

Розой ли? Или она носила исковерканный вариант какого-нибудь русского имени — вроде Пело или Гано? Я не знаю. Но как после подобного триумфа поведать грекам, что за великодушием моих предков стоит не признание автономности женщины, а желание иметь здоровое потомство. Мои суровые прародители, закаленные горным воздухом, больше всего боялись кровосмешения и бежали от него, как от чумы. Потому они знали наизусть фамилии всех прапраматерей и всеми силами противостояли их утрате. Роза, Пелагея или Галина? Какая, в сущности, разница?

Впрочем, иностранцам знать об этом необязательно. Суровых мужчин, живших до меня, мне хочется защитить от осуждения, тем более иноземного, в той же степени, как и женщин, которым позволили-таки сохранить отцовские фамилии.

Вечер оказался таким насыщенным на события, что я и думать забыла про волшебную рыбу, ожидающую меня по весне в Гамлехауген. Мы шли пешком через центральную площадь, внук гречанки безмолвно сопровождал нас и хмурился, если мы задавали вопросы о зданиях, попадающихся на пути.

— А вот это что за женщина с рыбой? — спросила Изабель.

Я тут же подняла глаза. На фасаде была изображена женщина средних лет, которая удерживала рыбу у груди, словно младенца.

— Откуда мне знать. Тут неподалеку рыбный рынок. Может, потому и нарисовали.

Было в том изображении нечто страшное — не рыбе надлежало находиться в ее объятиях, а ребенку. Но вместо этого она прижимала к туловищу создание, превосходящее ее по размерам, пеленала и баюкала его в надежде, что однажды ее освободят от этого несурового, скользкого бремени, имя которому — норвежская рыба.

Письмо 7

Возвращаясь к женскому вопросу... Помнишь ли, как-то раз на семейном мероприятии бабушка благословила тебя со словами: «Береги себя, мой мальчик, ты единственный ребенок у своих родителей». Никто и бровью не повел. Да и я на нее не обозлилась. В конце-то концов, почившие предки являются во снах только женщинам, ожидающим рождения сыновей. Девочек мы нарекаем сами, без потусторонней помощи.

Примерно в той же парадигме воспитывали и всех остальных женщин в нашем окружении. Как же так вышло, что наша мать,

будучи дочерью зажиточных крестьян, ни разу не видела моря, в то время как ее братья каждое лето отправляли ей открытки, купленные в Батуми или Кобулету? Она и теперь с девичьей кротостью отвечает мне, что кроме нее некому было ухаживать за лежащей бабкой. Купать ее, расчесывать ей волосы, кормить яблочным пюре и овсяной кашей.

Мне теперь даже совестно, что в гостиную у гречанки я восхваляла наше племя за бережное отношение к женщине и умолчала о том многом, что нас уменьшает и обесценивает.

Что можно противопоставить целому племени, если оно отказывает тебе в полноте благословения только потому, что ты женщина? Что можно противопоставить моей бабушке и слепому деду-великану, который последовательно прививал дочери чувство вины, чтобы сделать из нее безропотную сиделку? Слова. У меня есть лишь нагромождения слов — про рыб, про яблони, про слепоту моего предка, про побелевшую копну волос, которую денно и ночью распутывала моя кроткая, безропотная мать.

*После тебя будет яблоня,
Ею меня изведешь.
Садовником необласканным
У яблони проживешь.*

*Запишешь ее на первенца,
Ствол обратишь в алтарь.
Яблони не шевелятся —
Их погибает царь.*

*Я у тебя ни дерева, ни имени
Не возьму.
Увидишь глазами синими
Вино и полынь-траву.*

*Чернокрылая дочь-наследница,
Что мне крона и что алтарь?
Если память твоя поместится
Только в мою гортань.*

Тебе я тоже написала стихотворение. Пока Изабель раздавала работникам магазина резюме, я спустилась на цокольный этаж, где представлена англоязычная литература, и будто по запаху, как охотничья собака, нашла «Листья травы» Уитмена. Теперь в трамвае вместо того, чтобы перечитывать параграфы об отличиях ан-

глийской и шотландской правовых культур, я маленькой девочкой бегаю по полю, срываю какую-нибудь безымянную траву и прошу бородатого американского дедушку растолковать мне ее значение. Ее ценность и смысл.

Со мной произошел какой-то слом: я не писала так раньше, я не ломала фразу, не обрывала такими варварскими путями. Не знаю, кто виновен в резкости моих текстов: иногда я ропщу на Уитмена, на северный воздух, на возраст, но чаще — на твое исчезновение. На то, что в зеленеющих лугах появляется человек с твоим лицом и окликает меня, но имя мое, пропущенное сквозь его перекосенную челюсть, звучит отвратительно.

*В трамвае листаю страницы, на которых не слишком
уважающий рифмы Уитмен
говорит как поэт.*

*Наводит на мысль, что Кто-то внимает отцовским молитвам,
раз ты отскакиваешь от смерти. Из бед
плетешь кольчугу перед решающей битвой.*

*Беда, получается, — наша стальная нить.
Пожалуйста, выиграй.
Надо выиграть,
а не отскочить.*

*Отвлекалась на них, срывалась на них. Я глумилась
над проблемой, которую распутывал терапевт.
И не нужно поднимать руки наверх, к высшим силам.
И не нужно прикидываться, дескать, я тоже поэт.
Хоть и не Уитмен. Седой бородой, как земельный клочок,
обросший травой.*

*Только в моем случае усталости будет больше любви;
и трава не переродится;
не подтвердит ни промысла, ни судьбы —
усталости больше любви.*

*Вытираю слезу, строкой о высокой траве утешает,
распевшись, Уитмен.*

*Я сражаюсь с тобой на одной стороне.
Просто тебе не видно.*

Им кажется, что я веду постоянную борьбу с ненавистью к тебе. Мама часто говорит по телефону: «У тебя своя жизнь, милая, не смотри на него, не оглядывайся. Ты имеешь полное право злиться,

ты имеешь полное право отсечь его». Им кажется, что время от времени меня захлестывают презрение и неприязнь, в особенности когда я вспоминаю, свидетелем каких событий стала из-за твоего недуга.

Знай: окликая воронов у черной церкви, объясняя моему русскому другу Сене, в чем разница между славянским «кар» и нашим совместно выстраданным «хъра», я все время мысленно возвращаюсь к тебе и заявляю с примесью гортанных звуков в речи, что моей любви никогда не противостояла ненависть. Не было такой секунды в жизни, в которую я ненавидела тебя. Если когда-нибудь я брошу писать тебе письма, если когда-нибудь я прилюдно отрекись от тебя, знай, что это усталость возоблудала надо мной. Твоя болезнь не смогла победить меня в честном бою и принялась выжидать. Твоя болезнь изнурила меня, и усталости во мне стало больше, чем любви.

Мне часто думается о нерожденных братьях и сестрах наших. Нас должно было быть трое. И время от времени ко мне приходит во снах мальчик с золотыми кудрями и водит меня по саду, и показывает мне наши яблони так, словно я раньше никогда не видела этих деревьев. Словно мне, а не ему отказали в жизни и не дали испробовать плодов со старых покосившихся яблонь. Как странно! Как странно, что мы ходим с ним вместе, разделенные десятками лет, и я держу его за руку, как держала бы собственного ребенка, я плачу над его вечным младенчеством, а он не понимает причину моих слез. Он влюблен в эти косые яблони, он счастлив видеть их белый цвет.

Что было бы, если бы этот златоглавый мальчик выжил? Как сложились бы наши жизни, будь он рядом с нами? Как думаешь, смог бы он уберечь нас от твоего недуга?

Письмо 8

Автор «Младшей Эдды» отказывает Одину в звании верховного бога. На самом деле, утверждает Снорри, тот, на ком зиждется скандинавская мифология, жил когда-то в славном городе Трое и покинул родную землю, когда его супруге-пророчице было видение: далеко на севере их ждет великая судьба, им будут поклоняться, они превзойдут в величии всех северных конунгов вместе взятых. По словам барда, единственное, что отличает Одина и его жену от простых смертных, — это их пророческий дар. Именно благодаря ему уцелевшая после троянской войны группа мигран-

тов перебирается в Скандинавию и подчиняет себе северные земли. Память о человеческом происхождении Одина и его племени сохранило лишь то поколение, которое воочию видело переселение троянцев и их прозорливого вождя. Потомки их, очевидно, утратили воспоминания о природе пришельцев и обожествовали их. А христианин Снорри положил начало обратному процессу — под его пером верховному скандинавскому богу следовало вновь обратиться в человека. В конце-то концов, это его, северянина, наследственное право.

Я зачитывала Сене пролог из «Младшей Эдды» словно в обмен на его истории о воронах, рассказанные в день нашего знакомства. Он слушал отрывок с опущенными веками, точно спал, и иногда, если мне случалось запнуться, приоткрывал левый глаз и оглядывал зеленеющие кроны деревьев, воспроизводя недуг скандинавского божества.

Для меня весть о том, что центральные фигуры северной мифологии являются мигрантами, оказалась благой. Мы с тобой всю жизнь полагали, что наши скитания из одной страны в другую были разновидностью пытки. Что нам был нанесен непоправимый ущерб — невыразительный, малозаметный, — и тем не менее ты признавался иногда, что чувствуешь себя неполноценным и в том месте, которое ты оставил, и в том, где кое-как обрел новый дом. Каждый раз, когда наши родственники, переехавшие сюда в пятидесятые годы, после Великой Отечественной, говорили мне: «Ах, как ты легко адаптировалась», мне хотелось бросить им что-то под ноги и крикнуть:

— Ты, дурачина! Мне всегда приходилось быть на две, а то и три головы выше остальных только затем, чтобы во мне увидели своего человека. Только затем, чтобы клеймо чужака не плелось за мной, как кошачий хвост.

Младшая Эдда ободрила меня. Оказывается, есть на земле такие переселенцы, которые сумели пережить гибель любимого города, оплакать его и двинуться в путь — в новые города и страны, жители которых не просто накормят и приютят их, а сделают богами.

Еще один эпизод из северных мифов, который я зачитывала Арсению, связан с Великаном-Строителем. Впрочем, его великанья природа проявится лишь к концу мифа. Строителю предстояло заново возвести стены для города богов, но, перед тем как приступить к работе, он озвучил божествам свои требования: по завершении строительства, если будут соблюдены оговоренные сроки, ему должны отдать солнце, луну и богиню Фрейю. Боги со-

гласились. Утвердили сроки. Оговорили условия: Строителю предстоит восстанавливать стены самолично, с участием одного лишь помощника — коня Свадильфари.

Вопреки ожиданиям богов работа продвигалась быстро и беспрепятственно и была уже почти завершена за три дня до оговоренной даты. Не желавшие терять светила и прекрасную Фрейю жители Асгарда приказывают главному переговорщику Локи помешать Строителю, и тот, притворившись молодой кобылой, соблазняет коня Свадильфари и уводит его в лес. Работа прерывается. Строитель отправляется за животными, вместо того чтобы завершить возведение стен. Преследуя коня в темном лесу, он осознает, что завершить строительство в установленные сроки теперь невозможно, и впадает в великанью ярость. Боги, обнаружив истинную природу Строителя, нарушают данные ему клятвы и убивают его. Его великанью природу использовали как предлог, чтобы нарушить все данные ранее обещания: Строителя не просто обманули, не просто лишили его заслуженной награды в лице Фрейи и небесных светил — ему раскрошили череп волшебным молотом. Боги-хитрецы. Боги-клятвопреступники.

Даст Бог — мой христианский Бог, — я унесу из этих земель несколько приличных стихотворений, какую-нибудь недописанную повесть и две-три сырые идеи, за которые возьмусь по приезде на родину. И, самое главное, возьму с собой этих нетипичных скандинавских героев, перебравшихся на север из Трои, обоже- ствившихся, чтобы однажды дать коллективную клятву и так же коллективно ее преступить.

Но довольно о мифологии. Благодаря моей седовласой гречанке я устроилась официанткой и теперь в свободное от учебы время подрабатываю в мексиканском ресторане. Люди здесь очень открытые и разговорчивые. Все они — от подростков, моющих посуду, до глубоких стариков за плитой — имеют большие грубые татуировки на теле. У шеф-повара на предплечье нарисованы огромная вилка и тарелка с дымящейся пастой. У официантки Сары на запястье — национальный орнамент, а на плече — безликая женщина с венком из роз в волосах.

Как-то раз после смены я застала на кухне опьяненного Фабио. Погруженная в полутьму комната пропахла вином, в черных стеклах виднелись недвижные тополя и березы, и выросший между ними фонарный столб разливал тусклый свет по лужайке. И

где-то между тем светом и деревьями братья-близнецы охмелевшего француза пробовали на вкус дурно пахнущий напиток и корчилились от его горечи. Мне показалось, что, перед тем как я приблизилась к нему, Фабио отвернулся, чтобы утереть слезы.

— Ты в порядке?

— Да, в полном. Будешь?

Он встал и открыл шкафчик, где мы хранили стаканы.

— Сегодня выстоял огромную очередь, чтобы купить, — сказал он, тряся бутылкой.

— Можно немного. Я не видела тебя с тех пор, как ты вернулся с севера с ракушкой.

— Иззи говорит, ты теперь работаешь с мексиканцами.

— Да. — Я вытащила из рюкзака пакетик с начос, которые повара вручили мне по окончании дежурства. — Немного раскрышились, но все такие же вкусные.

Наконец он налил темно-синюю жидкость в стакан и сел рядом.

— Ты ходила в Гамлехауген?

В гостиной нависла тишина. Слышно было только, как я пережевываю чипсы.

— Уже деревья зазеленели. Надо бы тебе пойти и повидаться с ней.

— Она больше не приходила ко мне. Никаких видений, никаких снов, — с жаром заговорила я. — Разве не явилась бы эта рыба еще раз, не передумай она призывать меня к себе?

— Можем сходить вместе.

— Я не хочу идти.

— Поначалу я тоже думал, что это кара. Какая еще рыба? Что ей нужно от меня? Но, если ты справишься с ней, если поймешь, что именно она от тебя хочет, поверь мне, она станет тебе великой помощницей.

— После похода на север на тебе лица не было. Так она тебе помогает? Насыляет безумие на людей?

— Я бы дошел до безумия и без норвежской рыбы — не сразу, неуловимо для тех, кто не обладает прозорливостью, но определенно стал бы безумен. Рыба довела меня до самой грани, но, по крайней мере, она дала мне шанс избежать сумасшествия.

— Что она сказала тебе?

— Ты же знаешь, мне нельзя говорить. — Он встал, легонько ущипнул меня за щеку. — Я на балкон. Здесь, как только чиркнешь зажигалкой, сразу поднимется страшный шум.

— С каких пор ты куришь?

— С подростковых лет. Но по страшному стечению обстоятельств вынужден был бросить это дело.

— Это как-то связано с твоей рыбой?

— В какой-то степени. Идешь?

Он наклонил голову в сторону стеклянной двери, за которой виднелось плетеное кресло и темные стволы тополей.

— Ты много выпил?

— Два стакана. Разучился, видимо. А что?

— Проводишь меня до фьорда?

Он не стал задавать мне новых вопросов, не стал отговаривать меня от ночного похода к воде. Мы беззвучно сняли куртки с крючков и выскользнули из комнаты. Чтобы заполнить неловкие паузы, я рассказывала ему по памяти те же эпизоды из скандинавской мифологии, которые накануне зачитывала Арсению. Фабио шел молча и только время от времени брал меня за локоть, чтобы я не свернула к неверному дереву, не споткнулась о корни многолетнего тополя, не окунулась в воду, в которой не водится рыба.

— Я подожду тебя здесь, — шепотом сказал он, заметив под водой серебряное свечение.

Из воды исходил ослепительный свет, и кто-то ласковым голосом окликал меня из глубин фьорда, но иногда, поверишь ли, мне казалось, что звук раздавался прямо у меня под ухом, казалось, что я могла бы ухватить его за хвост, потрогать, запереть в ладони — он был повсюду, и мне некуда было бежать от его многослойности и силы.

Письмо 9

С ветхозаветным торжеством раскололась вода надвое, и я пошла на свет. Норвежская рыба была лишена сказочных деталей: не переливались под луной ее серебряные чешуйки, не колыхались в воде привязанные к жабрам жемчужные нити. Только плоский, слепящий глаза силуэт призывал меня, словно Ихтис, нарисованный на стене византийского храма.

— Остальные всегда приходили вовремя. Ты видела, как деревья наливаются шумом и зеленью, и не пришла ко мне.

— Я ждала знака.

— Ты ждала, что я оставлю тебя в покое. Что отзову свое приглашение.

— Что, если все окажется как в жестоких сказках? Человек загадывает желание, но его слова так умело вывернут, так обернут их вокруг просителя, что он останется ни с чем.

— Я не обманываю людей. Я не злой дух.

— Фабио страдал из-за тебя. Ты меня тоже превратишь в измоденную тень. Заставишь скитаться по пустыням и горам.

— Через год или два он воспрянет духом только благодаря тому, что я вынудила его скитаться и плакать.

Я помотала головой.

— Все равно делать уже нечего. Озвучь же свои условия, норвежская рыба.

— Я рыба всему человечеству.

— И тем не менее ты настигла нас здесь.

— Ну что ж... Есть у тебя три желания, — начала рыба.

Но я тотчас перебила ее:

— Пусть все остается как было, не меняй ничего. Вот мое единственное желание.

— Я не злобный дух, — повторил голос сочувственно. — Я не злобный дух и не пытаюсь тебя провести.

— Тогда чего ты хочешь от меня?

— Я не исполню те просьбы, которые ты озвучишь мне на берегу. Я исполню те три тайных желания, которые ты скрываешь и никому не решаешься озвучить. Я вижу их в этом ослепительном сиянии. Я вижу, чего ты хочешь на самом деле.

— Ничего не понимаю.

— Пока ты здесь, я, норвежская рыба, так и быть, — продолжала она, — даю тебе время обдумать, какие мысли ты вынашиваешь в себе. Какие страшные мысли ты взращиваешь внутри и тайно надеешься, что они исполнятся. Потому что, если ты не придешь на этот берег вновь и не озвучишь их, не остановишь меня, я сделаю их явью.

— Значит, ты не даешь людям возможность загадать три желания?

— Зачем? — удивилась рыба. — Я и без слов понимаю, чего они жаждут на самом деле.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Дневник

Алан

1

Руку на меня поднимали лишь дважды в жизни, и оба раза карателями моими являлись женщины. Сначала мать ударила меня по губам: мы отбивали тесто для пирогов, и я громко выругалась

при ней, смятенная собственной бездарностью. Мать разозлилась, отчитала меня и выгнала из кухни. Второй раз пощечину мне отпустила тетя Лиля — в знойный летний день, когда хоронили нашего дальнего родственника Нико. Он тоже был переселенец и в какой-то степени повторил путь скандинавского вождя.

Вокруг покойника сидели женщины и оплакивали его в своем необдуманном двуязычии. Некоторые перебирали фотографии и спорили, какие положить в гроб к мертвецу. Одна из старушек отговаривала остальных от этой затеи: не приведи Господь, случайно попадетсЯ там фотография с живым человеком, пропишете ему дорогу на тот свет!

— Красивый старик, — проговорила я, не обращая внимания на перепалку.

Тетя Лиля услышала мои слова и тотчас отвесила мне пощечину. Она утверждала, что мертвец, если кто назовет его красивым, обязательно прихватит с собой кого-то на тот свет. Скорее всего, кого-нибудь из молодых.

— Иди теперь и собери молодежь.

— Лиля, я тебя умоляю.

— Иди, иди. Я вам покажу, что надо сделать, чтобы вы не стали жертвами покойного.

— Икота, икота, перейди на Федота, — протянула я.

Но Лилю моя шутка только ожесточила. Она вынудила меня спуститься в подвал к братьям и рассказать, что по моей вине покойник скоро придет за нами и одного из присутствующих на похоронах заберет в мир иной.

Мой брат расхохотался.

— И что надо сделать, чтобы оставили пока тут пожить?

Я показала им странную молитву, которую Лиля специально выписала для нас на двойном листочке.

— Лиля, — кричали мы ей снизу. — Он был добрый человек, с мягким характером. Думаешь, и впрямь нас с собой утащит?

Чуть погодя Лиля сама спустилась в подвал и всех, над кем имела власть, заставила совершить три поясных поклона и зачитать молитву. Мы с братом в тот день удрали от нее, но она еще долго разыскивала нас и даже успела нажаловаться отцу: твои дети рассердили покойника, а искупить вину не желают.

После похорон я по настоянию Лилечки искупалась и отправилась на работу в светлых одеждах — учить детей заморским языкам.

Весь вечер я просидела с учениками: мы рисовали вместе, пели песенки, одевали деревянных кукол, проговаривая на английском языке, во что именно облачается красавица-игрушка.

Последнее занятие я проводила один на один с робкой девочкой-подростком, и наши и без того вялые диалоги то и дело перебывал доносящийся из соседней аудитории мужской смех: вечерняя группа осталась в офисе по окончании занятий, и все здание теперь утопало в их гоготе. Я несколько раз заходила к ним и делала замечание. На четвертый раз я попросила их уйти.

— Да все, честно, мы больше не будем.

— Вы мешаете мне.

— Не будем, слово даю.

Когда я продолжила вести беседу с моей робкой девочкой, в коридоре, как и было обещано, наступила тишина, и ни один сторонний звук больше не прервал наше занятие.

Уже много месяцев спустя Алан припоминал мне этот случай и смеялся все тем же громким, оглушительным смехом:

— Видишь, если бы я не угорал, как слон, мы бы с тобой так никогда и не познакомились.

О нем мне пишется труднее всего. Наверное, потому, что я все еще не преодолела разрыв между женщиной и писателем, окончательно оформившийся с появлением Алана в моей жизни. Как будто мое тело не может одновременно вмещать две сущности и я не имею права наряду с «Минотаврами» и «Норвежской рыбой» вести иные записи: о том, что близкий мне человек живет в далеком государстве, что его стремления не совпадают с моими и что, например, мы познакомились из-за моего дурного нрава и Лилечки, которая весь день донимала меня своими полуязыческими ритуалами. Внутренний голос твердит мне, что отклонение от основной темы приведет к умалению себя как автора. К оскудению таланта. Рыба. Норвежская рыба. Пиши лучше про жемчужные нити, окаймляющие ее серебряную чешую. Однако, чтобы добраться до этой волшебной рыбы, мне нужно оттеснить горделивого автора той темноволосой женщиной, которую он постоянно гонит и лишает простора.

С самого начала меня преследовали дурные предчувствия. Ты смеялся над Лилечкой и ее суевериями, но был крайне серьезен, когда я рассказывала о слепом великане. «Видишь ли, — говорила я, — дед полагал, что нас прокляли, и в первую очередь прокляли мужской род, потому что все женщины остались живы и здоровы, а мужчин ослепило и выкосило с годами». Ты понимающе кивашь: в твоей семье тоже хватало тайн и злых соседей, которые ходили по гадалкам и пытались вам навредить.

— Значит, снимем эту порчу.

— Хоть ты не начинай.

— Ты не веришь в гадалок?

— Не верю.

— В Бога ты, значит, веришь, а на злые силы веры не хватает, — удивлялся ты.

— А что? Есть хорошие гадалки на примете?

— Есть.

— И что нагадали?

Ты снова зашелся залиvistым смехом. Тебе нагадали жену-учительницу и четырех детей. Я тогда умолчала, конечно, но однажды на Рождество, в мои доправославные времена, одна суеверная женщина водила кольцом вокруг моей ладони и тоже нагадала мне четырех детей: трех девочек, одного мальчика. Значит, троим я выберу имена сама, и лишь одному придется дать то имя, с которым придут ко мне седовласые предки.

Из-за подобных совпадений я снова ввела в словарь слово «суждено», хотя и убедилась за годы служения в церкви, что оно в корне противоречит главным идеям христианства. Ты вгонял меня в этот страшный дохристианский мир, где слепые женщины сидели за веретеном и решали, что случится со смертными. Мне стоило больших усилий не поддаваться тебе и той языческой силе, которая тянулась за тобой.

После каждой встречи с тобой я записывала: «Ты меня от Бога отдалишь».

Как-то раз ты упомянул, что несколько месяцев прожил в монастыре, и добавил:

— Или ты думаешь, я всегда был такой безбожник?

Вариант 1

*От Бога меня отдалишь,
И склонятся над нами, точно больные ивы, —
Безрадостные святые.*

Не пугай меня больше ими.

Вариант 2

*Склонятся над нами, точно больные ивы.
Если не Бог — безрадостные святые.
Если не Бог — яблони золотые.
И дети мои бегают между ними
и зовут меня:
«Стой, Мария!»*

*От Бога меня отдалишь, и птица зайдется плачем,
Выронит рыбу, зажатую в черном клюве.
Дети тоскуют. Коли дети мои тоскуют,
Кому этот сад предназначен?*

Вариант 3

*Когда бы ты раньше показывал мне оперение птиц,
Пока глаза не ослабли —
Я исхожу чернилами и водой, капля за каплей.
«Когда бы умел им петь,
Ни за что о прошедших птицах писать не стал бы».*

Не могу остановиться на одном варианте. Доподлинно мне известно лишь то, что близость с ним отдаляет меня от Бога, но дальше мысли снова разбредаются в разные стороны, и омраченные лики святых вплетены в ивовые прутья так крепко, что мне уже не отличить одно от другого. Все время кажется, что стихотворение нуждается в доработке — в первую очередь образной. Нужно развить идею с садом, в котором бегают златоглавые дети. Кто они? Нерожденные братья мои? Все то потомство, которому по разным причинам не удалось закрепиться в земной жизни? Но они бегают между золотых яблонь и прячутся за Богородицей, если я подзываю их к себе.

Мне хочется передать это чувство соприкосновения прошлого с будущим, чувство трепета и обреченности пред тобой — через тебя придут в этот мир эти темноволосые ребятишки и через тебя произойдет мое отдаление от Бога.

Нельзя раскрывать содержание стихов. Даже мне, пишущей о тебе и этих детях, не до конца понятно, правильно ли я толкую эти образы, правильно ли делаю, что нарекаю светловолосого мальчика своим братом и даю ему возможность носиться между яблонь и звать Богородицу в минуту нужды. Кто мне вообще сказал, что я имею на это право? Кто вообще сказал, что женщина в том саду зовется Марией и я могу обращаться к ней по имени?

2

Недалеко от магазина «Глобал фудс», где мы с Сеней покупаем брикетный творог и гречку, находится барахолка. Как-то раз мы все-таки заглянули туда — внутри обилие книг, виниловых

пластинок, вязаных скандинавских свитеров и фарфоровых чашек с потрескавшимися блюдцами. Я вернулась в магазин на следующий день вместе с бразильянок Флавией: ей хотелось присмотреть себе новую куртку, мне — выбрать одну из чайных пар маме в подарок.

Около получаса мы кружили по магазину. Флавия перемерила множество вещей и решила, что ничего покупать не будет. Я заплатила за набор и вышла на улицу. Флавия уже стояла на остановке, записывала друзьям голосовые сообщения на португальском языке и хохотала.

— Ну что, идем обратно?

По дороге к общежитию мы забежали в пекарню и взяли кофе с одной булочкой на двоих. Она спрашивала меня о работе в ресторане, о моих коллегах, о блюдах, которые мы приготовим вместе в выходные, и о том, что объединяет меня и молчаливого француза Фабио.

— Откуда вообще взялся этот вопрос?

— Вы часто отходите в сторону и шепчетесь отдельно ото всех. Я подумала, между вами что-то есть.

— Нет, ничего такого, — воскликнула я. — Фабио мне близок в той же степени, что и тебе.

— Тебя кто-то ждет дома, да?

Я пожала плечами.

— Может — ждет, может — нет. Сама не знаю. Мы плохо разошлись.

— У меня тоже такое было. Он предлагал что-то предпринять, сделать отношения открытыми на время моего обучения в Норвегии, но мы так и не пришли к решению. Расстояние — ужасная вещь, — тяжело выдохнув, протянула бразильянка.

На полпути она стала копошиться в бумажных пакетах и вдруг заявила:

— Только представь! Я, видимо, закинула эту курточку в пакет, когда переодевалась, и совсем про нее забыла.

— Какую курточку? С бахролки?

— Ну да. Осталась тут случайно.

— Давай вернемся и объясним ситуацию.

— Нет, ты что! Это только создаст нам лишние проблемы. Здесь, кстати, многие крадут вещи. Нужно только аккуратно срезать край ярлыка, чтобы при выходе из магазина не сработала сигнализация. Я правда случайно забрала ее, — сказала она и расправила в воздухе новую вещицу.

Оливковая кожа ее, не имевшая ни единого изъяна, сверкала на солнце. Флавия прищурилась, чтобы получше разглядеть узор на курточке, и, довольная, бросила ее обратно в пакет.

Здесь, на Севере, эта черноглазая девушка стала мне одним из самых близких людей. Я полюбила ее, я много рассказывала ей о доме и слушала в ответ ее рассказы — о карнавалах в Рио и пирожных из маиса, об отце-аборигене и матери с небесно-голубыми глазами, чьи предки, по всей видимости, являлись рабовладельцами. Она раскрыла мне тайну фамилий Сильва и Оливьеро, она поведала мне сказку о розовом дельфине, которой и поныне утешают детей, познавших безотцовщину.

— Коренные считали, что розовый дельфин имеет способность менять обличие. Иногда он выходил на поверхность и, обернувшись прекрасным юношей, соблазнял женщин. И детям, не имевшим отцов, всегда рассказывали, что они произошли от этого волшебного дельфина, — говорит Флавия с влажными от слез глазами, сочувствуя каждому своему соплеменнику, на которого не хватило отцовской любви.

Всю ночь я ворочалась в постели. Мне было дурно от мыслей об украденной куртке. Я не могла соотнести воровство и те сказочные истории, которыми делилась моя красавица-бразильянка.

3

21 сентября, Рождество Богородицы по православному календарю, — двойной праздник в нашей семье. Во-первых, в этот день появилась на свет моя зеленоглазая мама, названная в честь грузинской царицы-мученицы: так-то ей полагалось имя «Мария», но оно уже было занято моей бабушкой, родившейся в тот же день. Во-вторых, так уж совпало, что Рождество Богородицы является нашим семейным торжеством: когда я была ребенком, мы часто ездили в поселок, где вырос мой отец, и ставили свечи в обветшавшей часовне седьмого века. Мы всегда радовались этому совпадению. Мы считали дни до наступления двойного торжества. Три. Два. Один.

Мама испекла яблочный пирог. Папа принес из погреба вино и сушеные корольки. Мы ждали, когда вернется с работы мой брат и присоединится ко всеобщему ликованию. И вскоре он явился — с огромным букетом роз и коробкой, упакованной в подарочную

бумагу. Невидящими глазами он осмотрел стол, наклонился к маме и поцеловал ее в щеку, положив на колени сладко пахнущий букет.

Я и теперь на далеком Севере с содроганием вспоминаю эту минуту.

Папа отвел его в соседнюю комнату, и они долго говорили на повышенных тонах.

— Будут тебе анализы! — кричал мой брат. — Только вам всем придется извиниться передо мной, потому что я абсолютно чист.

Отец ответил ему грузинской поговоркой:

— В бане увидим, у кого черная задница, у кого белая.

— Теперь уже и сонным быть нельзя, — пробурчал мой брат и поднялся к себе в спальню.

Мама уставилась в самую сердцевину пирога и громко хмыкала носом. Розы все так же лежали у нее на коленях. В садах щебетали птицы, и соседские дворняги неустанно лаяли, стараясь прогнать их из вверенных им владений. Кто-то на соседнем участке поливал деревья и кусты — пахло влажной землей, и вода капля за каплей наполняла железные ведра.

Мы разбрелись — каждый в свою нору. В неосвященной комнате мне казалось, что меня поместили под купол и надочажной цепью привязали к какому-то небесному светилу, к карающей Божьей руке, то натягивающей цепь, то спускающей ее обратно до земли.

Вскоре в дверь тихо постучали, и во мрак норы вступил мой перепуганный брат.

— Милая, я прошу тебя, я тебя умоляю.

— Денег у меня нет.

— Нет, на что мне деньги. Я о другом.

— Чего тебе?

— Сдай анализ вместо меня.

Я привстала на локти и уставилась на него. Во тьме лица не было видно.

— Ты адекватный?

— Обещаю тебе, это в последний раз. Обещаю, я больше никогда, никогда не поступлю так с вами. Только сегодня мне помощи. Только чтобы мама сегодня не переживала.

— Выйди отсюда.

— Я тебя умоляю.

— Выйди.

— Не могу, не могу.

Он вдруг весь сгорбился, опустился на корточки и приставил кулаки к вискам. В неравномерной вечерней тьме он раскачивал-

ся на носках и завывал. Мы все еще были под куполом. Божья рука все еще дергала надочажную цепь.

— Не могу-у-у, не могу-у-у.

Я не знала, что делать. Движения его превратились в ритуальный танец, он только ускорялся и прибавлял голосу хрипоты.

— Пожалуйста, в последний раз меня выручи. Только не сегодня. Господи, только не сегодня, — он стал плакать. — Я не хотел, я говорил себе: «Нет, только не сегодня».

На тумбочке у меня лежала небольшая пластмассовая бутылка из-под «Зинерита». Я спустилась вниз, в ванную. Вылила все содержимое из нее и набрала в нее собственной мочи.

Получившие на следующий день результаты родители тихо радовались тому, что анализы не показали ничего, кроме крепкого чая.

4

В письмах своих я жаловалась на слепого деда: он выделял мою маму, он обратил ее в безропотного слугу. Но разве я не проделываю то же самое? Если не ради яблоневых садов, то ради «Норвежской рыбы» или какой-нибудь другой повести с причудливым названием.

Гречанка сделалась моей слугою. Я заставила ее отрастить косу, накинула ей шерстяную шаль на плечи и повела через снега с церковной лампадой вместо фонарика. И дорогой вынудила ее приговаривать: «Вот, в наших краях не Господь Бог обитает, а женщины с сильными руками».

Изабель и Флавия каждым жестом, каждым словом служат мне. У одной я украла обезглавленного петуха, другую заставила в трехкратном размере расплатиться за украденную куртку. Я запечатлела ее преступление наряду с сырым бразильским фольклором и оливковыми деревьями, от которых получили фамилии многочисленных невольники из ее народа.

Все, все без исключения попадают в мои сети и служат Слову. В самые страшные минуты жизни я говорила себе: «Крепись, крепись. Когда-нибудь тебе удастся написать об этом. Обратись скорби в безропотных слуг, обрежь радость на вечную жизнь». Я порой переставала верить в Божий промысел, но никогда не случилось мне забыть о значимости творческого пути, моего словесного дара. Словно все в жизни только затем и происходило, чтобы придать мне нужную форму, чтобы развязать мне язык. И слепой дед,

и гречанка в заснеженном лесу, и ритуальный танец моего брата, и убитая на празднике птица, и пластмассовая бутылка с мочой — все они служили какой-то высокой цели, все они были частью некоего плана. Если я перестану писать, все эти люди и птицы, и пластмассовые предметы утратят смысл.

И даже ощущение отдаления от Бога, в котором я обвиняла Алана, в какой-то степени обрадовало меня. Его присутствие расширило список тем, на которые я могла писать, вселило мужество говорить о телесном так же легко, как о чувстве возвышенном. Раньше за каждым моим героем неизменно наблюдал воспаленный Господень глаз. Теперь герои мои возмужали и требуют простора. Требуют жизни без всевидящего родительского ока.

Как-то раз подруга передала мне слова дальнего родственника. Через месяц была запланирована свадьба, он пришел в кафе поддатый, принялся рассуждать о браке и любви и заявил, что измена неприемлема только в том случае, если она произошла с порядочной женщиной. Визиты к проституткам стоят особняком. В них отсутствует элемент предательства.

— Ну есть же вещи, которые я никогда не потребую от жены. Нам так обоим легче. Это проявление уважения с моей стороны.

Мы смеялись над ним. Нам было по девятнадцать. Это теперь я понимаю, что в традиционных обществах женщины всегда разделены на мадонн и блудниц, и пространство между ними заполнено вязкой тьмой или дымом. Оно необитаемо, о его существовании не принято говорить и думать. Возможно, ровно по той причине, по которой я боюсь оказаться в категории блудниц или (еще хуже) в том неочерченном пространстве, о коем принято умалчивать, мне так сложно писать о любви. О земных ее формах. И за время, проведенное здесь, на Севере, я осознала, что эта трусость присуща только той части меня, которая использует русский язык, чтобы сформулировать мысль. Я росла в русскоговорящей среде, на русском языке мне рассказывали о мадоннах и блудницах, и я усвоила урок: никаких разговоров о теле, никакой попытки раскопать ту область, которая находится между двумя противоположными категориями.

Английский менее суров. Быть может, потому, что я изучала его в более сознательном возрасте. Он незнаком тому стеснительному ребенку, которого я продолжаю носить в себе. На нем говорит более зрелая личность. Личность, способная рассмеяться над тем, как разделяют женщин на категории, как стигматизируют

женскую сексуальность. И в добавок к этому: английский — второстепенен. Он еще не окреп во мне, не раскрылся во мне с такой силой, чтобы позволить прочувствовать всю глубину слов. Хочешь — в любви признайся, хочешь — к блудницам примкни и пиши о теле: иностранная речь все терпит. Притупляет остроту. Если бы мне хватило таланта написать «Норвежскую рыбу» на английском, я непременно сменила бы язык повествования.

Как-то зимой пришли ко мне в офис двое молодых ребят. Заводя их внутрь, администратор сказала, что они заинтересованы в парных занятиях с уклоном в тему спорта. Было около восьми часов вечера. Кабинеты закрывались один за другим. Молодой психолог, работающий напротив, помахал мне, прежде чем запереть дверь на ключ.

— У вас уже есть опыт изучения языка?

— Ну в школе неплохо учились, — ответил один из мужчин и неуклюже взъерошил светлую челку.

— Сейчас раздам вам короткий тест, отметьте правильные варианты. Займет не больше пятнадцати минут. А после еще немного поговорим.

— На английском?

— Желательно.

В кабинет заглянула администратор и произнесла шепотом:

— Я убегаю уже, закрой дверь и оставишь ключ охраннику. Утром сама все приведу в порядок.

— Да, без проблем.

Она подмигнула мне и побежала к лестнице. Стук каблуков эхом раздавался по пустому коридору.

— Ну как дела?

— С тестом все неплохо, — заговорил один из мужчин. — Только у нас проблема другого характера, — он отложил ручку в сторону и замком сцепил пальцы. — Ты почему трубку не берешь?

Я молчала.

— Мы звоним вам уже третий день — никакой реакции, — пояснил другой, с более светлыми волосами.

Мне в самом деле названивал кто-то последние несколько дней.

— Не всегда отвечаю на звонки с незнакомых номеров. Мое право.

— Ну с таким братом, как у тебя, — сказал мне темненький, усмехнувшись, — я б, наверное, тоже побаивался незнакомых номеров.

На мгновение гробовая тишина нависла над нами. Только парень со светлыми волосами щелкал колпаком ручки.

— И где нам твоего братика-то найти?

— Понятия не имею. Если найдете — сообщите его адрес.

— Че он, в Ставрополе вроде, да?

— Вроде да, — повторила я, копируя его манеру.

Мой собеседник разозлился, наклонился вперед и, не разнимая пальцев, продолжил:

— Мы же с тобой по-человечески разговариваем. Хотя могли бы по-другому. Он нам не пять рублей задолжал, так-то. Могли бы с угрозами прийти, с нехорошими словами. А некоторые, может, и по кругу могли бы пустить.

— Да закройся ты, — перебил его другой и бросил на друга неодобрительный взгляд.

— Цель вашего визита какова?

— Смотри, как она грубит все равно.

— Наша цель — получить то, что нам полагается. Он нам должен около ста тысяч.

— Правильно, *он* вам должен. Я у вас денег не занимала.

— Брат за брата, все дела, — смеялся темненький. — Мы ведь не где-то в Европе живем. Тут за своих родичей надо отвечать, как говорится.

— Где так говорится? В уголовном кодексе?

— Было бы лучше, если б мы к твоему пахану поехали? Или ма-тушке?

— Было бы лучше, ели бы вы покинули помещение и больше меня не беспокоили. Я не брала у вас денег и не поручалась за него.

— Ну смотри. Мы хотели по-хорошему.

— Да я поняла уже. Можешь про тех, которых по кругу пускают, не рассказывать.

В эту секунду зазвонил телефон. Алан подъехал к офису и про-сил спуститься.

— Еще что-то? Или вам уже пора?

— Да, пора, пора. Но ты начни уже денежки копить.

— Мне, может, с братом и не повезло, — сказала я им вслед. — Но тоже не сиротка. Еще раз появитесь — найду, кого отправить к вам.

— Наше дело было сообщить, что твой брат нам денег дол-жен, — проговорил парень с русыми волосами. — Ты подумай сама: лучше с тобой переговорить, чем явиться на работу к тво-ему отцу и давай ему рассказывать про сына разноцветные

истории! У старика, может, сердце больное. Мало ли, как он отреагирует.

Я наспех умылась, приложила холодные ладони к распухшим глазам и все то время, что находилась за запертой дверью в туалете, приговаривала про себя детские считалочки — все на грузинском. В моей голове не нашлось ни одного глупого стишка на русском языке. Едет слониха в Баку, ударили ее огурцом по заднице, лягушки потешаются теперь над ней: «Вот так хорошо, вот так хорошо».

Алану я той ночью ничего не рассказала о случившемся. Но я до сих пор помню, как, обнимая его на прощание, поймала себя на мысли, что мне физически больно расставаться с ним.

*Набухает Господень глаз.
Изойдет слезою и смирной.
Разве не Он тебя спас?
Сын мой любимый.*

*Набухает Господень глаз.
Я тебя где-то видел:
Потревожил речную гладь —
Я тебя звал: ты миновал обитель.*

*Тихо положит спать,
Запеленает криво.
Как тебя звать?
Как тебя нынче звать?
Сын мой любимый.*

5

Сара — самая красивая из мексиканских женщин. В ресторане работает еще одна официантка с таким же именем и со схожими чертами лица, потому, знакомясь со мной, моя Сара советует: «Ориентируйся на татуировку. Это безлика Фрида утопает в цветах на моем плече». Помимо рисунков на теле, от всех остальных соплеменниц она отличается густотой волос и их необыкновенным цветом — они глубокого темного оттенка, они иссиня-черные, они напоминают сливы в нашем саду, если только снимешь белую дымку с кожицы.

Она научила меня основным хватам. Она показала мне, как нести широкие подносы всем телом, а не только руками, и когда

группа молодых людей попросила ее принести отдельно соль для текилы, Сара прошептала мне на ухо:

— Они ничего не понимают, эти северяне. Соль нужна, только если текила паршивая.

С одним из поваров, который горячо любит творчество Достоевского, она громко, не стесняясь, ругается:

— Не верю я в исправление игромана!

— Но это известный факт: он пообещал жене и перестал.

— С какого раза? С какого раза? — кричит она, перебивая все остальные голоса в зале. — Могу поспорить, что он уgomонился только к старости, когда не осталось ни сил, ни денег.

Повар устал воевать с ней. Он махнул рукой и вернулся к начинке из фасоли, так и не оправдав Достоевского в глазах синевололой мексиканки.

Однажды вечером в раздевалке Сара присела на табурет с растерянным видом и заговорила так, словно вела беседу сама с собой:

— Я немного поправились в этом месяце. Да, поправились, — она ухватила смуглыми пальцами за живот, легко ущипнула себя сбоку. — Мне кажется, все остальные тоже заметили. Ты заметила, например?

— Нет, я бы не сказала, что ты прибавила.

— Точно прибавила.

— Знаешь, когда человек пропорционален, лишние килограммы редко заметны.

— Я вот думаю, рассказать ли управляющему об этом?

— О том, что ты поправились? — удивилась я.

— Да, — она взглянула на меня кротко, словно не было той женщины на кухне, которая выясняла отношения с поваром. — Да, — повторила она. — Я думала рассказать уже, что я беременна.

Мне не удавалось считать эмоции с ее лица. Радовалась ли она своему еще не рожденному младенцу или тяготилась им?

— Поздравляю, — сказала я ей, но весьма сдержанно. — Ты планировала ребенка?

— Не совсем. Как-то очень не вовремя, если честно. Но я уже рассказала отцу.

— И как?

— Он кричал «ура», поздравлял меня. Да, да. Поздравлял и меня, и себя тоже.

Я боялась удариться в религиозную проповедь. Мы обе были к ней не готовы. Моя Сара застала меня врасплох: я знаю, что гово-

рит моя религия о ребенке в женском чреве, я могла бы написать эссе на эту тему. Но живой женщине, рассказывающей мне о нежеланной беременности, мне не нашлось, что сказать. Помолчав минуту, собравшись с мыслями, я наконец заговорила:

— Не знаю, что ты планируешь делать дальше, Сара. Но это хорошая реакция от мужчины, который, как и ты, не ожидал этого ребенка.

Она кивнула.

— Он религиозен. По-другому и быть не могло.

Мы прошли вместе до остановки. Ее сливовые волосы, собранные в хвост, раскачивались, точно маятник в часах. На самом деле седая коса гречанки, которой я приписала то же свойство, была заимствована у моей синеволосой Сары.

Алану я рассказала про брата за месяц до поездки на Север. К тому времени он уже полгода как лежал в реабилитационном центре и делал первые шаги к выздоровлению. Наверное, не имея я надежды на то, что все исправится и вернется на круги своя, я бы так и не призналась своему возлюбленному. Но у меня было приглашение от норвежского университета, долгий перелет через Стамбул и горсть надежды.

— Ты чего притихла?

Мы проезжали мимо его школы. Алан всегда вспоминал ее с особой теплотой, хоть и признавался, что с учителями у него сформировалась взаимная вражда.

— Они меня не переносили. Братьев любили, всегда расхваливали их при мне.

— Братья хорошо учились?

— Старший — да. Средний — чуть хуже. Я превзошел их всех, — он улыбнулся. — Есть что-то материнское в учителях: они озлобляются, если ты можешь, но не учишься.

— Дай угадаю: они просили тебя задержаться после урока и говорили, что у тебя самая светлая голова, что, стоит тебе только захотеть, ты любого за пояс заткнешь.

— Бывало, бывало, — он поглядел на залитые светом окна. Кое-где на первом этаже еще шли занятия — дети сидели смирно на фоне горшков с цветами и старых советских люстр.

— Они тебя испортили.

— Похвалой?

— Да.

— Думаешь?

— Мне так кажется. Когда говоришь о врожденных качествах, ты портишь ребенка. Вот, у тебя голова такая. Вот, ты настоящий талант. Остальным нужно два часа, чтобы прочитать страницу и понять ее смысл, тебе — всего минута... Ребенок начинает думать, что его талант, эта его освященная небесными силами голова важнее дисциплины.

— Разве не так?

— Детям об этом знать необязательно.

— Куда ты сбежишь от генетики? У тебя не было одноклассников, которые реально по два часа читали одну страницу?

— Может, у них дислексия.

— Ты поняла, о чем речь. Не чтением единым...

Мы ехали по широкой дороге, залитой холодным светом фонарей. Я вглядывалась в ночь за окном, в деревья с серебряными стволами, но всякий раз ловила в отражении свое омраченное лицо.

— Мне надо сказать тебе что-то важное.

— Мне остановить машину? — пошутил он.

— Да, было бы хорошо.

Продумывая, как именно я сообщу Алану о продолжительной болезни брата, я непременно плакала и причитала. Упоминала ту злосчастную бутылку из-под «Зинерита», людей, которые звонили мне с угрозами и которые приходили ко мне лично. Я говорила об украденных деньгах и золотых крестиках, о таблетках, которые я с подросткового возраста молча смывала в унитаз вместо того, чтобы показать родителям. Но такой свободой отличалась лишь воображаемая беседа между нами. В тот вечер посреди деревьев с серебряными стволами я не проронила ни единой слезы, не вплела в историю ни одну из тех деталей, за которые мне было стыдно и боязно. Алан слушал не перебивая.

— Не знаю, — заключила я. — У меня всегда была черта переживать обо всем наперед. И помимо того, что я переживаю о нем, иногда мне кажется, что еще больше я волнуюсь о будущем. Бабушка говорила, что ее отец любил пить и не умел вовремя остановиться. Прадед также. Что, если я носитель этой болезни? Что, если — и, пожалуйста, не думай, что я сошла с ума, — но что, если во мне есть дурная кровь и я передам ее своим детям?

Мы просидели в машине до поздней ночи. Он убеждал меня, что нет никакой дурной крови и что мне как человеку религиозному нельзя так страшиться будущего.

— Не бойся, маловерная, — цитировал он Библию и улыбался. — Дети у нас будут здоровые и счастливые и не повторят

того, что делал твой брат. И потом, будь у тебя хоть целое племя зависимых братьев, я не придаю этому никакого значения. Не бойся.

6

Если мужчины в моем племени делят женщин на мадонн и блудниц, то мне остается тайно вводить разделение иного рода: те, кому снятся младенцы по ночам, и те, кто никогда не видел их во сне и не ощущал утраченного материнства по пробуждении. Мы установили это случайным образом, за обеденным столом. Моя подруга отодвинула тарелку с едой и рассказала, что снова случилось ей нянчить ребенка в течение ночи и потерять его поутру. Девушки за столом оживились, стали мысленно перебирать в голове стопки старых снов, и мы тут же разбились на два лагеря.

Мне часто снятся дети. То среди золотых яблонь они бегают, то беззвучно спят в колыбели, то матерью меня называют, то сестрой, то прячутся от меня, призывая на помощь Богородицу. Я уже писала о них — обитателях яблоневого сада-перевертыша, который высадили мой дед и прадед. Мои подруги толкуют это так: мы созрели. Пора задуматься о замужестве и материнстве. Я же ввиду своего нездорового служения письму полагаю, что ребенок, которого мне удалось запомнить и перенести на бумагу, не является утраченным. И мое материнство состоялось и было полным, поскольку я сохранила образ навестивших меня сына или дочери.

Сны множились и крепили. К январю, за неделю до отъезда на Север, черноволосые дети навещали меня почти каждую ночь. Позволяли баюкать их и целовать розовые пятки.

— Говорю тебе: это гениальная классификация, — рассказывала я Алану. — Те, кто видит детишек во сне, и те, кто никогда не сталкивался с таким.

— Когда ты успела это придумать?

— В то же утро, когда мы обсуждали младенцев с девочками.

— А ты?

— Что я?

— Тебе снятся младенцы?

Мне неловко было говорить с ним о детях из моих снов. Слово осознание его возможного отцовства сбивало меня с толку и ограничивало в словах.

- Иногда, — соврала я. — А тебе?
- Теперь моя очередь тебе кое-что рассказать.
- Мне остановить машину?
- Он улыбнулся.
- Да, пожалуй, остановим.
- Итак.
- Итак.

Мне казалось, что он собирается выдать напутственную речь, придать мне бодрости духа перед разлукой.

— У меня были отношения с одной женщиной, ну такого характера... Не вполне серьезного, — начал он.

Я тут же покачала головой.

— Мне необязательно об этом знать.

— Нет, в этом случае как раз обязательно. Я долго думал, рассказывать ли тебе, но если ты уедешь... Не хочу, чтобы посторонние люди тебе пересказали, что и как было.

— Она тебя заразила чем-то?

— Что? Нет, нет. Не в этом дело.

Я ждала, когда он найдет нужные слова. Мне не удавалось сглотнуть слюну. Я задыхалась.

— В общем, она забеременела. И ребенка хочет оставить. И я тоже, наверное, хотел бы его оставить.

— Ты на приколе?

— На каком приколе? Я тебе рассказываю все как есть.

— И что мне теперь делать с этим твоим рассказом? И с твоим ребенком от какой-то левой женщины?

— Она не совсем левая. Где-то посередине.

— Я рада, что тебя это утешает.

— Меня давно уже ничего не утешает. Но я не хотел, чтобы ты весь год оставалась в неведении. Если тебе снятся эти младенцы, если ты вообще об этом думаешь, то... — он не договорил.

Мы оба замолкли. Алан время от времени отбивал на панели какой-то восточный мотив.

— И что мы будем делать? — спросила я.

— Не знаю. Но бросать его не буду.

— Это мальчик?

— Без понятия. Его — ребенка.

— И она точно хочет рожать?

— Да. Поначалу я предлагал ей...

— Не договаривай даже.

— Первая мысль была. Соврать теперь, что ли?

— Нет, конечно. В честности тебе нет равных.

— Мне не надо было тебе говорить?

— Тебе не надо было делать ребенка. Сколько тебе лет, вообще?

— Перестань ты, — совсем тихо проговорил он. — Как будто я не понимаю, как я облажался.

Я обещала принять решение по возвращении на юг. Договаривались мы об этом как-то неловко, я не понимала, куда девать руки, как держаться рядом с ним, куда направить взгляд.

— У каждого есть скелеты в шкафу, — тихо сказал он напоследок.

Мне стало горько от его слов.

— Да. Ты принял мою историю с большим благородством. Но лично я ни одного скелета не положила в тот шкаф, которым ты меня попрекаешь.

— Я не попрекаю.

— Да я вижу, как не попрекаешь.

— Да перестань ты. Как будто я так все планировал для нас с тобой.

Мы не простились. Я беззвучно вылезла из машины и прошла в дом. Младенцы с тех пор мне не снились.

7

Изабель позвала меня из гостиной.

— Тебя к телефону, — кричала она.

— А кто меня спрашивает?

— Женщина с именем царицы-мученицы.

— Да, да. Это персы ее измучили, ты знала?

Изабель не обратила внимания на мою реплику и вернулась к готовке.

Я накинула халат и побежала в общую комнату. Моя соседка стояла у плиты и варила рисовую кашу. На столе была разбросана смазанная перцем брюссельская капуста. Пахло едой и порошком для стирки.

Мне стало любопытно, отчего на кухне такой беспорядок, но только я раскрыла рот, снова зазвонил телефон в гостиной. Огромный стационарный телефон красного цвета возвышался посередине комнаты, точно мы жили в советской коммуналке.

— Алло?

— Мы тебе звоним уже вторые сутки, — заговорила моя мама на противоположной стороне.

— Что-то случилось?

— У нас градом все побило. Цветение сирени и без того так кратко, а теперь она вся пожухла и уже опадает.

— Вы сами-то в порядке?

— Да, да. Я только вот почему звоню: если брат напишет, денег попросит — ни копейки не отправляй ему.

— Разве он не в центре?

Мне ответили не сразу.

Изабель лихорадочно очищала поверхность плиты моющими средствами из России. Перчатки ужасного оттенка зеленого были ей слишком велики.

Мама вновь задышала там, на южной стороне.

— Сбежал неделю назад. С какой-то женщиной из центра. Папа выезжает, чтобы его отыскать.

— Мам...

— Нет, нет, мы в полном порядке. Я только, знаешь, о чем думаю временами? Что он лежит где-то маленький, беззащитный, валяется в грязи и пыли. Я всегда воображаю его не таким, какой он есть сейчас, а мальчиком лет десяти-двенадцати. Как на том видео из поселка, где он играет в футбол с двоюродными братьями. Таким я его вижу и ужасаюсь: вдруг какие-нибудь нехорошие люди потешаются над ним, или бьют его, или обижают его иными способами. Или он не может есть, не может пить, хотя он голоден и испытывает жажду. Иногда мне кажется, лучше бы закончилось все это. Мы бы погоревали, погоревали, но успокоились. А так, в этой безызначности каждый ему враг, каждая минута — тьма и мучение.

Я проснулась в холодном поту.

После моего отъезда на Север брат сбежал из реабилитационного центра и снова начал употреблять. Мой обезумевший отец несколько месяцев искал его в разных городах на Юге России и кое-как нашел в апреле. Без возлюбленной-беглянки.

Самые страшные мысли, которые приходили мне в голову, я перепоручила матери. В ее уста я вложила страх за сына в том виде, в котором он преследовал меня: не издевается ли кто над ним? Не смеется ли над его болезнью? Что, если он и правда хотел пить? Что, если он медленно угасает от жажды? Что, если иногда смерть мягче безысходности, в которой каждый тебе враг и каждый способен нанести тебе непоправимый вред?

Что, если набухший Господень глаз, следящий за тобой столько лет, наконец устал на тебя глядеть и сомкнулся в темном небе?

В начале мая гречанка приходила в ресторан выпить кофе. В тот день дежурили я и Сара. Народу было мало, мы выделили старушке отдельную кабинку и сами время от времени садились рядом и беседовали с ней. Она показывала Саре фотографии детей и внуков. Про самого младшего из потомков она с гордостью говорила:

— По-моему, на меня похож. Глаза точно мои!

— Не могу определять, на кого похожи младенцы. Они похожи исключительно на себя, — признавалась Сара. — И потом, какая разница?

— Я тоже всегда так говорю. Главное, чтобы были здоровы. Посиди с нами, — обратилась ко мне гречанка. — Все равно в зале никого.

— Мне нужно быть у входа и встречать гостей.

— Ты молодец. Сара рассказала мне, как ты ободрила ее в трудную минуту.

— Да. Ты одна из немногих, кто обрадовался моему ребенку. Не знаю, задумывалась ли я о прерывании беременности всерьез, но мне думалось: как было бы все просто, случись что-то само по себе, без моего вмешательства. Пусть все вернется в прежнее состояние, но так, чтобы во всем этом не было моей вины.

— Понимаю, милая, понимаю, — гречанка громко сглотнула. — Мне иногда тоже хочется, чтобы то страшное, о чем я мечтаю, сбылось по Божьей воле, не по моей.

В автобусе я снова читала Уитмена. Сидевший напротив мужчины в годах наклонился ко мне и что-то спросил на норвежском.

— Не понимаю.

— Тоже Уитмена читал в молодости.

Я уткнулась обратно в книгу. От старика пахло вином и деревом, и составами из стоматологического кабинета. Голое темя его было выпачкано крупными каплями крови.

— Ты откуда?

— Из России.

Я отвечала ему, не отрывая глаз от страниц, хотя давно прервала чтение. Во всем отсеке раздавались только наши приглушенные голоса, и дюжина молчаливых норвежцев волей-неволей обратились в свидетелей нашего несуразного разговора.

— И что тебе тут нравится больше всего?

— Природа.

— А еще?

— Архитектура.

Старик фыркнул.

— И ничего больше не привлекло твоего внимания?

Приближалась моя остановка. Я положила книгу в рюкзак и ответила старику:

— Старинные храмы меня удивили. Вместо крестов вы венчаете их черными петухами. У себя на юге я никогда такого не видела.

Старик молчал.

— Почему на шпиле сидит железный петух?

Он виновато приподнял плечи, повернулся к окну и, увлеченный видами ночного города, больше не совершал попыток со мной заговорить.

Было около полуночи, когда я доехала до общежития. В темно-синем корпусе неподалеку дремал Фабио и видел, быть может, норвежскую рыбу на дне замерзшего фьорда. Я разбудила его и попросила вновь стать мне провожатым. Как и в первый раз он смиренно исполнил мою просьбу. Мы шли молча, посторонние люди не встречались нам дорогой, и Фабио спросил на полпути:

— На этот раз ничего не расскажешь про скандинавских богов?

— Я больше не читала о них.

— Сколько желаний ты подготовила?

— Точно знаю только два. Но мне важно, чтобы я озвучила их как можно скорее.

Оставшуюся половину пути мы тоже прошли молча.

Вода вновь разверзлась с ветхозаветным торжеством, и из глубины ее показался силуэт ослепительно-белой рыбы. Фабио почтительно отошел от фьорда и остался дожидаться меня на лужайке у дворца.

— У меня пока только два желания, — начала я. — Можно к тебе с двумя желаниями?

Рыба не отвечала мне.

— Пожалуйста, пусть не сбывается то, что зреет в моей голове и желает стать проявлением Божьей воли. Я тайно желала гибели брату моему. Я тайно желала, чтобы все закончилось. Рыба, не исполняй это страшное желание. Сохрани ему жизнь, норвежская рыба.

Вода до самых берегов наполнилась серебряным светом. С минуты фьорд сиял и переливался, как волшебный камень, силуэт

рыбы померк в ее преобразившихся волнах. Но вскоре свет потускнел, и норвежская рыба вернула себе первоначальные форму и цвет.

— У меня есть возлюбленный на юге. Я все ждала от него вестей. Я ждала, рыба, что он сообщит мне о каком-нибудь несчастном случае, о каком-нибудь недоразумении, которое прервет жизнь его неродившегося младенца. Пожалуйста, не дай сбыться этой приглушенной злой воле моей. Пусть родится младенец и сделает их обоих счастливыми родителями.

С водой случились все те же чудеса. Сначала она до краев наполнилась серебряным светом, затем, когда я вышла обратно на лужайку к Фабио, восстановила целостность и долго еще, почти до самого рассвета отливала серебром.

Третье желание я произнесла у фьорда в одиночестве. Фабио к тому времени был уже в Нанте и не видел моей последней встречи с норвежской рыбой. Вода вновь замерцала и на мгновение обратилась в серебро. Мою просьбу приняли.

9

Последнее желание

Мне всегда хотелось убежать как можно дальше от бабушки и деда. Не дай боже мне перенять их черты. Не дай боже быть уличенной в грехах, которые я с малолетства приписывала этим двоим. Но миновало время, и теперь я, подобно деду, обращаю близких в рабство и, подобно бабушке, в тайне жажду, чтобы незнакомцы возлюбили меня, разносили молву о моем величии, увидели в обстоятельствах моего рождения божественный след.

— Норвежская рыба, не дай тщеславным стремлениям души возобладать надо мною. Я и без того убеждена в собственной исключительности, я и без того пишу о горе, как о надочажной цепи, связывающей меня с Богом напрямую. Слава не просто развратит меня — она меня уничтожит. И если текстам, принадлежащим мне, суждено разлететься по свету, то пусть толпа, чьей любви я так жажду, никогда не узнает моего имени. Держи мое настоящее имя под завесой тайны, норвежская рыба.

Залив, в котором обитает моя покровительница, стал осколком зеркала: вглядываешься в него и видишь поочередно гибель брата, гибель безвинного младенца и лица прародителей, которых ты так и не сумел простить, не сумел примириться с ними.

Я уже нагляделась, милая. Убереги тех, кого я сочла чрезмерными и недостойными жизни, а меня саму убереги от земной славы.

Письмо 10

К осени полечу обратно на юг. Гречанка смеется надо мной и зовет меня птичкой-невеличкой: ты мало ешь, ты летишь в теплые края по наступлении первых холодов. Она намеревалась и дальше бродить со мной по заметенному снегом лесу, размахивать косяю, точно маятником, держать в сильной руке церковную лампаду. Кто теперь вытопчет подол ее синего платья?

Фабио все знает про тебя. Нет, он не подслушивал тогда на берегу фьорда, но между нами, детьми этого странного существа, установилась какая-то особая связь: мы теперь умеем различать всех, кому доводилось встречаться с норвежской рыбой, и порой даже читать мысли ее избранников. Я рассказала ему и про тебя, и про Алана, и про того младенца, который, как мне сообщили мои друзья-южане, появился на свет в начале августа.

Когда-то в юности Фабио пожелал, чтобы жизнь, которую он стремился прожить во всей ее полноте, не оставляла отпечатков на его теле. Он сделался кем-то вроде уайльдовского героя и вел разгульный образ жизни до тех пор, пока не заметил, что все пагубные привычки его, болезни, предназначенные ему, передаются его сестрам и матери. Потому Фабио так бережно относился к своему здоровью, потому не притрагивался к вину и пиву, не становился частью массовых гуляний. Рыба освободила его от бремени, хоть и заставила сознаться в ужасной правде: в глубине души он был рад тому, что не пострадал в полной мере за свою несдержанность. Что увядание не коснулось его тела.

— Разве я причастен к тому, что мать и сестры несут ответственность за поступки мои? Я утешал себя: значит, так надо. Кто-то более мудрый и могущественный решил, что мне нельзя износиться...

— Всю жизнь я был одержим знаками и судьбой, — дополняет он свою историю. — Есть во мне что-то особенное, раз мои слова восприняли всерьез. Я один понимаю и чувствую всю глубину мира. Другим дана лишь треть того, что есть во мне. Я жадно, с упоением искал знаки и дождался главного из них — кто-то другой расплачивается за мой грех, кто-то другой страдает от недуга, предназначенного мне. Заслуженного мной.

— Приезжай во Францию, — говорит он напоследок. — Я тебя познакомлю с сестрами и мамой, которых чуть было не погубил.

О норвежской рыбе он всегда говорит с нежностью, тем же тоном, который использует, упоминая родную мать.

Мне снова встретился тот старик из трамвая, который расспрашивал меня про Уитмена. На этот раз на темени его не виднелось пятен, и пах он влажной землей и цветами. Он узнал меня, остановился и ответил на заданный мной много месяцев назад вопрос: отчего норвежские храмы венчают черными петухами?

На самом деле есть много версий. Но я расскажу тебе ту, которая пришла мне по сердцу. Петух на шпиле отсылает к тому отрывку из Евангелия, где апостол Петр трижды отрекается от Христа, как и было предсказано на Тайной вечере.

— Христиане устремляют взоры на железного петуха и укрепляются в вере, — говорит пахнущий влажной землей старик.

Что бы ты спросил у человека, который трижды предал тебя? С какими словами обратился бы к нему в первую встречу после его громогласного отречения? «Как ты мог! Как посмел ты предать Бога своего! Маловерный трус! Ну, сколько раз тебя спросили обо мне и сколько раз ты открестился от меня?» Я ждала наказания, ждала расплаты, ждала, что Христос обратится к апостолу с укоризненной речью или по крайней мере с короткой притчей о добродетели.

Христос же обращается к апостолу его первоначальным именем — Симоном Он зовет его и спрашивает у Симона трижды:

«Ты любишь меня?

Ты любишь меня?

Ты любишь меня?»

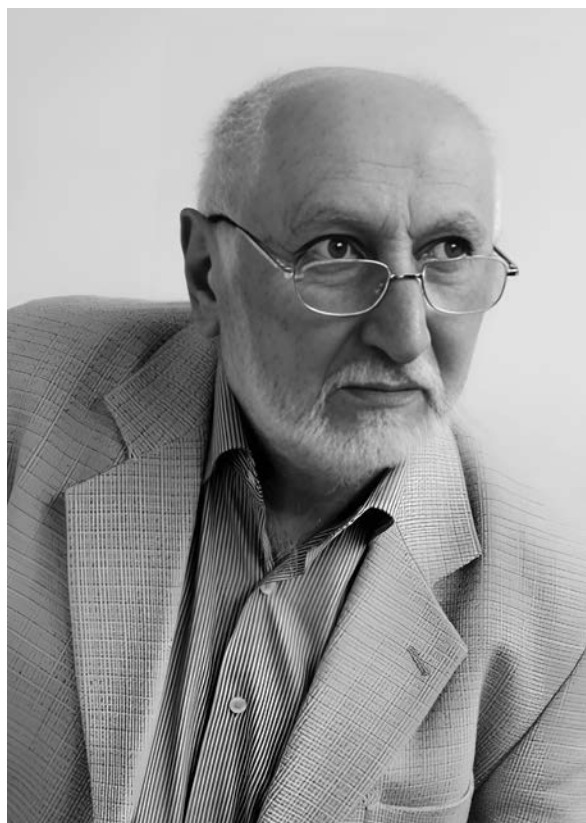

К 70-летию со дня рождения

Казбек МАМУКАЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕГОН

СТИХИ

ОЖИДАНИЕ РАЯ

*Над небом голубым
Есть город золотой...*

Анри Волохонский

Вон изыдьте, черти, бесы —
Во овраги и во рвы,
Поднимайся в Наднебесье,
Колея моей арбы.

Плоть — как старая коряга,
В ней душе опоры нет.
Увези меня из мрака
В ту страну, где — Горний Свет.

Где цветут и луг, и поле,
И в садах царит покой,
Где — лишь Небо Голубое,
Где — лишь Город Золотой.

* * *

*Святую сотворив молитву,
Над нами ангелы поют.*

Фатима Цаголова

Нас рифмы острые клюют,
Тугие строки на пределе,
Над нами Ангелы поют,
За нас молясь в духовном теле.

Я перьев в трепете коснусь
Сих провозвестников создання,
Им грех наносит боль и грусть,
Их греет наше покаянье.

Им вверен вышних сфер устав,
Недуги, немощи им зримы,
Но есть надежда, что, представ
Перед Предвечным, не сгорим мы.

* * *

Жизнь моя, иль ты приснилась мне...

Сергей Есенин

С детских лет подарки я не клянчу,
Для меня и деньги — сор и дым,
На одно лишь сетую и плачу,
Что не буду больше молодым.

Вряд ли сердца пульс захочет биться,
Стоя от души особняком, —
Мне полет во снах все реже снится,
Мне все тяжче двигаться пешком.

Все ж брожу я тропками, дондеже
Икры не стянуло холодком,
Да и очи — юные, все те же,
Что и там, где бегал босиком.

Но теперь я скуп в своих желаньях,
Жизнь моя едва ль приснилась мне.
Солнце понесу ль я в детских дланях,
Проскачу ль на радуге-коне!

Все мы тленны в этом мире бренном,
Только звезд предвечна круговерть,
Будь же, жизнь, вовек благословенна,
В бездне бездн да исчезает смерть!

ДВЕ СВЕЧИ

Памяти Генри и Раисы Кусовых

Сегодня на кануне Пушкинского храма — две свечи. Пусть их теплота согреет души родителей. Они сейчас вместе, как эти свечи...

Олег Кусов

Ангел Божий пречист —
У алтарных у врат, —
Две души, две свечи
Негасимо горят...

В Наднебесной тиши
В Свете тихом сошлись
Две свечи, две души
Неразрывно сплелись.

В Граде Вышнем чиста
И нетленна любовь,
Их омыла Христа
Непорочная кровь...

БОЛЬ ЗАРИ НА ДНЕ СЛЕЗИНКИ

Каменеет боль утраты,
По камням теку рекой,
В каждом утре бьют куранты,
Ночью — гибельный покой.

Песни в плаче смолкли, сникли,
Затаился в горле ком,
Боль зари на дне слезинки
Спит бездомным мотыльком.

На погосте ветер, требы
Совершая, к Богу мчит,

Зашивают раны неба
Обнаженные лучи.

Исцеляют боли сердца
Язвы Бога во плоти,
Вьют тропинку прямо в детство
Вдоль по Млечному Пути.

НОЧЬ

Ночь вдыхает в незримые ноздри
Звуки, запахи, страхи времен,
Из небес обнаженные звезды
Робко прыгают в озеро-сон.

Воды озера тихи и святы,
В них царит несусветная гладь, —
Оживляют их звезды-наяды
Осторожно, чтоб не расплескать.

Лишь вдыхают глубинные чары,
Нисходящие с горнего дна, —
И лелеет их нежно лучами
Восходящими мать-луна.

ГЛАГОЛЫ МОЛНИЙ

Глаголом жги сердца...

Александр Пушкин

...капельками солнца купола...

Никита Брагин

Духовну брань готовят крѳви зовы...
Как водится, о други, исконѳ,
Умчат ли в сечу в сапогах кирзовых
Мои года — солдатики мои?!
Иль грусть ликует, словно из-под спуда
Достав еще горящие углѳ,

Вспорхнут глаголы молний ниоткуда,
Чтоб рифмы-наконечники легли
В свои стези сравнений и метафор,
Как в почву слезы утренней грозы?!
Иль старость моя — дум беспутных автор,
Из пня засохшего взойдет ли свет лозы?!
Иль воссияют ангельские лики,
И, чтоб душа блаженство обрела,
Вдруг обратятся жгучие слезинки
Христовы в золотые купола?!

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕГОН

Я держусь, хоть болезнь подкосила,
Стал стремителен шелест седин,
Я не должен терпеть и не в силах,
Но терплю нисходящую стынь.

Слов лукавых гоню я усладу,
Тщусь последний пройти перегон,
Лишь одно во мне тлеет — я жажду
Прикорнуть у подножья икон.

И молю Тебя — снова и снова:
Не позволь моей жажде остыть,
Дай мне, Господи, Слова Живого —
Всеблаженства — хоть каплю испить.

ПИСЬМА ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ ТОТЫРБЕКА ДЖАТИЕВА

(ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА ПИСАТЕЛЯ)

СОСТАВИТЕЛИ
ЗАРИНА И ХАЗБИ ДЖАТИЕВЫ, МАДИНА ТОТРОВА
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО И КОММЕНТАРИИ
ХАЗБИ ДЖАТИЕВА

Младшая дочь писателя Тотырбека Исмаиловича Джатиева Зарина и внука Мадина Тотрова разобрали семейный архив и с неоценимой помощью заведующей архивом ВГТРК «Алания» Ирины Бегизовой и ее сотрудников систематизировали и оцифровали его.

Среди бумаг отца, бережно сохраненных нашей мамой Дзасоховой-Джатиевой Лидией Васильевной, выпускницей Яснополянского интерната, нашлись письма Константина Симонова, Александра Яшина и других однокашников отца по Литературному институту им. А. М. Горького, который они окончили еще до войны, а после долго и крепко дружили, а также письма его коллег и переводчиков.

Письмо К. М. Симонова от 03.05.1956

Константин Михайлович Симонов (1915–1979) — русский советский прозаик, поэт, драматург, киносценарист, общественный деятель, журналист и военный корреспондент. Герой Социалистического Труда (1974), лауреат Ленинской премии (1974) за трилогию «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются» и «Последнее лето», а также шести Сталинских премий.

Дорогой Тотырбек!

Пишу на перекладных — сегодня улетаю, поэтому прости за краткость.

Во-первых, насчет повести. Для того чтобы как-то практически двинуть дело, я попросил бы тебя прислать эту повесть на родном языке, плюс несколько страниц текста на русском, плюс официальное обращение в издательство с просьбой рассмотреть вопрос об издании этой повести, скажем, на имя Корнева. Все это пришли мне по адресу: Москва, А-55, Новослободская улица, д. 50/52, кв. 51, Нине Павловне Гордон — моему секретарю, с тем чтобы она не затерялась где-нибудь в редакции во время моего отсутствия и попала ко мне.

Что до путевки, то насчет «Сосен» не знаю, удастся ли устроить путевку именно туда, но что-нибудь попытаемся сделать, и напиши письмо в Правление Литфонда (перешли его тоже мне, я сам этим займусь). Хорошо бы приложить к этому заключение врачей. Черкни мне также свои соображения насчет того, что если не «Сосны», то что другое подойдет.

Я сейчас уезжаю в Венгрию, оттуда поеду еще в другое место, в Москву вернусь к 15 апреля и заняться обоими твоими делами смогу только к этому времени, но как приеду, непременно займусь.

Надеюсь, ты на меня не обидишься, если, пока суть да дело, я тебе одновременно с этим письмом переведу немножко денег. Я сейчас при деньгах, так что прошу принять от меня товарищескую услугу со спокойной душой. В общем, свои люди — сочтемся.

Крепко жму твою руку, дорогой. Поправляйся, пожалуйста. В [борьбе] с болезнями, кроме врачей и лекарств, самое важное сила [воли] и вера, а она у тебя, слава богу, есть.

Обнимаю.

4.10.56

Твой Константин Симонов

Министерство связи СССР

ТАЛОН
к переводу по почте

на 3000 руб. коп.

От кого: Шимонов
Варвара Викторовна

Адрес: Москва, ул.
Горького, 19 кв. 63

(шт. места подачи) (шт. мест доставки)

М И Н И С Т Е Р С Т В О С В Я З И С С С Р

Куда г. ОРДЖОНИКИДИ
СО АССР

ул. Пережели, 11 кв. 8

Кому ДЖАТИЕВУ
Тотырбеку Исмаиловичу

Адрес отправителя: Москва, ул.
Горького, 19 кв. 63 К.М. Шимонов

М И Н И С Т Р А Т С В Я З И С С С Р

ПИСЬМА ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ ТОТЫРБЕКА ДЖАТИЕВА

Дорогой Тотырбек!

Пишу на перекладных - сегодня улетаю, поэтому прости за краткость.

Во-первых, насчет повести. Для того, чтобы как-то практически двинуть дело, я попрошу бы тебя прислать эту повесть на родном языке, плюс несколько страниц текста на русском, плюс официальное обращение в издательство с просьбой рассмотреть вопрос об издании этой повести, скажем, на имя Корнея. Все это пришли мне по адресу: Москва, А-55. Новослободская улица д.50/52 кв.61 Няне Навловне Горлон - моему секретарю, с тем чтобы она не затерялась где-нибудь в редакции и попала ко мне во время моего отсутствия.

Что до путевки, то насчет "Сосен" не знаю удастся ли устроить путевку именно туда, но что-нибудь попытаемся сделать, и напиши письмо в Правление Литфонда / перешли его тоже мне, я сам этим займусь/. Хорошо бы приложить к этому заключение врачей. Черкни мне так же свои соображения насчет того, что если не "Сосни" то что другое подойдет.

Я сейчас уезжаю в Венгрию, оттуда поеду еще в другое место, в Москву вернусь к 15 апреля и заняться обоими твоими делами смогу только к этому времени, но как приеду непременно займусь.

Надеюсь ты на меня не обидишься, если пока, суть да дело, я тебе одновременно с этим письмом переведу немножко денег. Я сейчас при деньгах, так что прошу принять от меня товарищескую услугу со спокойной душой. В общем, свои лады - сочтемся.

Крепко жму твою руку, дорогой. Поправляйся, пожалуйста. В безлечиях, кроме врачей и лекарств, самое важное сила духа, а она у тебя, слава богу, есть.

Обнимаю. Твой

Константин
Симонов

4.11.55

Комментарий

Наиболее интересным из всего архива представляется письмо Константина Симонова, полученное отцом в самое тяжелое для семьи время, когда он из-за тяжелой фронтовой контузии позвоночника не мог работать и только лежал на досках под новокаиновой блокадой. Симонов узнал о бедственном положении семьи друга от поэта Александра Яшина (письмо прилагается), с которым отдыхал в Кисловодске. Он тут же выслал отцу весь свой гонорар в 3 000 рублей за только что изданный поэтический сборник, сопроводив его очень теплым письмом и экземпляром книги с посвящением и обещанием помочь отцу в дальнейшем. Не буду говорить, что означала эта дружеская поддержка для нашей многодетной семьи (пенсия отца — военного инвалида была в то время всего 80 рублей). К чести Константина Михайловича, он выполнил свое обещание: когда отец немного поправился, он, как главный редактор «Литературной газеты», заказал ему и опубликовал серию очерков о наших заповедниках.

Письмо Ю. Н. Либединского от 27.05.1948

Юрий Николаевич Либединский (1898–1959) — зачинатель пролетарской литературы, один из руководителей Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), известный писатель, переводчик, журналист и военный корреспондент, автор первого художественного перевода на русский язык «Осетинских нартских сказаний» (1948), повести «Неделя», трилогии «Горы и люди» (1947), «Зарево» (1952), «Утро Советов». Отредактировал книгу Т. Джатиева «Два друга» (М.: Детгиз, 1952).

Дорогой Тотырбек.

Предъявитель этого письма Людмила Третьякова — хорошая журналистка и давний работник Союза писателей. Она — уроженка Дзауджикау и проведет в вашем чудном городе месяца два или три в связи со своими домашними обстоятельствами. У нее есть задания из Москвы, и, судя по характеру этих заданий, они могут быть близки Вашему издательскому сердцу. Может быть, работа Людмилы будет в профиле Вашего издательства, тогда очень прошу, завяжите с ней деловые отношения!

Теперь о наших делах. Рецензию мою на Ваш сборник Вы, наверно, получили, я не хотел посылать ее через Всеволожского (Всеволожного?), которого не знаю, т. к. в рецензии этой содержится суровая критика тов. Домба¹, которого я уважаю, и я не хочу, чтобы эти мои критические замечания могли бы получить широкую огласку.

Свой редакторский долг я, во всяком случае, исполнил добросовестно, и когда Вам потребуется моя помощь — всегда готов ее Вам оказать.

Сейчас я занят по горло сдачей «Нартов» в издательство «Сов. писатель». Идет последняя перед сдачей в набор сверка текста совместно с редактором. Кубади Дмитриевич через Бритаева просил, чтобы экземпляр, вновь отредактированный, был бы Вам выслан на предмет согласования. Сообщите Кубади Дмитриевичу, что это будет сделано обязательно. Я, собственно, оттого и задерживал письмо Вам, что хотел его приурочить к отправке рукописи «Нартов».

Теперь относительно моей книги. Я хотел бы поручить ее сокращение предьявительнице сего письма. Она квалифицированный редакционный работник и справится с этой работой превосходно.

Как с книгой Уруймаговой? Передавайте привет Елизавете Алексеевне — понятно, если она в Дзауджикау. Пусть напишет, сообщит о своих планах.

Рецензию на «Морского джигита» написал. Думаю, что в ближайшее время она будет напечатана.

Мы собираемся к Вам примерно в сентябре, я хочу писать следующую книгу «Горы и люди» — нужно собирать материал и в архивах, и среди живых людей потолкаться и советским воздухом надышаться.

Привет Дабе Мамсурову. Что предполагаете Вы делать с (*неразборчиво*)? Делаете ли подстрочники стихотворного сборника? Я справляюсь в редакции каждый раз, но говорят, что Вы еще не прислали.

Приветствует вас моя Лида, и мы вместе шлем привет Вашей Лиде.

Я обнимаю Вас, дорогой друг, любим и помним!

27/IV–48 г.

Подпись

¹ Имеется в виду Моисей Григорьевич Домба (литературный псевдоним Мусса Хаким) (1896–1966) — живший во Владикавказе писатель-публицист, переводчик, этнограф, антрополог, врач-психоневролог, автор первого комплексного исследования творчества Махарбека Туганова (1962).

Дорогой Шагибей.

Предельно этого письма
Модина Третьякова - маршал
курнашети и давит работни
Союз Писателей. Она - уронена
Звездному и проведет в Вацце
гудине городе месса два, или
три в связи со в своем домашнем
обстановке. У нее есть задания
из Москва - и судя по характеру
эти задания они могут быть близки
Вацце издательскому сяду. Может
быть ~~она~~ работа Модина будет
в работе Вацце издательства, где
покаже свое имя, заботит
с ней лично отличает!
Теперь о иных делах. Революция

на Вашем сборнике
 моего бы интереса и важности, а не могли
 попасть ее через Всесоюзного, про-
 кого не знаю, т.к. в редакции есть
 содержится суровая критика тов. Завиба,
 которого я уважал и мне жму, чтобы
 эти мои критические замечания могли
 бы иметь конструктивную оценку.

Своей редакцией мне и во личном смысле
 истинно доброжелательно и в то же время
 они предупредили меня - всегда
 говорю ей ~~Ваше~~ Вам спасибо.

Сейчас и живу по тому адресу
 "История" в издательстве "Сов. писатель".
 Идет подготовка перед собой в издательстве
 серия статей совместно с редактором.
 Кубарь Дмитриевича через редактора
 из Брестова просят, чтобы выхит
 из него было определено бы бы
~~Ваше~~ Вам спасибо и кредит.

Согласовали. Сообщите Кубату
Димуриеву, что это будет сделано
отвественно. Я совершенно этого и
задерживая письма Ваши, что хотел
его прикрепить и отправить ружьями
"Коргов".

Меня очень приятно имеет письма.

Я хотел бы прикрепить к сокращенным
предварительным своим письмам. Они
квалифицированы радостью и трудом работ-
ники и ~~исполнены~~ с тем же трудом и че-
ловечески.

Как с именами Гурджиева? Передайте
письма Гурджиева Алексее - товарищу моему
или в Дзюджинскую. Пусть напишет, сооб-
щит о своем имении.

Решили и Морисом Димурием написать.
Думно, что в Гамбургском Крае она будет
исполнена.

Итак как сообщается к Вам
примерно в сентябре, а Хому

имея международную книгу "Тора и Люди",
 — много собираю. материал и в от
 архивах и среди писавших людей
 по возможности и советами в будущем
 надеюсь.

Привет Дезде Мамсурову. Это предполо-
 жение Вы делаете с собственником. Делаете
 ли подстроилим сфинктерного боркина?
 Я справляюсь в редакции кембы про, но
 вероятно, что Вы еще не успели.

Приветствует Вас Павел Лиде
 и не забудьте узнать привет
 Вам же Лиде.

Я обнимаю Вас дорогих друзей, ~~и~~ любя
 и много!

27
 782. W. J. J. }

Комментарий

Самыми близкими и надежными друзьями Тотырбека Джатиева и его семьи были Юрий Николаевич Либединский и его жена Лидия Борисовна Либединская (Толстая). Юрий Николаевич, будучи хорошо знаком с первым председателем Союза писателей СССР Александром Фадеевым, помог Джатиеву при поступлении в Литинститут.

В сложные для Юрия Николаевича послевоенные годы, во время репрессий после убийства театрального режиссера Соломона Михоэлса, Т. И. Джатиев сумел вывезти его семью из Москвы в Северную Осетию, организовать их быт в санатории у поселка Редант и, главное, как директор Северо-Осетинского книжного издательства привлечь его к работе над первым на Северном Кавказе художественным переводом осетинского Нартского эпоса. Этот эпизод из жизни писателя подробно описан Лидией Толстой в послесловии «Таким я помню Тотырбека Джатиева» к книге «Сабельный звон» (М.: Советский писатель, 1986).

Письмо А. Я. Яшина от 05.03.1956

Яшин Александр Яковлевич (1913–1968) — русский советский прозаик, поэт, журналист и военный корреспондент. Лауреат Сталинской премии (1950).

Дорогой Тотырбек!

До свидания! Сейчас уезжаем в Москву. Если вернусь в Кисловодск, то на машине, и тогда, возможно, побываю в Орджоникидзе.

Меня почему-то очень беспокоит, получил ли ты мое письмо с запиской К. Симонова и в отдельном конверте его книжку с надписью автора. Черкни в Москву.

Привет Лиде от обоих.

Обнимаем тебя.

5 марта 1956 г.

Кисловодск

Подпись

Дорогой Мотырек!

До свидания! Сердце уезжая
в Москву. Если вернусь в Кизилорда,
то на машине и рюкзак, конечно,
побываю в Ордубадидзе.

Мне только во всех секретарях,
получил ли что мое письмо

с запиской Н. Симонова и

в отдельном конверте его письма

с надписью автору. Заранее спасибо

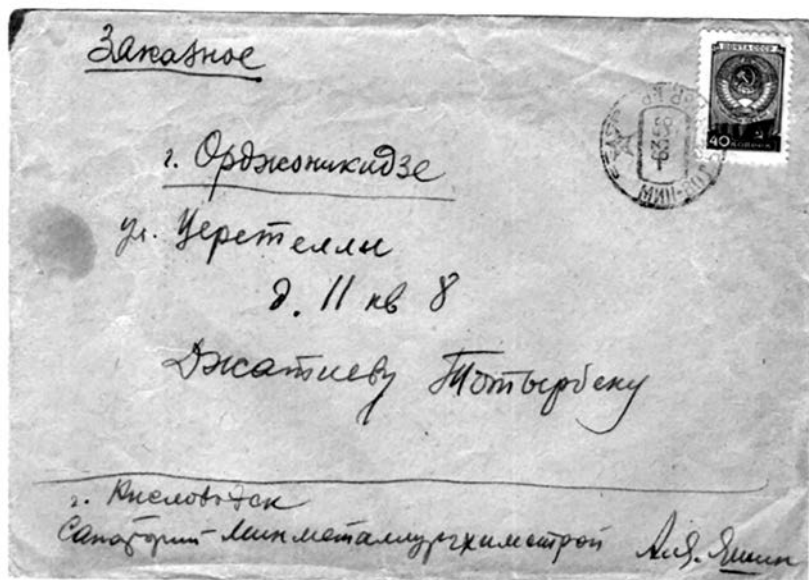
и надеюсь на ответ.

Внимаю тебе.

5 февраля 1956 г.

Кизилорда.

Мусаамбаев

Комментарий

А. Я. Яшин и его жена Злата Константиновна также входили в круг самых близких и верных друзей Т. И. Джатиева и Лидии Васильевны. Дружили они со студенческой скамьи и до ухода поэта из жизни. Они тепло общались в Москве и на переделкинской даче Яшина. Часто после отдыха и лечения в Кисловодске Яшины с радостью и удовольствием приезжали на пару дней в Орджоникидзе погостить у семьи Джатиевых.

Письмо С. С. Смирнова от 23.11.1949

Смирнов Сергей Сергеевич (1915–1976) — советский писатель, историк, редактор, радио- и телеведущий, общественный деятель. Лауреат Ленинской премии за книгу «Брестская крепость» (1964).

Москва, 23.11.49

Дорогой Тотырбек!

Извини, что долго не отвечал, но я сижу сейчас на месте Коломейцева, который очень опасно болен (видимо, рак желудка).

Работы поэтому больше чем по горло, и даже вечера уже не мои, а издательства — своего уже несколько месяцев не пишу.

Надеюсь, что мы еще встретимся с тобой в Воениздате как редактор с автором. Повесть о Плиеве нас, конечно, будет интересовать.

Отдыхал я в Крыму в Алушке, но отдыхал не очень важно и жалел, что не воспользовался твоим приглашением в Осетию. Но в общем тяну. Из наших интересных новинок могу похвастаться романом «Переяславская рада» Натана Рыбака, который впервые появился в русском переводе под моей редакцией. Прочти — интересно. Роман этот о Богдане Хмельницком. Уже выдвинут на Сталинскую премию и, вероятно, ее получит.

Сейчас работаю над «Даурией» Седых. В декабре запускаем в производство Казакевича. Кое-что нового дадим по плану 1950 года.

Кстати, я слышал очень хорошие отзывы о повести «Осетины» (не помню автора). Есть ли в природе обе части этой вещи и можно ли их у вас в Осетии достать? Черкни, если не будет трудно.

В Москве второй день настоящая зима, хотя снега маловато. У вас-то, конечно, солнце. Завидую!

Черкни пару строк в свободное время. Будем держать связь.

Горячо приветствую тебя и жму руку.

Твой С. Смирнов

Москва 23.11.49

Дорогой Татырбек!

Извини, что долго не
отвечал, но из-за сурьезной
на месте Коллемеяева, ко-
торый очень опасно бо-
лен (видимо рак желудка).
Работы поэтому больше
там по горю и даже
вечера уже не могу
а издательства - своего
уже несколько меся-
цев не пишу.

Надеюсь, что мы еще
встретимся с тобой
в Воениздате как ре-
дактор с автором. Надеюсь
о Пилеве нас конечно,
будет интересоваться.

Отдыхал в Кзылу
в Алушке, но отдыхал
не очень хорошо и жа-
лел, что не воспользо-
вался твоими пригла-
шениями в Осетию. Но
в общем тыну. Из на-
ших интересных нови-
нок могу похвастаться
романом "Переиздательская
раба" Натана Рыбака, кото-
рый впервые появился

В русском переводе под
моей редакцией. Про-
ги - интересно. Роман
этот о Бойдане Хмельниц-
ком. Уже выдвинут на
Сталинскую премию
и вероятно ее получит.
Сейчас работаю над
"Друзьями" Седых. В декаб-
ре запускаем в про-
водство Казакевича.
Кое что нового да-
дим по плану 1950 года.

Кстати, в смысле
очень хорошие отзывы
о повести "Остиния"
(не помню автора). Есть
ли в природе обе гости
этой весны и можно
ли их у вас в Остии
достать? Теркии если
не будет трудно.

В Москве второй
день настала ужас зима,
хоть снега маловато. У
вас то конечно, солнце.
Завидую!

Теркии пару строк в
свободное время. Будем др-
жать ^{свободу} и горячо приветствовать тебя
и твою речку твою @Ширин

Письмо А. И. Мусатова 03.05.1956

Алексей Иванович Мусатов (1911–1976) — русский советский писатель, переводчик. Лауреат Сталинской премии за повесть «Стожары» (1948). Перевел вместе с Лидией Либединской роман Т. Джатиева «Горная звезда» (М.: Советский писатель, 1962; Современник, 1973).

2 мая

Дорогой Тотырбек!

Очень прошу тебя 5 мая ко мне не заезжать — меня в Москве не будет.

Заезжай 6 мая к 6:30–7 часам в Союз писателей (ул. Воровского, 50), я там буду на совещании с работниками кино. А еще лучше приезжай на Беговую 10 мая утром (в 9–9:30).

К 10 мая я тебе передам перевод главы «Судьбы, судьбы людские...».

Жму руку.

А. Мусатов

ПИСЬМА ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ ТОТЫРБЕКА ДЖАТИЕВА

2 мая

Дорогой товарищ!

Очень прошу тебе 5 мая
никуда не выезжать - меня
в Москве не будет.

Завезишь ~~книжки~~ 6 мая
к 6³⁰-7 часам в Союз
Писателей (уч. Воровского, 50)
и там буду на совещании
с редакторами кино. А еще
лучше прийти на бульвар
10 мая утром (с 9-9³⁰).

К 10 мая я тебе передаю
перевод твоя "Судьба, судьба
людишек..."

Улыну пишу

А. Лукацкий

Письмо Н. С. Атарова от 04.11.1957

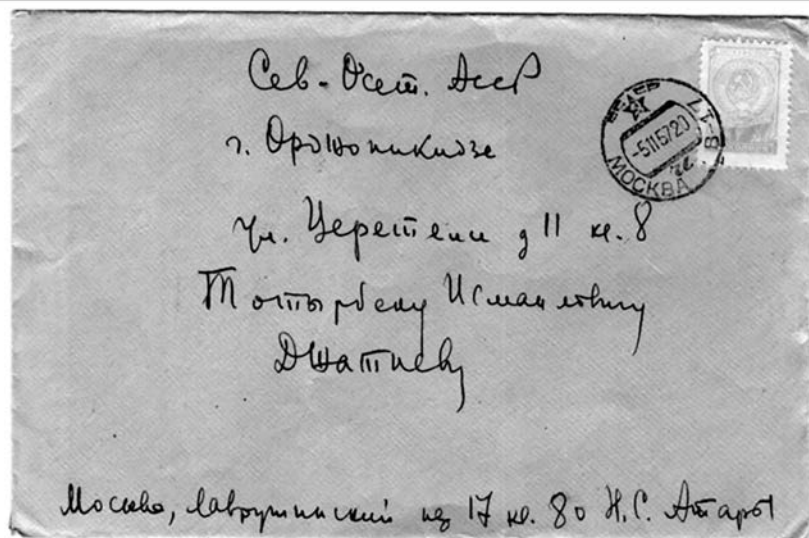
Николай Сергеевич Атаров (1907–1978) — русский советский прозаик, переводчик, редактор, фронтовой корреспондент. Первый главный редактор журнала «Москва», автор «Повести о первой любви» (1959), по которой снят одноименный фильм. Перевел книгу повестей и рассказов Т. Джатиева.

Дорогой Тотырбек!

Не писал тебе, ожидая решения судьбы твоего рассказа, отправленного мною по кругу редколлегии. А сейчас уже не могу задерживать ответ — три дня, как я не редактор «Москвы», а снова свободный художник за своим собственным грубоструганным письменным столом.

Рассказ твой понравился мне не во всем — лучшая его часть, как ни странно, — московская. Что касается Осетии, то удивительное дело: нет в рассказе твоих собственных красок, бледновато, застенчиво...

Прислал ты поздно, когда праздничный номер уже находился в производстве. Поэтому сейчас читают применительно к № 1. Рукопись находится у зам. глав. редактора Бориса Сергеевича

Дорогой Шатирбек!

Не писал тебе, ожидая решения судьбы
твоего рассказа, отобранного мною по кругу
редколлегии. Я сейчас уже не могу задерживать
тебя — приди, как я и редактору "Москвы", а
сама свободный художник за своим собственным
кругооборотами письменных строчек.

Василий твой похвалился мне и со своим —
лучшая его часть, как и страна — московская.
Про качества Верги, — про удивительные вещи: как в рассказе
твоем собственная часть, фидовато, захватывающе...
Пришла это поздно, когда ты уже был по-
мер уже издался в тылу. Позже сейчас издал
ты и манерно к Ш. Вулице издался у зам
на редактора — Татьяна Сергеевна Изгумова. А
главный редактор — Э. Володина — еще и не была
в Москву.

Может с тобой и можно дружить ради твоего
за меня или отработки. Того же времени отоб-
решь, дорогой к тебе, рассказ тебе от меня подхо-
дит и сейчас можно. Про качества тебе — а ты —
лучше всего отписывайся в своей посылке: как ты
бы дума.

С любовью от меня тебе всех и всего подал —

нам с маленьким сыночком.
Очень хочется и побороться по школьным вопросам и
взрослым учителям в родной школе и всем учителям, которые
идут в школу Шадрона и стараются улучшить школу
и сделать школу хорошей школой, а не просто
школой. Хотелось бы из школы перебраться
и учителям, но в школе в Комсомольске по этому
своему делу. Так же еще не все понятно!

Уважаемый

Тотырбек, Да и

Николай

4 ноября 1957г.

Евгеньева. А главный редактор — Е. Поповкин — еще и не прибыл в Москву.

Можете с Лидой и моими друзьями радоваться за меня или огорчаться. Богатый жизненный опыт твой, дорогой земляк, позволит тебе выбрать подходящую к случаю эмоцию. Что касается меня — я придерживаюсь оптимистической русской поговорки: нет худа без добра.

Сердечно обнимаю вас всех и горячо поздравляю с Великим праздником.

Очень хотел бы побродить по знакомым улицам и вдруг увидеть в родном небе новое светило, возникшие где-то в стороне Шалдона и стремящееся прямехонько через седловину Столовой горы в Грузию.

Недавно позвонили мне из Оргкомитета РСФСР и известили, что я включен в Комиссию по осетинской декаде. Так что еще не все пропало!

Целую.

Твой, Ваш (?) Ник. Атаров

4 ноября 1957 г.

Комментарий

Николай Атаров родился во Владикавказе, окончил гимназию № 5 и литературный факультет Горского педагогического института.

Почтовая карточка Е. А. Долматовского от 27.12.1946

Евгений Аронович Долматовский (1915–1994) — русский советский поэт, автор текстов многих известных песен, военный корреспондент.

11.01.48

Дорогой Тима, получил деньги за «Созвездие». Спасибо. Очень прошу тебя выслать мне несколько экземпляров книги — ведь я ее еще не видел!

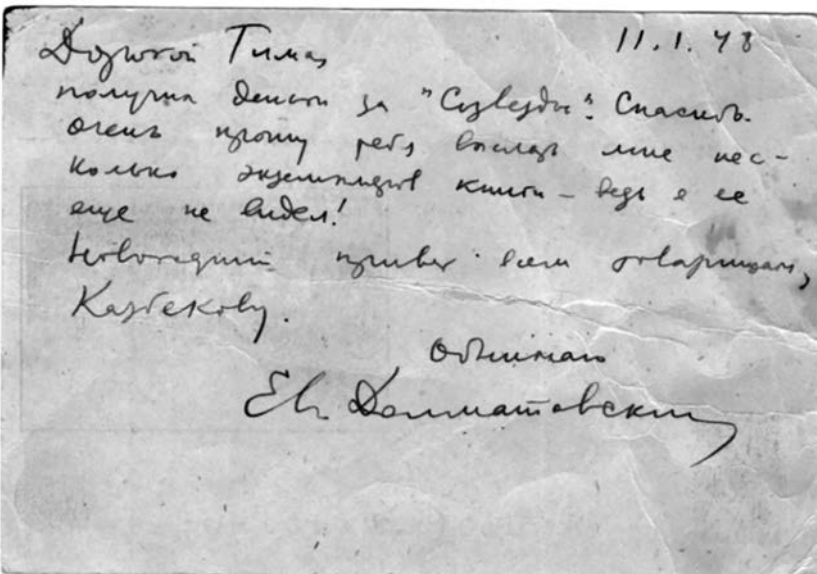
Новогодний привет всем товарищам, Казбекову.

Обнимаю.

Евг. Долматовский

ПИСЬМА ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ ТОТЫРБЕКА ДЖАТИЕВА

Комментарий

Е. А. Долматовский ушел на войну с белофиннами в составе добровольческого батальона Литинститута, в котором Тотырбек Джатиев был комиссаром.

Никита КРИВЦОВ

ГЛЯДЯ НА ТЕРЕК,
ВСПОМИНАЛИ СЕВЕР

Автопортрет А. С. Пушкина, сделанный им во время поездки
на Кавказ в 1829 году

Как это бывает, да и не раз бывало с досконально изученными произведениями великих авторов, буквально в одном-двух абзацах, даже в паре строк можно найти что-то новое, то, что может стать предметом исследования или, как минимум, пролить новый свет на, казалось бы, известные факты.

Это относится и к описанию Пушкиным его путешествия по Военно-Грузинской дороге.

Дарьял

«...Кавказ нас принял в свое святилище. Мы услышали глухой шум и увидели Терек, разливающийся по разным направлениям. Мы поехали по его левому берегу. Шумные волны его приводят в движение колеса низеньких осетинских мельниц, похожих на собачьи конуры. Чем далее углублялись мы в горы, тем уже становилось ущелие. Стесненный Терек с ревом бросает свои мутные волны чрез утесы, преграждающие ему путь. Ущелие извивается вдоль его течения. Каменные подошвы гор обточены его волнами. Я шел пешком и поминутно останавливался, пораженный мрачною прелестию природы. Погода была пасмурная; облака тяжело тянулись около черных вершин».

Описание Пушкиным Дарьяльского ущелья стало едва ли не хрестоматийным, да и сам Дарьял — на пороге Закавказья — занял знаковое место не только в литературе, но и как рубеж — и природный, и культурный. Для Пушкина, который до этого не покидал пределов России, Дарьял стал первым знакомством с горным Кавказом — с новой природой, новыми людьми, новыми обычаями.

«Путешествие в Арзрум», как и практически все пушкинское наследие, изучено едва ли не под микроскопом. Но все-таки две

последние строчки абзаца — посвященного как раз описанию поездки через Дарьяльское ущелье — заслуживают внимания.

Я не претендую на то, что открою Америку для пушкиноведов — большинство фактов известно специалистам, но, собранные вместе, они едва ли публиковались ранее...

Итак: «Граф Пушкин и Шернваль, смотря на Терек, вспоминали Иматру и отдавали предпочтение реке, на Севере гремящей. Но я ни с чем не мог сравнить мне предстоявшего зрелища».

Чем интересны эти строки и чем привлекли мое внимание? В них упоминаются две весьма примечательные личности, а фраза о «реке, на Севере гремящей» породила некоторые недоразумения и вопросы.

Спутники поэта

Граф Пушкин — это Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин, дальний родственник поэта. А Шернваль — это барон Эмилий Карлович Шернваль-Валлен, брат жены Мусина-Пушкина.

Александр Сергеевич, следовавший через Владикавказ и Тифлис в Арзрум, по пути, в Новочеркасске, случайно встретил графа Мусина-Пушкина, ехавшего по месту службы в Тифлисский пехотный полк, куда его перевели в начале 1829 года. Подпоручиком того же полка был и Эмилий Карлович, так что немудрено, что они с Владимиром Алексеевичем выехали на Кавказ вместе.

С ними от Новочеркаска до Тифлиса и следовал Пушкин, помня их, когда говорил о Тереке в Дарьяльском ущелье. Он расстался с Мусиным-Пушкиным и Шернвалем всего на один день в Георгиевске — там у Пушкина появилось желание посетить Горячие Воды (ныне город Пятигорск), где за девять лет до этого он отдыхал с семьей генерала Раевского. Оставив своих попутчиков, поэт вернулся из курортного городка лишь поздно ночью.

Еще одна занятная подробность. От станции Екатериноградской, где начиналась Военно-Грузинская дорога, путешественники ехали в сопровождении казачьего конвоя. На подъезде к военному посту Ардонскому (ныне город Ардон в Северной Осетии), на территории некогда существовавшего там средневекового селения, их внимание привлек одинокий минарет, оставшийся от соборной мечети.

Прочитируем еще раз Пушкина: «...Он стройно возвышается между грудами камней, на берегу иссохшего потока. Внутренняя лестница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, с которой уже не раздается голос муллы. Там нашел я несколько не-

известных имен, нацарапанных на кирпичах славолюбивыми путешественниками».

А в черновиках «Путешествия в Арзрум» это описание дополняют любопытные строчки: «Суета сует! Граф последовал за мною. Он начертал на кирпиче имя ему любезное, имя своей жены — счастливец, а я — свое. Любите самого себя, любезный мой читатель...»

Граф Пушкин, барон Шернваль и его сестры

И вот тут самое время рассказать поподробнее уже не столько о спутниках Александра Сергеевича, сколько об их семьях. Ибо они вполне заслуживают того.

Граф Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин (1798–1854) — сын коллекционера, собирателя автографов, открывшего «Слово о полку Игореве», Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. За его причастность к декабристам был сослан в Финляндию, где проходил воинскую службу. Там граф и познакомился с семьей Шернвалей, финляндских шведов, входивших в число местной знати.

Это уже знакомый нам Эмилий Шернваль (1806–1890) и три его сестры: Аврора (1808–1902), Эмилия (1811–1846) и Александра (Алина) (1812–1850). Все они были неординарными личностями, а Аврора и Эмилия вообще стали знамениты и были любимы многими — причем не только в Финляндии, но и в России. Все они родились в Бьернеборге (нынешнем Пори). Их отцом был Карл Юхан Шернваль, занимавший высокое положение в администрации Великого княжества Финляндского, а мать — баронесса Ева Густава фон Виллебранд (дальняя родственница шведского короля Густава I).

Когда Выборгская губерния в 1812 году была вновь присоединена к Финляндии, Карла Юхана Шернвала назначили ее первым губернатором. Семья Шернвалей переехала в Выборг.

Карл Юхан Шернваль умер в 1815 году. Его преемник — губернатор, член Комиссии финляндских дел, статский советник Карл Юхан Валлен — в следующем году стал супругом 32-летней Евы Шернваль и хорошим отчимом для ее детей. Фон Валлен перевез семью в Хельсинки.

От подпоручика до статс-секретаря

Барон Эмилий Карлович Шернваль-Валлен, учившийся в университете в Турку, начал затем военную карьеру в базировавшемся

в нынешней Лаппеэнранте (тогда Вильманстранде) знаменитом Вильманстрандском пехотном полку, в котором служили многие представители финляндской знати. Оттуда его, подпоручика, и перевели на Кавказ — там-то его и встретил Пушкин по дороге в Тифлис. В 1830 году в качестве офицера Генерального штаба он состоял при фельдмаршале графе Паскевиче-Эриванском и затем, через два года, был переведен в лейб-гвардии Павловский полк. В 1836 году Эмилий Шернваль подал в отставку и, перейдя на гражданскую службу, был назначен чиновником особых поручений при статс-секретаре Финляндии.

И на гражданской службе он делал успешную карьеру, дослужившись до самых высоких чинов у себя на родине и став весьма заметной политической фигурой. В 1840 году Эмилий Шернваль получил звание камер-юнкера и был назначен чиновником особых поручений при августейшем попечителе Гельсингфорсского университета, наследнике цесаревиче Александре Николаевиче. Три года спустя он получил должность секретаря Гельсингфорсского университета, а в 1854 году состоял чиновником особых поручений при финляндском генерал-губернаторе, причем получил чин действительного статского советника.

Еще через год Эмилий Шернваль получил звание камергера, в 1857 году был назначен товарищем министра статс-секретаря Финляндии, а в 1861 году, произведенный в тайные советники, он был назначен статс-секретарем Великого княжества Финляндского. В 1881 году Эмилий Карлович вышел в отставку и спустя девять лет умер в Гельсингфорсе (сейчас Хельсинки).

Вот такую головокружительную карьеру сделал спутник Пушкина, с которым поэт лицезрел Терек в Дарьяльском ущелье!

Самая младшая из сестер Эмилия Шернваля Александра (Алина) вышла замуж за португальского посла в Петербурге, представителя графского рода Жозе Маурисиу Коррейя Энрикиша, с которым позже уехала в Португалию.

Но более известны две другие сестры спутника поэта. Аврора и Эмилия были украшением своей эпохи, они вращались в самых блестящих кругах Петербурга и не раз общались и с Пушкиным.

Старшая из них, Аврора, блистала и была знаменита как в России, так и в Финляндии, где известна под фамилией своего второго мужа как Аврора Карамзина и где прославилась и стала любима благодаря благотворительской деятельности. Она и по сей день остается одной из самых почитаемых женщин страны.

Княгиня Демидова, Аврора Карамзина

Аврора была чудо как хороша: тонкие черты лица, бледная матовая кожа, огромные карие глаза, опущенные длинными ресницами, — однако молчалива и нерасторопна. Среди красивых сестер Шернваль Аврору считали самой очаровательной и изысканной по своим манерам. У нее было много поклонников как среди молодых дворян на родине, так и среди русских офицеров. Семья пророчила ей блестящее будущее.

Как-то на одном из гарнизонных балов юная Аврора увидела двух русских офицеров — корнета Александра Муханова, адъютанта генерал-губернатора, и будущего замечательного поэта Евгения Баратынского. Баратынский пленился юной финкой, и эта встреча навсегда была запечатлена в стихах. Позднее их положил на музыку великий Глинка — так родился романс «Не искушай меня без нужды». Девушка же без памяти влюбилась в красавца-корнета.

В 1832 году Аврору представили императрице Александре Федоровне, жене Николая I. Вскоре после этого ее приняли ко двору фрейлиной, что давало красавице определенный материальный и социальный статус. В Петербурге случай снова свел Аврору с Мухановым, которому его соперник Баратынский писал:

*Что скажет другу своему
Любовник пламенный Авроры?
Сияли ль счастьем ему
Ее застенчивые взоры?*

Обоюдная симпатия быстро привела к обручению. На 22 августа 1834 года в Гельсингфорсе была назначена свадьба. Но их брак не состоялся — Муханов умер от пневмонии...

Авроре шел уже двадцать седьмой год, когда в доме своей сестры она познакомилась с князем Павлом Николаевичем Демидовым, одним из самых завидных женихов России, уральским заводчиком-миллионером, известным коллекционером, любителем антиквариата. Так в 1836 году Аврора стала Демидовой.

Брак был счастливым, но, увы, недолгим. В 1840 году, через полгода после рождения сына, Павел Демидов скончался от болезни легких.

После смерти мужа Аврора Демидова живет то в Гельсингфорсе, то в Петербурге. Шесть лет она не снимает траурного платья. Аврора посвящает себя воспитанию маленького сына и заботам о большом хозяйстве покойного мужа. А это почти миллион

десятин земли, уральские рудники, шахты, медные и железные заводы, пятнадцать тысяч крепостных душ...

Светская красавица, желанная гостя в литературных салонах двух столиц едет на Урал и становится прекрасным руководителем. Первой из рода Демидовых она обратила внимание на нужды заводских рабочих: построила богадельню, родильный дом, несколько школ и детский приют, создала специальный фонд, деньги из которого шли на материальную помощь пострадавшим от несчастных случаев.

Авроре Карловне было около сорока, когда ей в 1846 году руку и сердце предложил полковник, адъютант графа А. Ф. Орлова Андрей Николаевич Карамзин (1814–1854), сын знаменитого историографа государства Российского и писателя и сам человек незаурядный. Всю жизнь он следовал устному завету своего отца, утверждавшего, что «служить Отечеству любезному, быть нежным сыном, супругом, отцом, хранить, приумножать стараниями и трудами наследие родительское есть священный долг моего сердца, есть слава моя и добродетель».

Восемь лет брака казались потом Авроре счастливым сном, одним прекрасным мгновением. Однако в мирный дом Карамзиных постучала Крымская война. Вышедший к тому времени в отставку Андрей Николаевич посчитал своим долгом вернуться в армию. Он получил назначение в Александрийский гусарский полк, дислоцировавшийся в Малой Валахии, где и погиб в сражении против турок 16 мая 1854 года.

Спасение от постигшего ее горя Аврора Карловна находила в воспитании сына — Павла Демидова, племянников и племянницы, а также в общественной деятельности, сосредоточившись на благотворительности. Она активно занималась делами Института сестер милосердия, который был открыт в Гельсингфорсе в 1867 году, в самый разгар голодных лет. Своих помощников Аврора Карловна посылала знакомиться с условиями жизни просителей, дабы подготовить предложения, чем им можно помочь. Ближе всего ее сердцу были женщины, стремившиеся получить образование. Для девочек из сельской местности, приезжавших в Гельсингфорс на работу, она организовала дом прислуги, а в своем имении под финской столицей построила конюшню и постоянный двор для сельских жителей, приезжавших на рынок. До самой старости Аврора Карамзина посещала по праздникам народную школу в своем имении и раздавала лучшим ученикам стипендии и награды.

Когда она со временем отошла от дел, семья первого мужа Демидова стала выплачивать ей пожизненную пенсию. Большую ее

часть Аврора по-прежнему расходовала на благотворительные цели.

Аврора Карловна Демидова-Карамзина скончалась 13 мая 1902 года. Когда ее провожали на кладбище Гельсингфорса, среди огромного количества цветов был и венок от Николая II. А гроб несли потомки старых ее друзей, в том числе будущий маршал и глава Финляндии Карл Густав Маннергейм.

Графиня Эмилия

Не менее выдающейся женщиной была и Эмилия Шернваль. Она первой из сестер обрела семейное счастье.

В Гельсингфорсе она влюбилась в ссыльного капитана графа Владимира Мусина-Пушкина. И в мае 1828 года прелестная белокурая 18-летняя Эмилия стала его женой.

Но вскоре после свадьбы графу Мусину-Пушкину пришлось оставить жену и проследовать на Кавказ... Где он в компании брата своей жены и дальнего родственника — великого поэта любовался суровыми красотами Дарьяла.

В 1831 году графу разрешили вернуться домой, и в Петербург он приехал вместе с женой и Авророй. Именно тогда художник Г. Г. Гагарин запечатлел Пушкина и чету Мусиных-Пушкиных на одном из рисунков, хранящихся в собрании Государственного Русского музея. А Михаил Лермонтов (который по невероятному совпадению тоже свяжет свое творчество с Кавказом и тоже оставит прекрасные описания Военно-Грузинской дороги) писал тогда об Эмилии:

*Графиня Эмилия
Белее, чем лилия.
Стройней ее талии
На свете не встретится,
И небо Италии
В глазах ее светится.
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.*

Но, как и ее старшая сестра, Эмилия не превратилась в одну из «салонных» дам, посвятивших свою жизнь лишь светским забавам. То, с чем она познакомилась в своей семье, живя с сестрой Авророй в усадьбе Тресконда под Гельсингфорсом, — общение с местным приходом и благотворительность, оказываемая семьям безземельных крестьян, — она распространила и на самые далекие деревни в Ярославской губернии, принадлежавшие ее мужу.

Дочь Владимира и Эмили, Мария Мусина-Пушкина (1840–1870), в замужестве Линдер, унаследовала от своих родителей свободолобивый нрав и передовые взгляды. Мария Линдер была настоящей эмансипе — ездила верхом в мужском седле, пила пиво и ходила одна в рестораны. В 1863 году во время визита Александра II в Гельсингфорс она осмелилась обратиться к нему с предложением о введении в стране свободы вероисповедания. Поклонница Жорж Санд, она была одной из первых писательниц и феминисток Финляндии.

Сын графини Марии Мусиной-Пушкиной и барона Константина Линдера, богатейшего финляндского заводчика-аристократа, Ялмар Линдер (1862–1921) был не менее примечательной фигурой. Он унаследовал от матери передовые взгляды и независимый нрав — для своих рабочих он ввел восьмичасовой рабочий день, гарантировал социальное обеспечение, платил за них налоги. Ялмар водил дружбу с великими князьями и после революции пытался выкупить четверых великих князей, оказавшихся в руках большевиков. А женат он был на Софи Маннергейм, сестре Карла Густава Маннергейма.

Имя бабушки Ялмара Линдера и выцарапал граф Мусин-Пушкин в компании поэта на минарете у Военно-Грузинской дороги...

«Реке, на Севере гремящей...»

Туда, на Военно-Грузинскую дорогу, где великий поэт в компании Владимира Мусина-Пушкина и Эмилия Шернвалля восхищался дикой красотой Дарьяльского ущелья, мы и вернемся.

Описывая впечатления от Терека и его сравнение спутниками поэта с водопадом Иматра в Финляндии, Пушкин использует слова Державина из оды «Водопад».

Но тут важно заметить: Державин посвятил эту оду не Иматре, у которой никогда не был, а другому водопаду — Кивачу в Карелии (сегодня до него час езды от Петрозаводска).

В мае 1784 года указом Екатерины II Г. Р. Державин был назначен правителем вновь образованного Олонецкого наместничества. Летом 1785 года он отправился знакомиться с вверенным ему краем, проехав на лошадях и лодках около двух тысяч километров. Результатом инспекционной поездки стала его «Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным», а позднее образы Карелии вошли в творчество поэта: стихотворения «Буря», «Лебедь», «Ко второму соседу», «На Счастье», «Водопад».

Во время той поездки в июле 1785 года Державин и побывал на водопаде Кивач на реке Суна, который произвел на него сильное впечатление: из-под его пера вылилась величественная и поэтическая ода «Водопад». Для Державина водопад символизирует вечность, он отождествляет его с Потемкиным и со всеми земными владыками, «водопадами мира». Последние строки оды посвящены реке Суне:

*И ты, о водопадов мать!
Река, на Севере гремяща.*

Но вот что интересно: то ли Пушкин, никогда не бывавший ни в Карелии, ни в Финляндии («Но я ни с чем не мог сравнить мне предстоявшего зрелища»), спутал два водопада и оду Державина посчитал посвященной Иматре, то ли просто использовал знакомую строку заметившего и благословившего его поэта безотносительно конкретного места, а как образ. И мы со стопроцентной уверенностью на этот вопрос ответить не можем.

Примечательно, что почти в то же время, когда Пушкин лицезрел бушующий в теснине Терек и слышал от Мусина-Пушкина и Шернваля сравнения с Иматрой, летом 1829 года поездку на этот финский водопад совершили хорошие знакомые поэта — барон Дельвиг, Анна Керн, а также композитор Глинка и литератор Орест Сомов (1793–1833). Позже Керн и Сомов опубликовали свои воспоминания об этой поездке, причем сомовские вышли в «Литературной газете» спустя год, и Пушкин, скорее всего, читал их...

Хотя практически во всех изданиях «Путешествия в Арзрум» в комментариях указано, что державинская строка о «реке, на Севере гремящей» относится к Кивачу, и сегодня в некоторых публикациях можно найти ошибочные отсылки к водопаду Иматра...

Например: «Дело в том, что у Шернвалей на юге Финляндии было имение в местечке Иматра, известном своими порожистыми водопадами. Об их неутомимой мощи сказал Гаврила Державин в оде «Водопад»».

Так несколько строк из «Путешествия в Арзрум» Александра Пушкина дают возможность рассказать о стольких незаурядных людях, и прояснить до сих пор бытующие неточности, и исправить ошибки.

Тамерлан САЛБИЕВ

ЮНЫЕ ГЕРОИ
В ПОЭЗИИ
КОСТА ХЕТАГУРОВА:
МОТИВ ПРОБУЖДЕНИЯ

В оформлении использован кадр из мультфильма
«Кæмæн цы...», снятого по мотивам
одноименного стихотворения Коста Хетагурова

Обращение к истории сложения литературной традиции убеждает в том, что на самом ее начальном этапе важнейшую роль приобретает то, как удастся примерить две разнонаправленные силы, присутствие которых предопределено самой эволюцией искусства слова. С одной стороны, зарождающаяся литература стремится сохранить связь с устным народным творчеством, из которого она и вырастает. Невозможно одновременно отменить фольклор и в одночасье изменить привычки и вкусы общества, откуда и проистекает характерное для литераторов обращение к идущим из фольклора образам, сюжетам и мотивам. Вот почему восприятие литературных произведений на слух может еще долго сохраняться и после того, как в обществе разработана и внедрена система письма, отражающая наступление нового этапа. Действительно, за редким исключением представители старшего поколения в силу различных причин уже не будут изучать грамоту. С другой стороны, нарождающаяся литература стремится разорвать эту связь, преодолеть ее, чтобы при переходе к письменной форме изменить также и качество своего бытования. Главным адресатом литературы становится молодое поколение, уже успевшее овладеть грамотой и получившее тем самым доступ к письменному тексту. В конечном счете именно органичное и непротиворечивое сведение этих двух взаимоисключающих сил не только характеризует переходный этап, но и определяет его основное содержание. И в том, и в другом случае писатель (поэт) уже осознает себя в роли творца, выражающе-

го не коллективную точку зрения, а свою индивидуальную авторскую позицию.

Судя по тому, что признанным основоположником осетинского литературного языка и осетинской литературы считается Коста Хетагуров, именно ему удалось примирить эти две разнонаправленные силы, о которых речь шла выше. Весьма показательным, для того чтобы оценить это его достижение, представляется история создания букварей на осетинском языке как необходимого условия для распространения письменной грамотности среди населения, для развития народного образования. Замечу, что известно несколько подобных букварей, первым из которых принято считать изданный в 1820 году в Тифлисе букварь И. Ялгузидзе, вслед за которым спустя сорок лет, в 1860 году, появился учебник-букварь Иосифа Чепиговского, а затем уже последовали в 1890 году букварь А. Канукова (переиздававшийся в 1913 и 1916 гг.) и в 1908 году две части книги для чтения С. Мамитова [1, с. 56–57, 67, 230; 2, с. 13, 16; 3, с. 46]. В целом можно полагать, что попытки создания букваря, называвшегося по-осетински «Райдидан чиныг» («Начальная книга»), носили системный и непрерывный характер, а сама задача, однажды поставленная в повестку дня, оставалась неизменной на протяжении столетия.

Не остался в стороне от подобных попыток и Коста Хетагуров. Так, согласно воспоминаниям современников поэта, в частности Саукудза Тхостова, Коста Хетагуров ясно осознавал не только необходимость издания букваря, но и те трудности, с которыми оно сопряжено: требовался не просто перевод на осетинский язык уже существующих букварей, но творческий подход, исходящий из особенностей самого языка [4, с. 68]. Заслуживает упоминания и письмо от 8 ноября 1895 года учителя из селения Дарг-Кох Харитона Уруймагова, который просит в нем Коста дать ему разрешение на включение двух его басен «Рувас æмæ халон» («Ворона и лисица») и «Хъызтæ» («Гуси») в подготовленный им букварь. При этом он особо оговаривает, что «букварь имеет характер учебника для первоначального обучения» [5, с. 167]. Само это обращение служит ясным указанием на то, что для деятелей народного просвещения Осетии сборник стихов Коста Хетагурова «Ирон фæндыр» («Осетинская лира»), впервые увидевший свет в 1899 году, рассматривался не просто произведением литературы, но вместе с тем также и букварем, и книгой для чтения.

Понять то, как ему удалось добиться подобного положения, позволяет изучение его цикла так называемых детских стихов, также включенных им самим в поэтический сборник. Сам адресат этих стихов — дети — не оставляет сомнений, что поэт апеллирует в них к самым младшим и делает это, ставя во главу угла не столько прикладные задачи овладения грамотой, сколько мировоззренческие, обусловленные тем историко-культурным поворотом, через который проходило осетинское общество на рубеже прошлого и позапрошлого веков. Выяснение этой общественной идеологии и будет главным содержанием настоящей статьи. При этом главной целью будет изучение свойственной этим детским стихам общей характерной черты, которой оказывается мотив пробуждения. Достижение поставленной цели будет предполагать выявление источника этого мотива в устном народном творчестве осетин, установление его связи с традиционной культурой и описание общего социокультурного контекста его бытования.

В качестве показательного примера опоры на устное народное творчество может служить стихотворение Коста «Фыдуаг» («Шалун»), в котором он осуждает плаксу, лежебоку и соню. Герой стихотворения поочередно вступает в диалог с различными дикими животными: хищными — ястребом, лисой, коршуном и травоядным зайцем [6, с. 196–197, 320], что отчасти сближает его с жанром басни.

*О цъиусур,
Ма мæм дзур!
О рувас,
Ма мæм уас! —
Хуысгæ ма кæнын.
О цæргæс,
Ма мæм кæс!
О тæрхъус,
Ма мæм хъус! —
Кæрдзыныл кæуын!..*

*Ястреб злой,
Улетай!
Волк, не вой,
Спать мне дай,
Не трогай чуть свет!*

*Сыч ночной,
Пропади!
Зайчик мой,
Не гляди —
Реву: хлеба нет!*

Все же гораздо более плодотворным и не менее обоснованным будет допущение, что этот лежебока противопоставляется автором особой категории безупречных юных эпических героев, которые идут сражаться прямо из колыбели. Изучивший эту особую группу эпических героев Р. Ф. Фидаров полагает, что выход мальчика из колыбели является своего рода воинской инициацией и означает его отделение от беспомощных младенцев [7, с. 73]. Далеко не последнюю роль в этом случае следует отводить и детству героя, началу его пути, его воспитанию и становлению, именно этот вывод интуитивно и смог сделать Коста. Тем самым, с учетом представленных в эпической традиции юных героев, желание понежиться с утра в постели для ребенка сродни отказу от взросления, своего рода инфантилизм, осуждаемый Коста Хетагуровым.

Эта прозорливость Коста становится еще более очевидной, если обратиться к современной осетинской поэзии, в частности к творчеству Ахсара Кодзати, одного из самых ярких представителей своего поколения. В стихотворении «Алæгаты Тотрадзы мæлæт» («Смерть Тотрадза Алагаты») А. Кодзати предложил свою поэтическую обработку одного из самых известных сюжетов нартовских сказаний, в котором Тотрадз из рода Алагаты пытается отомстить нарту Сослану за гибель своей семьи [8, с. 135]. Прямо из колыбели, оседлав отцовского коня, надев его же доспехи и взяв отцовское оружие, он отправляется на ристалище, чтобы в честном бою одолеть врага. Однако поэт осмыслил его уже в категориях высокой морали, связав его судьбу с вероломством и предательством Сослана. Его стихотворение прекрасно, но он уже видит традицию иначе.

*Дуар бакæн, Аминон! Æрцыди мæ рад:
дыдзыхур æрлæсы цъæх цъитийы русыл,
мæ хъарм туджы 'ртæхтæ æрттивынц йæ рухсыл.
Дæ рахиз уæрагыл мын удæнцой ратт,
о мæрдты Барастыр.
Хæрамы дæр срæст кæныс, срæст кæныс расты.*

Все же мир взрослых оказывается для него слишком жесток и коварен. Победив злодея, он благородно щадит его, предоставляя ему вторую попытку, что заканчивается для него трагически. Сослан идет на уловки и поражает Тотрадза в спину. Для А. Кодзати основной темой становится обретение юным героем покоя и справедливости, но уже не на этом, а на том свете. Начало стихотворения застаёт погибшего героя у врат в потусторонний мир, где его встречает привратник — Аминон. Ему он рассказывает о своей горькой судьбе и смерти от рук негодяя Сослана. Судя по тому, что просит Владыку страны мертвых даровать ему покой (на его правом колене, потому что он еще дитя), двери для него были открыты. Картину дополняет *дыдзы хур*, то есть «солнце мертвых».

*Æз дзидзидай саби, æнахъом уыдтæн.
Нæ хæдзары чи уыд мæ разæй нæлыстæг —
фæцыди сыл сайдæй Сосланы æлгыстаг:
йæ къухæй фæцыдысты авдæй мæрдтæм.*

Далее он продолжает рассказ о своей земной доле:

*Мæн авдæнмæ басыгъта мады цæссыг,
мæн авдæнæй рагъæвтой маст æмæ хъыг:
йæ сау мыггаг сыскъуынон, загътон, мæнгардæн.
Фæрчытæй фæйнæрдæм фæтахти мæ авдæн.*

Он упоминает и колыбель, и силу, которая им двигала, — месть. Далее следует описание битвы, подробное и эпическое по своему масштабу.

*Æз тохмæ фæраст дæн æд фæттæ, æд уарт.
Фыдгул мæм лæбуры. Æвзарæм æрцытæй.
Нæ бæхты хуыррыттæй, нæ тохы къæрцытæй
кæрæдзи фæстæты æмбæхстысты нарт.*

Луки, стрелы, щиты, удары копий, конское фырканые, испуганные нарты, прячущиеся за спины друг друга.

*Фыдгулы бæх бастад. Йæ барæг æрхауд,
зæронд худы фаркау. Мæ арцыл æй систон.
Уæлбæхæй йæ рахастон. Хъазын дзы систон.
Фæци уæд лæггъстæтæм, уæд бахордта ард.
Фæхъазыдтæн бирæ фыдгулæн йæ удæй,
ыстæй йæ ныуагътон — къуырийы æмгъуыдæй.*

Юный мститель рассказывает о своем поединке, как он берет верх над обидчиком и публично его унижает. Затем дает ему недельный срок, чтобы вновь помериться силой.

*Кæм æвзарынц нартæ Хæрам æмæ Раст,
уым райстаин хъуамæ Сосланæй мæ маст, —
æргом хæстæй азылд, йæ ныфс æй нæ хаста.
Мæнгардæй мыл рацыд, фæстæ мæ æрбахста...*

Должны были вновь сойтись в битве на нартовском ристалище, однако Сослан идет на подлость, пускает стрелы ему в спину...

*Дуар бакæн, Аминон! Æрцыди мæ рад.
Мæнг дунемæ рантыстæн растæй цæрынмæ, —
Мæ авдæнæй бахызтæн марды чырынмæ.
Дæ рахиз уæрагыл мын удæнцой ратт,
о мæрдты Барастыр.
Хæрамы дæр сраст кæныс, сраст кæныс расты.*

Тонко чувствующий родной язык и традицию, А. Кодзати сводит вместе колыбель и гроб, подмечая связь, существующую в самой этнической культуре. Сошлюсь на поговорку: «Чырын кæм вæййы, уым авдæнæн дæр æнæ уæвгæ нæй» («Где гроб, там и колыбель»). Такова основа жизни, однако в случае с Тотрадзом путь от одного ложа к другому оказался слишком коротким.

Это — одно из стихотворений, впечатливших меня когда-то давно, но по-прежнему сохраняющее для меня свою притягательную силу. Подобно традиции, оно сдержанно в выборе выразительных средств описания и делает ставку на увлекательность сюжета, его динамику. Вместе с тем оно затрагивает самые тонкие и отзывчивые струны нашей души, когда выдвигает на передний план тему справедливости и чести. Оказалось, что идею осмысления эпических сюжетов в 80-е годы подал осетинским поэтам В. И. Абаев, однако задача оказалась далеко не простой. Приведенный выше пример — убедительное свидетельство того, что сама по себе эта задача необычайно благодарная как для творца, так и для читателя, предлагая новое прочтение старых тем, обеспечивая их своего рода *update*.

Примером отсылки Коста Хетагурова не только к эпической, но и к обрядовой традиции может служить его стихотворение «Лæгау» («Будь мужчиной»), когда утреннее пробуждение связы-

вается им напрямую с утренним омовением и молитвой, в которой школьник вверяет себя воле Всевышнего [6, с. 202–203, 464]. По сути, в нем Коста излагает распорядок дня для школьника, которому при пробуждении следует не только выполнить гигиенические процедуры, но также и совершить молитву, как условие успешного вступления в новый день, в предстоящие ему дела.

*Фест райсомæй лæгау,
Ныхс сапонæй дæхи
Æмæ-иу скув: Хуыцау,
Фæдзæхсын дыл мæхи!*

*Ты ранним утром встань,
Умойся, помолись:
«О Боже, в эту рань
Тебе вверяю жизнь...»*

Ключевое слово *фæдзæхсын* в данном контексте — «вверять, вручать». Утреннее упование на защиту Всевышнего отражает представление о сне как временной смерти, во время которой происходит посещение потустороннего мира. Отсюда и необходимость умыться, очиститься (как после посещения кладбища), а мыло указывает на перемену социального статуса — скорее всего, речь о том, что школьнику будут поливать воду на руки, оказывая уважение, приличествующее мужчине.

*Дзул к'уайд, уæд бæргæ —
Дæу дæр дзы хай фæуид!
Куы нæ уа, уæд хæргæ! —
Кæрдзынæй стонг æрвит!*

*Пшеничный хлеб хорош, —
Ты б не был позабыт.
Пшеничного не ждешь, —
Будь кукурузным сят!*

Вспоминаем нашего шалуна, который не хотел утром вставать и плакал от голода. Теперь картина совершенно иная, о голоде следует забыть. Так начинается укрепление духа, подготовка к будущей аскезе, посту (*ком*). Одновременно указан и путь: безотлагательно — в школу, занимая лучшее место, то есть ближе к доске.

*Цæттæ дæ хызын дар,
Тагъд де скъоламæ уай!
Æнæзивæг куы уай, —
Хуыздæр бынат дæ бар!*

*Зондамонæгмæ хъус,
Цы зæгъа, уый-иу кæн,
Зæрдæхъæлдзæгæй кус
Æмæ бæззай лæгæн!..*

*Ты сумку приготовь
И в школу поспеши,
К ней прояви любовь,
Старайся от души.*

*Наставника ты чти,
И честь его, и статью.
Работай и расти,
Чтобы мужчиной стать.*

Примечательно, что учитель в школе, куда Коста призывает мальчика идти, зовется им *зондамонæг*, то есть буквально «ведущий по пути разума (мудрости)». Дабы стать из юноши мужчиной, следует учиться, учиться с радостью в сердце. Здесь же узнаём, почему такая важная роль отводится знаниям: потому что учитель выступает в роли наставника, мудреца, открывающего божественную истину, отчего он и называется на особый, непривычный манер. Тема разума — *зонд* — будет у Коста звучать еще много раз. В данном случае она оказывается связана со школой как храмом, а учитель — хранитель божественной истины, то есть знания, которое не может быть отделено от этики, морали. Главная цель учебы, главный смысл обретения знания — стать личностью, научиться различать добро и зло.

В связи с этим следует напомнить о той роли, которую дети играли в обрядовом молении осетин, когда им после молитвы старшего доверяли первыми пригубить ритуального напитка (*аходæн*), объясняя это тем, что дети безгрешны и, следовательно, произнесенная молитва будет скорее услышана. Именно так информанты интерпретировали этнологу В. С. Уарзиати описанный обряд причастия самым младшим из участников осетинского обрядового моления [9, с. 167]. Как видим, утреннее пробуждение

напрямую связывается с преобразованием личности через приобщение к мудрости знаний, органично сочетаемой с религиозным самосознанием.

Наконец, на языковом уровне мотив пробуждения юного героя раскрывается Коста через связь с русской языковой стихией в стихотворении «Уасæг», являющемся вполне точным переводом русской народной детской песенки «Петушок — золотой-гребешок», в которой петуха просят не петь громко, чтобы не разбудить спящего мальчика [6, с. 200–201, 320]. Приведу его вместе с оригиналом.

*О уасæг, уасæг,
Сызгъæрин къонна!
О уасæг, уасæг,
Сырх зæлдаг боцъо!
Куыд раджы фестыс,
Куыд хъæрæй зарыс? —
Нæ буц лæппуйы
Хуыссын нæ уадзыс!*

*Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Что ты рано встаешь,
Голосисто поешь,
Ване спать не даешь?*

Осетинское существительное, обозначающее петуха, совершенно прозрачно по своей внутренней форме. Оно производно от глагола *уасын* с помощью суффикса *-æг*, обозначающего в данном случае имена деятелей, и трактуется В. И. Абаевым как «певун» [10, с. 55]. Однако сам исходный глагол оказывается чрезвычайно богат и сложен по своей семантике, обозначая одновременно и игру на музыкальных инструментах (свистеть, играть), и звуки, издаваемые животными (щебетать, каркать, мяукать, ржать, реветь, бляеть, квакать и пр.) [10, с. 57–58]. Описанная лексическая недифференцированность вовсе не значит, что носители осетинского языка не различали этих звуков, скорее, речь должна идти о своеобразном способе показа звукового единства мира природы и человека через сопоставление звуков животного и культурного происхождения, возникающих

с помощью музыкальных инструментов. В итоге пробуждение означает приобщение к внешнему миру через его звуковую составляющую, предваряемую предрассветным петушиным криком.

Совмещение всех этих значений в одной лексеме наделяет петуха особым культурным статусом, в его утреннем крике пробуждающийся мир обретает свое многоголосие. На смену ночной тишине, таящей в себе к тому же и опасность, приходит гомон утра, знаменующий наступление нового дня с его заботами и радостями. Полифония, описываемая глаголом *уасын* через тех животных, с которыми он ассоциируется, наполняет звуком жизни все мироздание, все его зоны, как по вертикали, так и по горизонтали. Есть в этом звуковом пространстве место и человеку, но не простому, а музыканту, играющему на духовом инструменте.

Кроме того, когда Коста сводит таким образом два языка — русский и осетинский, он фактически обнажает языковую семантику, привлекая к ней внимание через неизбежное сопоставление. Замечу, М. В. Дарчиева считает петушиное пение (*кæркуасæн*) важным элементом в системе эпического измерения времени, маркирующего части суточного цикла [11, с. 285, 307]. Это обстоятельство оказывается решающим для привязки утреннего пробуждения к петушиному крику.

Подводя итог, замечу, что утреннее пробуждение у Коста Хетагурова связано еще с одной, гораздо более масштабной задачей, заключающейся в преодолении цикличности времени как важнейшего условия раскрепощения личности, принятия ею ответственности за собственную судьбу. В одной из своих басен «Хъазтæ» («Гуси») он говорит о необходимости отказа от постоянных отсылок к достижениям своих предков, но требует стремления к собственным достижениям, к ответственности перед собственной судьбой [6, с. 154–155, 461]. В общем и целом следует сделать вывод, что обращение к мотиву было непосредственно связано для Коста Хетагурова с обновлением мира, пробуждением не только ото сна, но и пробуждением сознания, одним из необходимых условий которого он считал обретение мудрости через книжное знание, через посещение школы и общение с наставником (*зондамонæг*). С этой точки зрения трудно переоценить влияние зарождающейся литературы на формирование общественного сознания, когда она, вытесняя устное народное творчество, фактически замещает его.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ардасенов Х. Н.* Очерк развития осетинской литературы. Дооктябрьский период. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1959.
2. *Гостиева Л. К.* В. Ф. Миллер и А. А. Кануков: сотрудничество в области осетиноведения // Вестник ВНЦ. № 4. Т. 22. С. 11–18.
3. *Хаданова Ф. Х.* О просветителе протоиерее Стефане Мамитове // Известия СОИГСИ. 2009. № 3 (42). С. 45–53.
4. Коста в жизни. Систематический свод воспоминаний современников, собственных его свидетельств и других материалов. Ч. II (по 1906 г.) / сост. и подг. текста Р. К. Тедеты (Скифирон). Цхинвал: Ирыстон, 1989.
5. Коста в жизни. Систематический свод воспоминаний современников, собственных его свидетельств и других материалов. Ч. I (по 1896 г.) / сост. и подг. текста Р. К. Тедеты (Скифирон). Цхинвал: Ирыстон, 1984.
6. *Хетагуров К. Л.* Собр. соч.: в 5 т. Т. I. Владикавказ, 1999.
7. *Фидаров Р. Ф.* Обряд воинской инициации в осетинском нартовском эпосе // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. СПб., 2009. № 117. С. 70–76.
8. *Хъодзаты А.* Рух: Аьмдзæвгæтæ. Орджоникидзе: Ир, 1987.
9. *Уарзиати В. С.* Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. Т. I. Владикавказ: Абета, 2017.
10. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1989. Т. IV.
11. *Дарчиева М. В.* Мифопоэтический хронотоп в осетинских эпических текстах. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017.

Дзерасса ХЕТАГУРОВА

«МЫ ВСЕ В СТОЧНОЙ КАНАВЕ...»:
МОТИВ ПУТЕВОДНОЙ/СУДЬБОНОСНОЙ
ЗВЕЗДЫ В ОСЕТИНСКОЙ ПОЭЗИИ
начала XX века
(Д. А. Гатуев, Г. Г. Малиев)

Фрагмент гравюры А. Дюрера «Рождество Христово». 1502(4) г.

Одна из самых популярных тем в мировой поэзии — образ звезды. Символическая глубина концепта ЗВЕЗДА включает в себя множественные семантические пласты, полифоничность и вариативность которых связана с творческой идеосферой того или иного автора, с переосмыслением различных культурных традиций, с достижениями художественной мысли своего времени.

Звезда, как «один из древнейших общечеловеческих символов, астральный знак, символ вечности, <...> высоких стремлений, <...> эмблема счастья» [18, с. 175], неизменно сохраняла свою притягательность в создании субъективной картины мира в творчестве многих поэтов. Актуальность образа объясняется его семантической емкостью, так как звезда — это и небесное тело, и синоним души, судьбы, божественных откровений, поисков, аллегория творческих исканий. Глубокую многоплановость концепта ЗВЕЗДЫ можно найти в шедеврах мировой (Ф. Петрарка, У. Шекспир, Д. Байрон, Г. Лонгфелло, У. Вордсворт, С. Плат), русской (М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, М. И. Цветаева) и осетинской поэзии (К. Л. Хетагуров, А. И. Токаев, Д. А. Гатуев, Г. Г. Малиев, З. А. Хостикоева).

В стихотворении в прозе известного осетинского поэта начала XX века Дзахо (Константина) Гатуева «Звезда» можно выявить множественный символизм в использовании образа звезды, в котором соединились традиции библейской мифологии и модернистское мироощущение.

Текст построен по принципу притчи, в абстрактном пространстве с условным лирическим героем: «Он долго, долго шел... Туда,

за высокие снежные горы, из-за которых торжественно-величаво поднималось красное горячее солнце <...>. Он шел через необозримые голые пустыни. И тогда зной неуловимым пламенем охватывал его исхудалое тело, раскаленным воздухом врвался внутрь <...>. Тяжелые капли черной крови выступали на потрескавшейся коже и, смешавшись с холодным потом, падали на горячий песок пустыни, который жадно проглатывал кровавую влагу. Он проходил дремучие леса» [5, с. 20]. Путь субъекта неизвестно когда начался и когда закончится. Он упорно идет по пустыням, лесам, ущельям гор, и ночью и днем, прорывается сквозь сучья, падает, израненный, кровоточащий, стремится вперед, «подталкиваемый неведомой, непреодолимой силой» [5, с. 20]. Это мучительное путешествие, полное боли физической (исцарапанный, теряющий куски мяса) и душевной (инвариантное одиночество), есть универсальное воплощение онтологии человеческой жизни.

Образы в тексте Гатуева намеренно реалистичны и представляют собой типичные элементы природного бытия: снежные горы, необозримые пустыни, дремучие леса, зной и холод, бешеный ветер — все они свидетели и источники страданий лирического героя, которые пытаются сломить его волю. Однако он упрямо стремится к далекой звездочке, что манит и направляет его путь: «И сквозь часто переплетавшиеся ветви, как через решетку, ему блистала далекая мерцающая звездочка» [5, с. 20]. В этом безумном бесконечном движении вперед он выбрал себе цель, его взор всегда устремлен к ней, к этой недостижимой звезде. Для Гатуева мотив путеводной звезды, несомненно, связан с библейским образом звезды, указывающей волхвам место рождения Спасителя. Так и путник стремится к ней, чтобы также найти спасение, радость, покой и «возможность постижения божественного мира в его полноте» [13, с. 1181].

Однако если у Вифлеемской звезды была конкретная задача, с которой она справилась, то звезда Гатуева, напротив, ведет героя неизвестно куда. Семантическое поле устойчивого фразеологизма «путеводная звезда» в концептосфере осетинского поэта включает в себя как традиционные толкования (Полярная звезда, которую «...мореплаватели древности почтительно именовали <...> Путеводной звездой, так как по ней, точно стоящей на севере, можно было надежно определять путь» [4, с. 205]; Вифлеемская звезда, ведущая волхов к месту рождения Иисуса Христа: «И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младше-

нец» [Мф. 2: 9]), так и новое смыслонаполнение, связанное с мировидением человека XX века. Как утверждает исследователь русскоязычной осетинской литературы И. С. Хугаев: «Поэтический слух Дзахо утончался в значительной мере благодаря школе модернизма» [16, с. 6]. Поэтому путешествие лирического героя может трактоваться как экзистенциальный путь в никуда, к неизбежности смерти, а звездочка лишь атрибут неба, она ничего не обещает и не указывает. Как говорил Ф. Кафка: «Истинный путь идет по канату, который натянут не высоко, а над самой землей. Он предназначен, кажется, больше для того, чтобы о него спотыкаться, чем для того, чтобы идти по нему» [9, с. 7]. Так и субъект Гатуева спотыкается на своем «истинном пути», падает, поднимается, израненный, теряя кровь и куски плоти, бездумно стремится к свету равнодушной, недостижимой звездочки.

Этот бесконечный путь испытаний, с одной стороны, воспринимается исследователями творчества Гатуева как школа духа, где «...неведомая дорога не страшит героя. Могучая сила и вера в высокую жизненную цель способны преодолеть преграды» [6, с. 618]. С другой стороны, «непреоборимая» сила, подталкивающая лирического субъекта, есть суть проклятье, стремительный бег жизни в границах индивидуальной тюрьмы, где сквозь ветки-решетки индифферентным светом блистает звезда. Непреклонность героя может ассоциироваться с бессмысленным упорством Сизифа из философского эссе А. Камю. Звездочка у Гатуева — это всего лишь часть окружающей природы, где «красное горячее солнце» обливает «ликующими лучами и добрых и злых» [5, с. 20]. Здесь автор вплетает в свой текст очередную отсылку к библейской мифологии, ведь именно Бог «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5: 45).

Связь с библейской символикой мощный семантический пласт в трактовке текста в целом. Небесные светила (солнце, звездочка) неизменно ассоциируются с Богом, тогда как все, что связано непосредственно с лирическим героем, относится к земле (раздирающие ветки, острые скалы и т. д.). Свет солнца и звездочки инвариантный и самодостаточный, именно поэтому герой так стремится к своей безымянной звезде в попытке обрести спокойствие и гармонию, в противовес земному хаосу и страданию. При этом звезда Гатуева увлекает, но не ведет к истинной цели, это только глаза страдальца сделали ее своим ориентиром, чтобы облечь смыслом свой стремительный бег вперед. Как уже в конце XX века скажет С. Рушди, «мы глядим в вышину и надеемся, что звезды

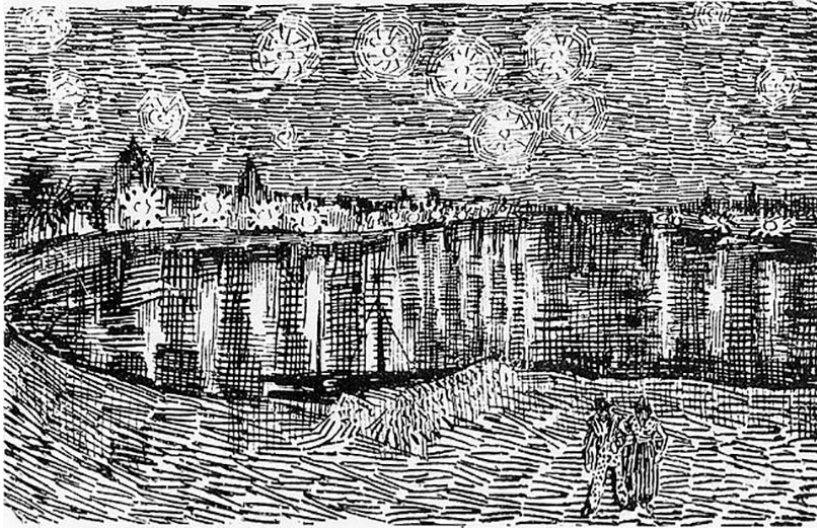
глядят оттуда на нас, мы молимся о путеводной звезде, прочерчивающей в небе путь нашей судьбы, <...> но для Вселенной мы значим куда меньше, чем она для нас, и звезды остаются на своих кругах, как бы мы ни мечтали об ином. <...> Судьбы наши здесь, на земле, и нет для нас путеводных звезд» [15, с. 77–78].

Таким образом, символизм концепта ЗВЕЗДА в стихотворении Гатуева включает в себя дихотомичность прочтения: традиционное толкование — путеводной, указывающей путь (Полярная, Вифлеемская звезда), и модернистское — экзистенциальная дорога во тьму небытия под обманчивым мерцанием звезды, которая не освещает верную дорогу и не обозначает место завершения мучений лирического героя.

Мотив путеводной/судьбоносной звезды присутствует и в поэзии другого известного осетинского поэта начала XX века — Г. Г. Малиева в стихотворении «Песнь горянки», где взор несчастной женщины устремлен в небо, в поисках ее личной, собственной звезды. В осетинской мифологии считается, что «каждый человек имеет на небе свою звезду, которая рождается и умирает вместе с ним. О судьбе человека судили по его звезде: если она горит ярко — он счастлив. <...> Амондджын стъалыйы бын райгуырды (родился под счастливой звездой)» [12, с. 29]. Поэтому и женщина в тексте Малиева ищет свою звезду на небе, но поиск ее безнадежен:

*Помню я, как мать родная
Говорила мне всегда,
Что для каждого на небе
Богом создана звезда.
У окошка сакли бедной,
Тихо голову склоня,
Взор свой с грустью каждый вечер
Устремляю в небо я.
Ярко, радостно играют
Звезд блестящие стада,
Но звезды своей меж ними
Я не вижу никогда.
Где же ты, звезда родная,
Где, грустя, мерцаешь ты?
Покажись хоть раз единый
Ты с бездонной высоты [10, с. 104].*

Образ угнетенной, бесправной женщины-горянки — один из актуальных в осетинской поэзии, права женщин, их свобода вол-

Винсент Ван Гог. Звездная ночь над Реной. 1888 г.

новали все прогрессивные умы национальной интеллигенции конца XIX — начала XX века (К. Л. Хетагуров, Г. М. Цаголов, Б. М. Гуржибеков, С. К. Гадиев, А. Б. Коцоев, А. Б. Кубалов и др.). Малиев также не остается равнодушным к тяжелой участи женщин, которые в гнетущих жизненных условиях обречены «судьбою на зависимое, страдальческое существование» [3, с. 11]. Горянка Малиева каждый вечер устремляет свой уставший взгляд к радостным звездам, ища собственную, но ее нет на небе, либо она светит так слабо, что ее невозможно увидеть.

Известное высказывание О. Уайльда: «...мы все в сточной канаве, но некоторые из нас смотрят на звезды // ...we are all in the gutter, but some of us are looking at the stars» [19, с. 92] (цитата приводится в переводе автора статьи. — Д. Х.) находит измененное воплощение в стихотворении Малиева и теряет свою возвышенную концовку. Находясь в канаве, даже если и смотришь вверх, видишь лишь канаву, у взора нет перспективы, нет устремленности в светлую высь. По мнению видного исследователя осетинской литературы Ш. Ф. Джикаева, стихотворение Малиева — это горькая жалоба: «Ныфсæвæрæнтæй сæнтысынц мифтæ æмæ аргæуттæ. Геуæргийы лириконт персонаж дæр йæхи буц дары уыцы мифтæй. <...> Дзæггæлы агуры æрыгон сылгоймаг æгæрон тыгъды йæхи стъалы, — тызмæг æцæгдзинад рацæуы мифты

ныхмæ, халы бæллицион дуне, адæймаджы æркæны тыхст æмæ æрхæндæгмæ // Хранилище надежд — это мифы и сказки. Лирический персонаж Георгия также балует себя этими мифами. <...> Напрасно молодая женщина ищет в бескрайнем пространстве свою звезду, — жестокая реальность восстает против мифов, разбивает вдребезги мир грез, приводит человека к переживаниям и грусти» [7, с. 155] (перевод с осетинского языка представлен автором статьи. — Д. Х.).

От традиционной символики концепта ЗВЕЗДА Малиев взял именно фольклорную ее трактовку: «звезда человека» («адæймаджы стъалы»), следует отметить, что подобные предания существуют во многих мировых традициях (славянская, восточная культуры). Однако выбрав за основу привычные понятийные маркеры (судьбоносная, счастливая звезда), Малиев выходит на дополнительный коннотационный уровень: звезда должна быть, но ее нет. И если обратиться к тому, что «осетины верили: в небе столько звезд, сколько на земле людей. Потому в момент наступления смерти одна из звезд-светил падает с неба (арвæй йе стъалы рахауди)» [12, с. 519], то отсутствие собственной звезды на небе говорит о том, что горянка Малиева мертва. Это положение вновь заставляет вспомнить о времени создания стихотворения, о модернистской эстетике (страх жизни, боль и искажение действительности в мироощущении экспрессионизма), философии экзистенциализма (абсурдность всякого бытия и «упорство в жизни без утешения» [8, с. 264]. Тем самым «Песнь горянки» органично сочетает в себе социальную направленность, передавая «переживания, думы и чаяния простых людей» [1, с. 244], и модернистское мироощущение с осознанием конечности, обезличенности и обыденности трагизма бытия. В контексте фольклорных представлений о звездах как о божествах, «к которым люди обращают свои молитвы и ждут от них помощи» [14, с. 193], в стихотворении Малиева героиня также отчаянно жаждет помощи с небес в бесплодных поисках собственной звезды.

По преданиям осетин, «падающие звезды — летящие ангелы. Куда падала звезда, там, говорят, бывал курган или холм, около них приносили жертвы и молились. По словам стариков, со времени революции не видно падающих звезд; должно быть, бог прогневался и не посылает ангелов» [17, с. 81]. Цитата, взятая из очерка известного советского этнографа-кавказоведа Г. Ф. Чурсина, своеобразно подтверждает утверждение модернистов о том, что время начала XX века — это время, оставленное Богом. Отчужденность и очужденность — основа самоощущения лич-

ности начала XX века, ведь «до сих пор люди переходили из храма, который разрушался, в храм, который воздвигался, покидали одну религию, чтобы вступить в другую, между тем как мы покидаем нашу религию, не зная, куда идти» [11, с. 289]. Нет ни ангелов, ни падающих звезд, нет спасения и опоры в религии и преданиях старины, горянка Малиева одна под равнодушными небесами, на земле, с ее страданиями без веры в какое-либо светлое начало.

Рубеж XIX–XX веков и начало XX века — время потери устойчивых контактов с Богом, с самим собой, со своим историческим прошлым: «Перелом веков означает смену языка, на котором небо (или бог) говорит с человеком. Теряя свою связь с предками, мы перестаем их понимать» [2, с. 156]. Подобную тотальную разобщенность демонстрирует и Малиев в стихотворении, где героиня под гнетом тяжелых жизненных условий превращается в механизм, выполняющий определенные семейные, бытовые функции, в тело, у которого отнята даже его звезда-душа. Отчего горянка и мертва уже при жизни, под весом не только реальных проблем, но и экзистенциальных, тех, которые свойственны модернистскому мироощущению.

Тем самым актуальные тенденции времени нашли отражение в осетинской поэзии начала XX века (Гатуев, Малиев) в трактовке образа звезды, семантически углубив его, дополнив уже устойчивые отсылки к библейской мифологии, мировому и осетинскому фольклору. В экзистенциальном взгляде на небеса герои Гатуева и Малиева осознают будничную трагичность и обреченность собственного жизненного пути, идентичного уже веками протоптанным человечеством дорогам к свету недостижимой истины.

Таким образом, в конце исследования приходим к следующим выводам. Стихотворения Гатуева и Малиева посвящены исследованию образа звезды в пределах мифологического, неомифологического и модернистского дискурса. Символизм концепта ЗВЕЗДА в произведениях осетинских авторов базируется на традиционных трактовках путеводной (Полярная, Вифлеемская), судьбоносной звезды («звезда человека» — «адæймæджы стъалы»), но при этом приобретает особую семантическую глубину благодаря эстетике модернизма. Путь за звездочкой для героя Гатуева, по сути, бессмысленный, ведь уставший и изможденный путник выбрал ее произвольным ориентиром в своем бесконечном экзистенциальном беге-жизни. Горянка Малиева ищет каждый вечер после утомительного трудового дня на ночном небе

свою личную звезду, но не находит. Следуя логике старинных осетинских преданий, у каждого человека есть на небе звезда, а когда он умирает, закатывается и она. Отсутствие собственной звезды символизирует в стихотворении Малиева смерть архаического сознания, а также отражает идеи экспрессионизма, где грани между жизнью и смертью стираются, а человек начала XX века в целом ощущает себя мертвым уже при жизни. Абсурдность, пограничность существования воплощает героиня Малиева, ее жизнь — тот же сизифов труд, как и для лирического субъекта Гатуева. Звезды в произведениях Гатуева и Малиева превращаются в мертвую эмблему, теряют традиционную символику (не ведут в правильном направлении, не являются судьбоносными), являя собой обманчивый элемент, фикцию, симулякр. Суть обоих концептов одна: они не играют ту роль, которую должны (указывать путь, символизировать жизнь каждого человека). Изнуряющий бег героя Гатуева и беспросветные тяготы горянки Малиева — это инвариантные свойства земного бытия, без надежды на избавление, без света звезды-истины.

В ходе проделанной работы открывается перспектива для дальнейшего исследования семантической парадигмы космогонической метафоры в осетинской литературе XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ардасенов Х. Н.* Очерк развития осетинской литературы. Дооктябрьский период. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1959.
2. *Бакирова А. А., Пименова М. В.* Символические признаки концепта «звезда» в современной русской поэзии // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2020. № 1 (144).
3. *Балоева И. К.* Творческое наследие Георгия Гадоевича Малиева: проблематика и жанровое многообразие: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2006.
4. *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. СПб: Фолио-Пресс, 1998.
5. *Гатуев К. А.* Стакан шейха. Орджоникидзе: Ир, 1981.
6. *Дзапарова Е. Б., Хетагурова К. И., Хозиева И. Х., Асаева Н. А.* Стихотворения в прозе в осетинской литературе первой половины XX в.: жанровая идентификация // Вестник Удмуртского ун-та. Серия «История и филология». 2022. Т. 32. Вып. 3. С. 615–622.
7. *Джыккайтты Ш.* Малиты Геужæрги // Джыккайтты Ш. Ирон литературæйы истори (1917–1956 азтæ). Дзæуджыхъæу: Ир, 2003.

8. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде / пер. с фр. А. М. Руткевича // Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж. П. Сумерки богов (сборник) / сост., общ. ред. и предисл. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990.

9. Кафка Ф. Афоризмы / пер. с нем. С. Апта // Кафка Ф. Собр. соч.: в 3 т. М.: Худ. лит.-ра; Харьков: Фолио, 1994. Т. 3: Афоризмы. Письмо отцу. Письма. Из дневников.

10. Малиев Г. Г. Ираф (стихи на осет. и рус. яз.). Владикавказ: Ир, 1995.

11. Метерлинк М. Разум цветов / пер. с фр. Л. Вилькиной // Метерлинк М. Жизнь пчел. Разум цветов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023.

12. Осетинская этнографическая энциклопедия / сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ: Проект-Пресс, 2012.

13. Поташова К. А. «Небо звездно» в поэзии Г. Р. Державина и В. И. Жуковского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 3. С. 1180–1186.

14. Рольгайзер А. А. Символическая интерпретация концептов 'звезда' и 'étoile' // Вестник КемГУ. 2013. № 3 (55). Т. 1.

15. Рушди С. Прощальный вздох мавра / пер. с англ. Л. Мотылева. СПб.: Лимбус Пресс, 1999.

16. Хугаев И. С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ: Ир, 2008.

17. Чурсин Г. Ф. Осетины. Этнографический очерк. Тифлис, 1925.

18. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / сост. К. М. Королев. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003.

19. Wilde O. Lady Windermere's fan: a play about a good woman. London: E. Mathews and J. Lane. 1893.

АВТОРЫ НОМЕРА

БЕМУРЗОВ Зураб — черкесский писатель, поэт, киносценарист, драматург, журналист. Заслуженный журналист КЧР, член Союза писателей России. Его произведения вошли в более чем 20 международных и всероссийских сборников и антологий, переведены на 9 языков, поставлены на театральных сценах ЮФО и СКФО, а также включены в школьную программу по родной литературе. Неоднократный победитель и обладатель золотых медалей российских литературных конкурсов.

БЕГПАЕВ Муталип — балкарский поэт и журналист. Родился в 1949 году в городе Джамбуле (ныне Тараз) Республики Казахстан. Окончил Литинститут им. А. М. Горького. Работал заведующим: литературной частью Балкарского госдрамтеатра, отделом творческой молодежи при обкоме ВЛКСМ, отделом художественных передач на телевидении; редактором в журналах «Нюр», «Минги-Тау», зам. главного редактора республиканской газеты «Заман» («Время»), был председателем правления Союза писателей КБР. Автор более десяти сборников стихов на балкарском, русском, татарском языках. В настоящее время — председатель Союза писателей КБР, секретарь Союза писателей РФ. Член Союза писателей и Союза журналистов РФ. Заслуженный работник культуры КБР. Лауреат Международной премии имени Махмуда Кашгарского. Живет в Нальчике.

БОЛАТОВА Ада (псевдоним) родилась в 1998 году во Владикавказе, выпускница СОГУ, с детства пишет стихи. Ранее не публиковалась.

ДЖАТИЕВ Тотырбек (1910–1984) — советский осетинский писатель и журналист. Родился в селе Сба Южной Осетии в крестьянской семье. Вырос в селе Ногир Северной Осетии. Окончил пять классов школы. В 1932 году был назначен и. о. редактора газеты «Молодой большевик». В 1939 году ушел добровольцем на войну с Финляндией; получил несколько ранений. В 1941 году окончил Литинститут им. А. М. Горького, работал там же на заочном отделении. Участник Великой Отечественной войны. Был начальником партотдела газеты «Северная вахта» и военным корреспондентом ТАСС. В 1945–1949 годах был редактором журнала «Мах дуг» и альманаха «Советская Осетия». Автор повестей «Добровольцы», «Честь осетина», «Два друга», романов «У горы Зилга-хох», «Горная звезда» и др.

ИСАЕВ Александр родился в 1971 году в Ростове-на-Дону. В 1977 году переехал с семьей во Владикавказ. В 1989-м поступил в ГМИ на факультет цветных металлов. Служил в рядах ВМФ Советской армии в Балтийске Калининградской области. После армии поступил в Калининградский госуниверситет, где экстерном окончил курс по специальности «столляр-краснодеревщик, реставратор». Работал реставратором на частном мебельном производстве, позже освоил литье. В 2010 году организовал свою мастерскую и занялся кузнечным делом, изготовлением ножей. Неоднократно принимал участие в выставках мастеров народных промыслов. В данный момент продолжает развиваться в этом направлении.

КРИВЦОВ Никита родился в 1955 году. Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ им М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Прозаик, трэвел-журналист, автор десяти книг, вышедших в России и Англии, и многочисленных статей в ведущих отечественных журналах о путешествиях, таких как «Вокруг света», National Geographic Traveler, Discovery, «Вояж» и др. Опубликовал ряд переводов с английского языка, в частности несколько рассказов Джона Леннона и книгу очерков южноафриканского писателя Лоуренса Грина. Малую прозу пишет давно — рассказы публиковались в журналах «Сельская молодежь», «Север», «Новый берег», «Нижний Новгород», «Мир Аэрофлота» и др. Автор статей в ряде научных журналов и сборников.

МАМУКАЕВ Казбек родился в с. Сурх-Дигора Северной Осетии. В 1986 году окончил осетинско-русское отделение филологического факультета СОГУ. Стихи начал писать в 13 лет. Публиковался в районных и республиканских газетах, в журнале «Мах дуг», а также в общих сборниках. Автор двух поэтических сборников: «Мэйы сонатæ» («Лунная соната», 1998) и «Æрвон рух» («Вышний свет», 2003), а также перевел несколько ветхозаветных книг Библии с древнееврейского языка на осетинский.

РЕЗНИК Ольга — заслуженный журналист РСО-Алания, поэт, член Союза журналистов России и Российского союза профессиональных литераторов. Окончила с отличием СОГУ им. К. Л. Хетагурова. Работала корреспондентом разных североосетинских СМИ. Ныне — редактор отдела поэзии журнала «Дарьял». Публиковалась в журналах «Голос Кавказа», «Дарьял», «Горный ветер», «Страстной бульвар, 10», «Ровесники» (ДНР), «Вместе в Осетию», «Квайса», «Казарла». Автор поэтического сборника «Жизни тоненькая нить», соавтор книги «Шолом, Владикавказ!», автор сценариев документальных фильмов «Созидатель» (Владикавказ, 2018) и «Новая жизнь. Служение» (Владикавказ, 2021). Победитель (I место) VI Всероссийской общественной премии за личный вклад в этнокультурное развитие и укрепление единства народов России «Гордость нации — 2025» в СКФО в номинации «За вклад в информационное сопровождение государственной национальной политики».

САЛБИЕВ Тимерлан родился в 1962 году в Орджоникидзе. Окончил факультет иностранных языков СОГУ им. К. Л. Хетагурова и аспирантуру филологического факультета МГУ. По базовому образованию германист. Кандидат филологических наук. Ведущий научный сотрудник Владикавказского научного центра РАН. Автор статей и монографий, посвященных проблемам социальной и культурной антропологии осетин. Перевел с английского языка монографию Л. Дженеша «Русская литература в изгнании. Жизнь и творчество Гайто Газданова».

ТАДТАЕВ Тамерлан родился в 1966 году в Цхинвале. Окончил Душанбинское художественное училище имени Олимова. Участник грузино-осетинских войн 1991–1992, 2004, 2008 годов. Начал писать в 2006 году. Публиковался в журналах «Дарьял», «Вайнах», «Дружба народов», «Нева», «Ковчег», «Бельские просторы», «Сибирские огни», «Юность», газетах «Литературная Россия», «Независимая газета», альманахе «Искусство войны», на интернет-сайтах. Лауреат «Русской премии» 2008 года. Автор пяти книг. Короткометражный фильм «Суадон», снятый по рассказу «Русская рулетка», — участник 68-го Каннского кинофестиваля в разделе Short Film Corner.

ТАРЧОКОВ Алимбек родился в 1999 году в селении Плановское Кабардино-Балкарии. Основы живописи постиг, обучаясь в Детской школе искусств города Терек. Продолжил образование в Московской художественно-промышленной академии им. С. Г. Строганова на кафедре реставрации живописи. В Москве представлял свои работы на биенале современного искусства Кавказа, выставках проекта Martemanchello и др. По возвращении в родную республику занимается, помимо живописи, реставрацией монументальных памятников культуры.

ТИЧБОРН Чидик — английский заговорщик и поэт. (1563?—1586). Родился в Саутгемптоне в семье католиков. После запрета католичества в Англии, в 1586 году участвовал в заговоре с целью убийства королевы-протестантки Елизаветы I и возведения на престол шотландской королевы-католики Марии Стюарт. Заговор был раскрыт, Тичборн и другие заговорщики были приговорены к смертной казни. 19 сентября, накануне казни, находясь под стражей в лондонском Тауэре, Тичборн написал письмо своей жене Агнес. В письме содержалось стихотворение, известное в дальнейшем как «Элегия, написанная в ночь перед казнью». Это единственное его известное стихотворение, однако можно предположить, что Тичборн имел серьезный поэтический опыт. Особенность стихотворения в том, что оно написано исключительно односложными словами. Это создает уникальную задачу для его переводчиков.

УАРЗИАТИ Вилен (1952–1995) — осетинский этнолог, кандидат исторических наук. Окончил с отличием исторический факультет СОГУ им. К. Л. Хетагурова (1975), а затем и аспирантуру Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (1978). Являлся ведущим научным сотрудником Северо-Осетинского научно-исследовательского института, профессором кафедры Российской истории и кавказоведения исторического факультета СОГУ. Опираясь на опыт передовой этнологической мысли, реконструировал в традиционной бытовой и обрядовой культуре осетин древнейшие пласты общеранской космогонической системы. Автор фундаментальных исследований: «Народные игры и развлечения осетин» (1987), «Культура осетин: связи с народами Кавказа» (1990), «Праздничный мир осетин» (1995). В 1995 году ему была присуждена стипендия Российской академии наук.

УРТАЕВ Владислав (1969–2023) — поэт, член Союза писателей России. Родился в городе Ленинабаде (ныне Худжанд) Таджикской ССР в семье музыкантов. С трехлетнего возраста жил во Владикавказе. В 1992 году поступил в Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковался в газетах «Молодой коммунист», «Литературная Россия», журнале «Дарьял». Автор семи поэтических сборников, последний из которых («Арфа над затмением. Избранное») издан посмертно. Стихотворения Уртаева включены в школьную программу по литературе в части национально-регионального компонента.

ФРИДМАН Михаил родился в 1979 году в г. Мытищи Московской области. Профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор философских наук, кандидат педагогических наук, магистр образования Манчестерского университета, выпускник Президентской программы подготовки управленческих кадров (РАНХиГС при Президенте РФ) и Московского педагогического университета, академик Международной академии информатизации в генеральном консультативном статусе ООН, член Зиновьевского клуба Международного информационного агентства «Россия сегодня», лауреат Литературной премии Александра Зиновьева (2018), автор 20 поэтических книг и широкого ряда публикаций в литературных газетах, журналах и альманахах, лауреат нескольких поэтических конкурсов и фестивалей.

ХЕТАГУРОВА Дзерасса родилась в 1977 году в Орджоникидзе. Окончила факультет русской филологии СОГУ (мировая художественная культура). Кандидат филологических наук («Творчество Алихана Токаева и эстетика символизма»). В настоящее время работает научным сотрудником во Владикавказском научном центре РАН.

ХОДОРОВА Елена родилась в 1983 году в Санкт-Петербурге в семье врачей. Окончила медицинскую академию, ординатуру по хирургии. Также проходила обучение на художественно-графическом факультете института им. А. И. Герцена, но после пожара в институте художественное образование не удалось закончить. Работала врачом скорой помощи в Санкт-Петербурге. Участвовала в молодежных выставках Ленинградского отделения Союза художников как живописец и фотограф. Много путешествовала по миру. После поездки в Тибет решила окончательно порвать с медицинской практикой. Публиковалась как fashion-фотограф в зарубежных изданиях, снимала для рекламных проектов. В 2004 году приехала во Владикавказ с персональной фотовыставкой «Цвети, Осетия моя» и осталась жить в Северной Осетии. В настоящий момент работает фотографом и преподает медицину в системе последипломного образования.

ХУГАЕВ Сергей родился в 1933 году в с. Хугатикау Южной Осетии. Окончил историко-филологический факультет Северо-Осетинского госпединститута, затем Литинститут им. А. М. Горького. Работал учителем в сельских школах Дагестана и Северной Осетии, редактором студии телевидения, зав. отделом журнала «Мах дуг», старшим редактором Северо-Осетинского книжного издательства «Ир». Член Союза писателей РФ. Автор многих поэтических и прозаических книг. Народный писатель Осетии (2013).

ЧШИЕВ Владимир родился в 1970 году в Орджоникидзе. Окончил исторический факультет СОГУ им. К. Л. Хетагурова. Стажировка на кафедре археологии СПбГУ в 1991 году. Защита кандидатской диссертации по специальности «Археология» в Институте археологии РАН в 2017 году. Имеет публикации в 20 научных и научно-популярных журналах. Участвовал в подготовке академического издания «История Осетии» в двух томах (Владикавказ, 2012).

ДАРЬЯЛ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

* * *

WWW.DARIAL-ONLINE.RU

Журнал основан в 1991 году и поддерживает
традиции литературной периодики
в Северной Осетии.

Издается на русском языке и представляет
осетинский и в целом кавказский
литературный процесс
русскоязычному читателю.

«Дарьял» стремится соответствовать
своему времени и отвечать на его запросы.

Выходит шесть раз в год.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС
18668

В оформлении обложки использована
картина Алимбека Тарчокова

ЖУРНАЛ «ДАРЬЯЛ» — ЭТО:

- Литературно-художественное издание, представляющее культуру и искусство Осетии всему миру
- Поле для исторических и философских дискуссий
- Площадка для молодежных экспериментов и идей
- Дружелюбная творческая среда, объединяющая народы Кавказа

 vk.com/darial.review | t.me/darialreview